

Не ГОТОВЫ

v1.0.1

Александр Соседкин

Дарья Соседкина

Это не планировалось, как книга. Что это?
Новелизированная транскрипция настольной ролевой игры?
18+, несмотря на нежный возраст главного героя.

Перед прочтением удостоверьтесь,
что у вас самая последняя версия:
<https://monk.unboiled.info/writing/not-ready>

Данный текст распространяется на условиях лицензии
Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International.
Чтобы ознакомиться с ее текстом, перейдите по ссылке
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/>

Все повествование является художественным вымыслом,
не относящимся к конкретным людям, местам и событиям.
Любое сходство является случайностью.
Персонажи и сюжетные линии
являются плодами воображения авторов.

CC BY-NC-SA 4.0 © 2024 А. Соседкин, Д. Соседкина

Не готовы

(Не)квалифицированы	1
(Не)дружны	19
(Не)понятны	47
(Не)организованны	81
(Не)решительны	117
(Не)управляемы	145
(Не)надежны	181
(Не)этичны	233
(Не)согласны	255
(Не)воспитанны	291
(Не)подотчетны	335
(Не)признанны	373

(Не)квалифицированы

Грип выскользнул из гудящей кухни вдвойне довольным. Когда папу забрали, к ним резко перестали ходить взрослые. Мама пропустила экспедицию, чтобы быть дома в день рождения, и если бы никто не пришел, было бы совсем грустно. Но нет, словно прорвало какой-то барьер, и гости все приходили и приходили. Так что Грип широко улыбался приятным мыслям, пока шел к себе в комнату, и открывал по пути ящериный.

Ящериный свалился на его лингвистическую школу как снег на голову. Английскому невесть сколько веков уже, ему учить Мария Степановна умела, а вот материалов по ящериному до вчерашнего дня было просто неприлично мало. Сухие упражнения из учебника не давали ответов на самое интересное — какова она, жизнь первых встреченных нами носителей внеземного разума? О чем они думают, чем они живут? Было странно полтора года выписывать

в домашней работе фразы вроде «[существовать] [еда’], [я] [идти]» и при этом совершенно не представлять, что эти ящерицы едят, идут ли они за едой в магазин и какие вообще у них магазины и столовые. Да куда там их быт, само написание загадочных знаков, за которые его хвалили люди, но которых не увидит ни одна ящерица, уже само по себе было странной затеей. Грип очень хотел, чтобы однажды ящерицы все-таки согласились покинуть свою планету, чтобы одна из них прилетела к ним на Розарио, прочитала, что он пишет, и хоть кивнула бы как-нибудь. Мол: «да, все так, это и есть наш язык, я действительно вас понимаю, и за едой иногда хожу».

Так что значок «есть обновления» напротив курса стал вчера для Грипа неожиданным подарком. Шутка ли, вчера он слушал записи с речью ящериц! Правда, издавать эти щелчки и потрескивания Грипу оказалось нечем анатомически, а объяснить их нехитрую связь с письменностью ему еще никто не успел. Но эти разочарования за день успели подвыветриться, и сегодня он собирался насладиться второй частью этой сокровищницы.

И вот, первые истории с планеты ящериц, глоток свежего воздуха после всех этих бездушных тренировочных «[ты] [спать-не]», «[наши] [идти-ли?] [жилище’]», и «[я] [знать] [вышеупомянутое’], [ты] [знать-не] [вышеупомянутое’]». Он поглощал их одну за другой, на одном дыхании, начиная с идеологически выверенной:

[существовать] [жилище-в] [наши'],
[существовать] [вниз-в] [вышеупомянутое'].
[наружу-в] [горячий], [наши] [горячий-не].
[жилище] [новый], [существовать-не] [еда'],
[существовать] [вверх-в] [еда'], [наши] [мудр-ее] [солнц-а],
[наши] [ликовать], [наши] [горячий-не].
[мы] [уставший], [мы] [хотеть] [есть'].
[хвосты] [наш] [хвост-овые] [наш-не].
[мы] [правильный], [существовать-не] [еда'],
[существовать] [жилище-в] [полезный] [мы'],
[жилище] [вышеупомянутое] [полезный] [наши-х].
[наши] [горячий-не] [совместный] [жилище-в],
[существовать] [еда'], [мы] [спать].

(предлагаемый перевод, Федеральное методическое пособие
по изучению языка Эпсилон Инди 3, вторая редакция):

Мы в новом жилище, жилище глубоко.
Снаружи горячо, у нас — не горячо.
Нора новая, в норе нечего есть,
еда вся сверху, но мы ликуем,
мы умнее солнца и мы в холоде.
Мы уставшие, мы голодные, хвосты наши будто чужие,
но мы — молодцы, мы довольны и без еды,
мы в полезном жилище, всем от жилища польза.
Мы вместе, мы в холодной норе, мы с едой, мы спим.

... закусывая довольно понятной притчей:

[лапы] [мудр-ого] [сильный-не],
[мозг] [мудр-ого] [сильный].
[мудрый] [знать] [углы'],
[мудрый] [знать] [польза'].
[мудрый] [знать] [интересное'],
[мудрый] [полезн-ее] [сильн-ого'].
[держат] [мудрый'], [видеть] [мудр-ого'],
[хотеть] [мудрый'], [наши] [мудрый].

(предлагаемый перевод, тот же источник)

Лапы мудрого слабы,
мозг мудрого силен.
Мудрый знает углы,
мудрый знает, что делать,
мудрый знает много интересного,
мудрый полезней сильных.
Мудрого берегут, мудрого слушают,
мудрым хотят быть, мудрыми являются.

... и так, текст за текстом, добрался
до десерта из последнего, довольно сомнительного:

[существовать] [вверх-в] [наружу-в] [жилищ-а] [я'].

[я] [держать] [еда'], [существовать] [еда'].

[наши] [спать] [вниз-в], [я] [спать-не].

[наши] [спать-не], [наши] [знать-не],
[наши] [думать] [держат'] [опасность'].

[я] [видеть] [вниз-в] [наши'],
[я] [знать] [существовать-не'] [опасность'].

[существовать] [вниз-в] [я'],
[существовать] [вниз-в] [еда'].

[я] [ликовать], [наши] [ликовать].

[вышеупомянутое] [правильный]. [я] [правильный].

(предлагаемый перевод, тот же источник)

Я снаружи, на земле над жилищем.

Еда у меня, я ее держу.

Они спят внизу, я не сплю.

Они внизу проснулись, еды нет,
они думают, что им грозит опасность.

Я знаю, что это не так.

Я вернулся с едой.

Я ликую, мы все ликуем.

Это правильно, я правильный.

— Мутный ты какой-то, а не хороший, — пробормотал Грип и случайно задел последний знак.

Словарная справка услужливо проинформировала его, что этот знак следует переводить как «правильный». А Грип готов был поклясться, что раньше он всегда переводился как «хороший», по крайней мере в первой редакции.

Может, когда он пройдет все, что теперь уточнили, общий смысл станет более понятен. А может и нет. Ведь замена «хороший» на «правильный» ясности не прибавляла.

Грип ни капли не сомневался, что эти тексты — не что иное, как ящериные сказки, крупницы мудрости, посредством которых взрослые ящерицы поучают молодняк.

Так что, когда в среду воодушевленная Мария Степановна объявила, что теперь им надо написать историю в ответ («Я выберу самые лучшие и отправлю спецсвязью! А лучшие со всех планет дадут прочитать настоящим ящерицам!»), Грип точно знал, чем ответно обогатить культуру инопланетян: сказкой своего народа.

Золотое яичко¹

Жили себе дед да баба,
И была у них курочка ряба.
Снесла курочка яичко:
Яичко не простое, золотое.

Дед бил-бил, не разбил;
Баба била-била, не разбила.
Мышка бежала, хвостиком махнула:
Яичко упало и разбилось.

Дед и баба плачут; Курочка кудахчет:
«Не плачь, дед, не плачь, баба.
Я снесу вам яичко другое,
Не золотое, а простое.»

Древний, как сама космонавтика, остросюжетный исходный материал никак не лез в рамки языка, категорически неподходящего для выражения смен состояний и течения времени, а также лишённого примерно всех задействованных человеческих концепций. Но Грип упорствовал, и, часы стараний, компромиссов и креативности спустя, сидел и перечитывал вот что:

¹ цитируется по Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 6. — 1949, с. 43

[держат] [животное'] [полезный],
[вышеупомянутое] [идти] [держат] [еда'].
[внутри-в] [предмет-а] [польз-ы-не'] [традици-и-не'].

[старый] [держат] [предмет'], [предмет] [открытый-не].
[правильный-не].
[стар-ший] [держат] [предмет'], [предмет] [открытый-не].
[правильный-не].

[животное] [второй] [идти],
[вышеупомянутое] [малый] [полезный-не].
[хвост] [животн-ого] [идти],
[предмет] [идти] [вниз'],
[существовать] [вниз-в] [предмет'],
[предмет] [открытый]. [правильный-не].

[животное] [полезный] [знать] [правильный'],
[животное] [полезный] [показывать] [правильный'].
[вышеупомянутое] [идти] [держат] [еда']
[внутри-в] [предмет-а] [польз-ы] [традици-и].

Ну и, чтобы окончательно развеять все возможные сомнения в непреложной дидактически-развлекательной ценности этого шедевра на все времена для его человеческой культуры, Грип довершил от себя:

[старые] [показывать] [вышеупомянутое'],
[новые] [знать] [ликовать].

Одноклассники Грипа, как выяснилось, его рвением не обладали, написали свои сочинения спустя рукава, и, почему-то, преимущественно о себе. Большинство из его друзей признались, что ящериных сказок еще не читали.

Марию Степановну выбор Грипа откровенно удивил, но она лишь сказала крайне сдержанно, что ошибок не видит.

Суббота ничем запоминающимся не отметилась, как и первая половина воскресенья. Пока за Грипом не пришли.

В дверь постучали. Силина Васильевна открыла и непроизвольно замерла, замер и выбежавший в прихожую Грип. За плечами Адама Ашотовича высились двое в черной форме, которую Грип видел только однажды: в то утро, когда двое таких же молодчиков, ничего не объясняя, забрали отца. Однако в этот раз они были зловещим, но фоном для обеспокоенного, и в то же время радостного Сеницына.

Он встретился взглядом с Грипом и облегченно спросил:
— Грип Авдотьевич? Ставропольский?

Грип кивнул.

— Сеницын, Адам Ашотович. У нас к тебе срочное и важное дело. Мы зайдем?

Это было столь же неожиданно, как и... его человечность. В прошлый раз Грип видел заведующего планетой на раз-в-сто-летней демонстрации солидарности трудящихся.

Тогда он толкал со ступенек администрации речь о том, как многого добила Федерация за последний век, речь правильную, захватывающую, возвышенную. А сейчас неловко сворачивал на кухню как обычный человек, впервые зашедший на чай к малознакомым людям. Не оставив телефонов. Папа всегда настаивал, что кухня — только для еды и общения. Но сейчас явно было неуместно объяснять гостям необычное строгое правило этого дома.

Адам Ашотович сел за стол, Силина села сбоку. Место напротив него явно предназначалось Грипу. Двое в черном в обстановку вписывались плохо — кажется, об этом же подумал и заведующий, тут же отославший их подождать снаружи. А может быть захотел избавиться от ненужного устрашающего эффекта.

— Грип, говорят, что ты ящерицами интересуешься, язык их хорошо знаешь.

— Не так уж и хорошо...

— Хорошо, не прибедняйся, — расплылся в улыбке товарищ Синицын. — Хочешь полететь к ним на Эпсилон Инди 3? Но лететь надо прямо сейчас.

— Что? Да, наверное, — ошарашенно ответил Грип.

— Надолго? — уточнила Силина.

— Это сложный вопрос, — посерьезнел Адам Ашотович — Как пойдет. Плохо дело будет — дня через три вернем. Хорошо пойдет — послом у них станешь.

Чем, надо сказать, переживания Силины не развеял.

— А максимум? — надавила она.

— Максимум один год, — уверил Синицын. — Чай, ящерицы тоже люди, понимают, небось, что детям у себя расти надо. И мы понимаем, что в учебе тебе отставать нельзя, поэтому там с тобой будут заниматься индивидуально.

Воцарилось молчание.

— А... почему я?

— А! Из-за сочинения твоего, — засуетился заведующий, порыскал по карманам и предъявил Грипу маленькую бумажку. — Читай, я-то сам по-ящериному ни слова.

— «Нам непонятно». «Это интересно», — без труда перевел Грип — Это ответ? А вы уверены, что это значит, что им понравилось?

— Я так понял, что они на все присланные сочинения отвечали односложно: либо «хорошо», либо «плохо». И только на твое дали более развернутый ответ. Поздравляю, заинтересовал ты их, значит, чем-то.

— То есть, мое сочинение выбрали? Из всех-всех?.. И полечу я? — с большим сомнением допытывался Грип.

— Да, — просто ответил Синицын.

Грипу в это не верилось.

— И... что я там буду делать?

— Налаживать связи с ящерицами. Устанавливать межэ... межцивилизационные отношения на всех уровнях, значит, в том числе между детьми.

- Это интересно, мне непонятно, — переиначил Грип.
- Да мне, честно сказать, тоже, — опять прорезалась в заведующем предельная человечность. — Я и сам-то не знаю ничего почти. Я отвечаю только за то, чтобы на Аркадию тебя доставить. Тайна это все пока, разведка, так что, сами понимаете, придется помалкивать, пока это все не рассекретят.
- Разведка? — переспросил Грип.
- Это опасно? — спросила Силина.
- Ни в коем случае, — рассыпался в уверениях Синицын, — конечно безопасно, все по нормам безопасности, поблизости всегда будут взрослые, в любой момент можно будет вернуться. Единственное что, сами понимаете, синхронной связи с ним не будет.

Это вам не путевка в летний лагерь, но Силина и не выглядела чересчур обеспокоенной. Отстраненной, скорее.

- А, простите, как мне устанавливать с ними отношения? — спросил Грип — Я читать и писать умею, а говорить — нет...
- Так это... Они же трещат и щелкают? Ясно, что не умеешь. А если кто умеет, так и тебя научит.

Посреди этой фразы Силина встала из-за стола и вышла.

- А... о чем мне с ними говорить?
- Я же говорю, я не знаю! Это, думаю, тебе на Аркадии расскажут, если согласишься. Или там уже, на месте. Тебе разве не интересно их расспросить, как они живут?

- Интересно, конечно. Я читаю, что пишут, а понятно не очень.
- Ну вот, вот ты и спросишь. Полетишь, так не только спросишь. Сам, наверное, увидишь.
- Я один это делать буду?
- Да нет же, кто ж тебя одного пустит.
- Нет, в смысле... Единственный ребенок?
- А, нет, не один, вас будет двое. Ты от Федерации и еще один будет от кулаков.
- От кулаков?
- Да, — подтвердил Синицын. — Совместная миссия.

- Грип помолчал. Думал он, как оказалось, вовсе не о кулаках:
- И от всей Федерации выбрали меня одного?
- Вот почему всегда так, — тихо пожаловался Синицын, — когда нужно несколько, так «рады стараться», а как один, так начинается: «а почему я»... Да, все так. От Розарио выбрали твое, потом из всех выбрали несколько, дали прочитать ящерицам, и вот, твое им показалось интересным.
- Самым интересным? Но не лучшим?
- Может важнее, чтобы было интересное, чем хорошее? Потом, если надо выбрать одного, а «хорошо» ответили несколькими, как из них выбирать?
- Адам Ашотович явно не знал, как проходил финал отбора, и придумывал на ходу.
- Мы пока никому не будем говорить, куда ты отпра-, — снова начал заведующий, но его прервал голос Силины из

комнаты.

— Грип!

Они оба встали и прошли в комнату Грипа. Силина стояла напротив кровати, на кровати лежала сумка.

— О как хорошо, вы уже и сумку собрали! — воскликнул Синицын и направился обратно, — Треф, Корноухов, давайте сюда!

— Мам, ты уверена? — спросил Грип.

— Они говорят, ты нужен Федерации там, — присела рядом Силина. — И ты же всегда хотел узнать, как живут ящерицы.

— Все так... — не сформулировал возражения Грип.

— Я тоже за тебя переживаю, Грип. Пиши; если что, тут же возвращайся—

В комнату, переговариваясь, зашли двое в черном, и Силина замолчала, непроизвольно прижала Грипа к себе.

Мужчины начали делать что-то странное: один раскладывал вещи обратно по кровати, второй нависал над ним и с разных ракурсов их фотографировал.

— Тут только одежда! — заявил в процессе тот, что пониже.

— Тебе еще что-нибудь надо, Грип?

Грип думал.

— Телефон?

— Телефон тебе там выдадут такой же, — отмахнулся Синицын. — Можешь заказать что угодно. А не придумаешь что — не беда, еще есть время подумать.

— Две рюмки, — вдруг сказал Грип.

Все остановились и посмотрели на него.

— Две такие цилиндрические стеклянные штуки. Лучше без скоса, пустые внутри, — начал показывать он пальцами в воздухе.

— Я знаю, — ответил Синицын, доставая телефон. — А... тебе зачем?

— Секрет, — довольно заявил Грип. — Потом расскажу.

— Не, как скажешь... — сказал из-за телефона заведующий.
— сделаем тебе рюмки.

Парни в черном сложили одежду обратно и направились к двери.

— Мы пойдем, — сказал тот, что пониже.

— Мы снаружи подождем, — продолжил Синицын. — Грип, нагонишь.

— Сумку возьмите, — сказал Грип, заметив сумку на кровати.

— Мы тебя спецсвязью отправляем, — остановился помотать головой Адам Ашотович. — Распечатаем тебе там все такое же, — и скрылся.

Приступ решительности, кажется, оставлял Силину. Грип обнял ее крепко-крепко, она поцеловала его и он помчался за Синициным. Если говорят, что в любой момент можно вернуться, значит так оно и есть.

Он нагнал Адама Ашотовича почти на крыльце, где ждали и разговаривали двое в черном. Грип успел услышать

«идеалистом ты был, Простов, идеалистом и остался», а затем они засобирались и стали открывать черный автомобиль. Молодой парень в черном пониже сел вперед, который постарше и повыше — назад, Синицын сел за руль. Грип сел от него по диагонали и стал разглядывать салон. Он никогда не ездил на автомобиле, если не считать, конечно, экспедиционный вездеход. Машина тронулась. Теперь Грип жадно рассматривал свой такой знакомый город с совершенно новой для себя перспективой.

— Поздравляю, малой, такой молодой, а уже военный! — вдруг сказал безо всякой поддевки его сосед.

— Ага, парень в пятом классе, а у него уже две работы, вот радости-то, — кисло сыренизировал с переднего сидения его напарник.

— Военный? — растерялся Грип.

— Исследование новых планет, да еще и с разумной жизнью, находится в компетенции разведки, — подтвердил сосредоточенный на дороге Синицын. — А разведка — это военные. Но ты там будешь скорее как дипломат, чем как разведчик.

— Или три работы — донеслось опять с переднего сидения.

— Ой, как будто ты, Корноухов, не хотел в детстве стать разведчиком? — взвился Треф.

— Не хотел, — заспорил Корноухов.

— Ой да врешь, — вдруг занял сторону Трефа заведующий.
— Все хотят.

— Да я в школе и знать не знал, что есть такая опция, —

с удвоенной силой стал отстаивать свою позицию Корноухов.

— Ага, и про шпионов-кулаков ничего не слышал, — съязвил Треф.

— Слышал, конечно. Так то шпионы, — стал сдавать Корноухов.

— О да, их-то шпионы, это ж не наша разведка, — продолжил Треф.

— Ой, уймись, — развеселился вдруг Корноухов. — Согласен, глупость ляпнул. А вот то, что можно в десять лет в разведку пойти, это мне точно забыли рассказать.

— И как ты себе это представляешь? Экскурсия всем классом? Куда? Во дворец разведки? — любопытствовал Треф.

— Сдается мне, мы все четверо теперь знаем, как это выглядит, — вклинился Грип.

— А ты прав, — признал спереди Корноухов.

— Да у тебя, Грип, стиль, — непонятно выразился Треф.

Синицын сосредоточенно молчал. Они уже въезжали на площадь. Он бросил машину прямо перед теми самыми ступеньками администрации, с которых читал ту речь два года назад. Все четверо взбежали по ним вверх, зашли внутрь в холл и тут же свернули за завпланеты куда-то влево, в какую-то неприметную дверь, прямо в изнанку администрации, где было темно, узко, и за недолгие полминуты, пока они там шли, Грип даже несколько раз перепрыгивал через какие-то, кажется, шланги, преграждавшие ему путь.

Внезапно они оказались в маленькой яркой комнатке, где их дожидалась скучающего вида женщина.

— Ну наконец, а я жду, ты значит? Сколько вешишь, килограмм тридцать?

Грип подошел к женщине, она тут же бесцеремонно заглянула ему в глаз.

— Проходи, ложись на кушетку, я сейчас. С тобой закончу и пойду...

Женщина скрылась еще за одной дверью, Синицын одобряюще кивнул. Не успел Грип послушно лечь на узкую кушетку, как она не только вернулась со шприцем, но и вколола содержимое ему в руку. Грип тут же остолбенел, а она еще раз заглянула ему в уже неспособный моргнуть глаз, приговаривая:

— Не переживай. Сейчас тебя вырубит, моргнуть не успеешь, вот так, а теперь ты больше не моя...

(Не)дружны

Грип не хотел просыпаться, болела голова. Он все же зашевелился, открыл глаза и увидел жутковатую фигуру, стоящую поодаль.

— Вставай, разведчик! — прозвучало на всю комнату радостное приветствие. — Перелет перенес, теперь, Грип, тебе ничего не страшно.

Нет, хмурый детина ртом не шевелил, — говорил не он. Он тем временем приблизился, заглянул Грипу в глаз и заявил: — Какой-то дрянью тебя там накачали. Голова болит? Вставай, постой на одной ноге.

Грип откинул одеяло и резко стало холодно. Тело его плохо слушалось и было какое-то очень непривычное чувство легкости. Ежась, он сел на кровати, заметил второго человека, ждущего у двери, неуклюже встал, развел руки в стороны и приподнял одну ногу.

— Нормально все будет. Поболит, да пройдет.

Грип сел и закутался в одеяло. Странное чувство легкости не проходило.

— Значит так, ты у нас молодой, здоровый, не болеешь, я тебе почти ничего и не правил, — торопливо продолжил, обращаясь к нему, хмурый тип. — Стандартный набор: кости усилил, зубы почистил, камни вынул, вот это все. Ты никакой разницы не заметишь, — и обернулся к двери. — Все, он ваш.

Бросил Грипу напоследок «не более и дальше» и, не мешкая, ушел. С походкой у него что-то было странное.

— Рад познакомиться, Грип Авдотьевич, и добро пожаловать на Аркадию!

Грип проводил первого взглядом и начал рассматривать второго: высокого молодого парня с такой же походкой.

— Я буду твоим начальником. Звать меня Дмитро Иванович. Дмитро Иванович Деревяшко, — доброжелательно представился парень, садясь рядом.

— Здравствуйте.

Грип рассматривал рукав своего столь безумно холодного костюма. Не ниток, ни швов не было видно — дорогой, печатаный.

— Это твой рабочий костюм, получается. На Эпсилон Инди 3 жарко, работать будешь в нем. Потерпи, сейчас мы с тобой еще несколько примерим.

Грип проводил взглядом его жест. На тумбочке лежала его потерянная сумка, какая-то еще одежда в несколько стопок и стояли четыре рюмки. Дмитро Иванович подал Грипу

еще один комбинезон, но заметно плотнее и с прозрачным спереди капюшоном, закрывающим спереди все лицо.

— Держи свой скафандр— да надевай прям поверх, тебе его поверх носить. Походи, поприседай — везде удобно, нигде не жмет?

Уловив неловкость движений Грипа, он стал разъяснить:

— Гравитация у нас тут меньше, да. Так что побудешь немного супермэном. Сильно не привыкай, там, у ящериц, опять будет почти как твоя привычная.

Грип нареканий к скафандру не нашел. Не знал, где искать.

— Ну и отлично. Следующий тебе тогда на размер поменьше сделают. Все, перелезай в свое, — и стал доставать одежду из сумки.

— А эта? — указал Грип на ровно сложенную стопку из синей ткани и начал переодеваться в свою обычную одежду. Одежда и правда была как его.

— Парадная форма, — ответил Деревяшко. — можешь даже не примерять. Каждому положена, но по сути не нужна. Присяга, главное, не положена, а форма — все равно положена. Назад вернешься, награждение будет, тогда пригодится.

— А это что? — нашел Грип маленький пакетик и посмотрел на него на просвет, потому что пакетик казался пустым.

— Камни из почек, — развеселился Деревяшко. — распечатанные отдельно. Вода у вас, значит, так себе.

— Зачем? — недоумевал Грип. В углу пакетика и правда нашлись песчинки.

- Типа, часть тебя. Положено выдать. Не печатать же их тебе в почках.
- Зачем их вообще печатать, энергию тратить? — не успокаивался Грип.
- Ой, не разорилась Федерация на этих микрограммах. Их же и не видно почти, — рассудил Дмитро Иванович.
- И что мне с ними делать? — продолжал недоумевать Грип.
- Я выкину, — улыбаясь, забрал пакетик Деревяшко.

Следующим Грип взял телефон — новый, без царапинки — и на минуту засмотрелся на новости. Жизнь тут была ключом, все было каким-то непривычно ярким, и, кажется, за час тут происходило больше сборов, слетов и встреч, чем на Розарио за месяц. Дмитро Иванович терпеливо ждал, но явно хотел перейти к стоящим на столе четырем рюмкам. Когда Грип собрался отложить телефон, он попросил телефон жестом, открыл список контактов и вернул устройство обратно. Все контакты теперь были серыми, кроме одного. Наверху красовалась строка «Деревяшко Дмитро Иванович».

— Вот мой, если что. Напиши маме что, долетел нормально. Кнопки «позвонить» напротив мамы не было, и Грип отправил сообщение: «Долетел нормально, камни уже не в почках, поздравь меня с первым начальником».

Деревяшко благосклонно улыбался и уже приготовился перейти к рюмкам, но Грип осторожно подошел к окну, раздвинул шторы, и выглянул наружу, легко подтянувшись

и повиснув на подоконнике.

Снаружи непривычным было примерно все. Там шел снег — концепция, Грипу теоретически знакомая. Вверх простирались высокие дома, улица снизу горела огнями, а по ней шли, скользили, перемещались во все стороны люди, люди, люди... Будь он наверху или на пару этажей ниже, вид был бы новогодне-открыточным, а так и панорамы города не вышло, и людей было рассматривать неудобно. Второй раз за... непонятно сколько времени Грип вспомнил день солидарности два года назад. Наверное, сверху он выглядел похоже. Только там все шли вместе, а тут как-то... врассыпную.

— Сегодня какой-то праздник?

— Что? — Деревяшко тоже подошел к окну. — Нет, тут всегда так. Ты не стесняйся, задавай вопросы, это нормально, что ты немного дезориентирован.

— А почему тогда все с детьми?

Наступила очередь Деревяшки быть дезориентированным. Он сперва вопрос не понял, потом крепко задумался, потом сформулировал ответ. Грип тем временем осознал, что одна из подростков не скользит по дороге, а летит на какой-то штуковине над землей, и увлеченно провожал ее взглядом.

— Тут вот такая штука, Грип, — начал ответ Деревяшко — Ты же у нас с шахтерской планеты?

— Ну, да, — согласился с непривычным, но точным описа-

нием Грип.

— Планета ваша передовая, менее обустроенная, вы в тяжелых условиях трудитесь там на благо Федерации. И профессии у вас там в основном такие, что люди работают руками. Я не в смысле, что кайлом уран добывают, в смысле, машины чинят, уран возят, еду готовят, улицы моют...

Грип кивал, хотя слова «кайло» не знал, и улиц у них не мыли. Но папа роботов чинил, это да.

— А здесь у нас не так, и заводов толком нет, мы материального не производим. Руками делать не особо есть чего. Тут все больше, знаешь, ученые, чиновники, писатели, инженеры, такой народ... творческий. Смен и бригад у них нет, и работают они по шесть часов когда удобней, например, утром три и вечером три.

— Звучит несправедливо, — воспринял идею в штыки Грип.

— А остальное время обычно проводят с детьми, чтобы отдохнуть, — Дмитро Иванович закончил основную мысль и приготовился полемизировать с Грипом.

— Отдохнуть? С детьми? — поддел Грип.

— О, я, как начальник пары дюжин детей, отлично понимаю твой скептицизм, — расплылся в широкой улыбке Деревяшко. — Но давай про меня не будем, я и работаю не по шесть часов. Так вот, когда работа не физическая, и отдых от нее не так совсем устроен. Вот сидишь ты допоздна в конторе и ломаешь голову шесть часов, где срочно взять в Омеге миллиард гвоздей, если у тебя их

тридцать миллиардов лишних, и все в других системах. Можно заставить тебя еще два часа сидеть над этим думать, лишние гвозди в Омеге от этого вряд ли появятся, но, может, придумаешь нестандартное что... Но и если домой тебя отпустить, то ведь и по дороге будешь про эти гвозди все время думать, и дома за ужином, а то и приснятся тебе эти гвозди. Вот от этого дети отлично помогают.

Немного прояснив для себя целое одно отличие между их планетами Грип вернулся к тумбочке и стал собирать вещи.

— А почему рюмки четыре-то? Я просил две.

— Мы не поняли, тебе обычные или нужны синтезированные. Вот эти синтезированные, эти литые.

Грип постучал рюмками друг об друга, звон синтезированных ему понравился больше. Он убрал рюмки в сумку, оставив Дмитро Ивановича без объяснений. Тот, тем временем, посмотрел на часы. Это было ужасно старомодно, этот блестящий браслет на запястье. Кто сейчас вообще носит часы? Может это какое-то хитрое шпионское устройство? Тогда, наверное, ему не стоит быть таким приметным и блестящим?

— Все, идем?

— Подождите. Вы мне объясните, что я должен делать?

— Сначала на работу тебя приму. Идем?

— Идем. А, собственно, куда?

— На работу, получается, — полууклонился от ответа

Деревяшко.

Идти было несложно, просто требовало некоторой концентрации. Они вышли из комнаты, прошли по коридорам большого казенного помещения, заполненного неспешными разномастными людьми и куда более суетливым персоналом в белом. Спустились на один этаж, вышли на улицу («куртку-то накинь») и влились в мир прохожих и огней, еще один взрослый с еще одним ребенком. Грип глазел по сторонам и новые впечатления, только успев отпечататься в сознании, перекрывались все более новыми и сливались в одну светящуюся мазню. Больше всего, наверное, Грипу запомнились деревья между домов: просто так, без повода, без ограждений, без видимой функции. Деревяшко что-то говорил по телефону, Грип старался и не отставать, и не бежать огромными прыжками мимо брошенных на произвол судьбы покрытых снегом деревьев.

И вот они остановились у очередного неразличимого для Грипа дома. Дмитро Иванович слегка отряхнул им обоим куртки и они зашли внутрь. Этот дом тоже явно не был жилым: большая лестница, длинные коридоры, знакомые с Деревяшко люди, приветствующие его короткими фразами или едва уловимыми жестами. Видимо, здесь теперь работает и Грип? И вот, между двух очередных дверей Деревяшко вдруг оживился, остановился, прислушался, затем наклонился и заговорщически шепнул Грипу:

— Первое впечатление — самое важное. И разведчику, и

дипломату нужен стиль. Слушай.

Демонстративно крадущейся походкой подошел к двери и замер, одной рукой на косяке преграждая Грипу путь, другой держась за ручку, но не открывая.

Грип прислушался:

— ... и до самой ночи, чтоб его. Толку никакого, и назначено уже, а не следить нельзя. И про напарника ничего не выяснили. Плюнул я, значит, на все, пошел спать. И вот только заснул — будит меня вспышка. Читаю, а там «новый агент заказал две рюмки, синтезировать?».

В ответ раздалось что-то неразборчиво-протяжное. Голос продолжил:

— Ага, и, главное, как без меня? Чертыхаюсь, пишу воплглаза: «синтезируйте. прилетел?». Они — «еще ждем». Сплю дальше, и только с утра просыпаюсь и понимаю! Новый, еще ждем — это же Деревяшкин!

Приглушенный смех.

— Это что за ребенок такой—

(тут Деревяшко медленно убрал руку с косяка, и положил Грипу на плечо)

— который еще не прилетел даже—

(плавнo приоткрыл дверь и мягко втолкнул Грипа в комнату)

— но две рюмки уже заказал...

Оба в комнате уже заметили Грипа, замолчали и уставились на него.

— Разрешите представиться, Грип Авдотьевич Ставропольский.

Рыжий мужчина в глубине комнаты закрыл лицо рукой, но смеха этим не скрыл. Рассмеялся, где стоял, опираясь на стол, и ближний говорящий. Довольный выходкой Деревяшко прошмыгнул за один из столов.

— Здравствуй, здравствуй, — досмеялся ближний, пожилой мужчина располагающего к себе вида — Меня звать Аксат Джонатанович.

— А меня Грип.

— Ты уже говорил, не смазывай впечатление, — подсказал вместо приветствия рыжий — Голова еще болит?

— Уже почти нет.

Деревяшко что-то писал в телефоне. Рыжий достал большую бумажную книгу.

— По правилам, ты должен принести присягу, — сказал Аксат Джонатанович. — Только вот по другим правилам, до восемнадцати ты этого сделать не можешь.

— Типа, ты еще маленький и верить тебе, при всем желании, мы не можем, — оторвался от телефона Деревяшко. — Полная глупость, как по мне.

— Так что просто распишись здесь, — завершил рыжий, показывая в книгу.

— ... А если у меня еще нет подписи?

— Можешь просто имя написать.

— Можно я потренируюсь?

С подписью дело пошло не сразу. Грипа не учили писать от руки на русском. Зато он умел рисовать ящеринные знаки, и,

в итоге, на месте для подписи вывел печатные буквы «СТА» и знак [правильный], ранее известный как «хороший».

— Поздравляю с зачислением в штат, — сказал рыжий и закрыл книгу.

— Теперь расскажете, что я должен делать?

— Нет, — неожиданно ответил Деревяшко. — Очень надеюсь, что это тебе расскажут там, на месте. Зато могу рассказать, какие у тебя цели.

— И какие?

— Это совместная миссия с кулаками. Твоя самая перво-степенная задача — установление и поддержание дипломатических отношений с ящерицами. Проще говоря, надо подружиться с ними. Наши дети с их детьми. Кулаки коварны, и пытаются извлечь выгоду из всего, до чего дотянутся. Попытаются и из ящериц. Было бы здорово, если с нами ящерицы дружили больше. Допустим, уговорили вы ящерицу слетать в гости, посмотреть, как люди живут. Тогда постарайся, чтобы ящерица пошла в наш телепорт, а не в их, и полетела к нам. Сюда на Аркадию, например. Но кулаки — кулаками, а отношения с ящерицами — твой наивысший приоритет. Понял? Повтори.

— Да понял. Главное — дружба с людьми вообще, во вторую очередь — с Федерацией. В гости звать к нам.

— Молодец. Сама миссия не является тайной, потому что совместная, но вот что именно там происходит — секрет. Будешь каждый день писать отчеты, а как вернешься, там

спокойно разберемся, о чем можно рассказывать, а о чем — нет. Ну вот, собственно, и все.

— Непонятно. А как нам познакомиться с ящерицами, как с ними дружить?

— Чтоб я знал. Извини, вот тут я тебе точно не подскажу, ни одной не видел, языка их не знаю. Будет либо совместный брифинг, либо уже там объяснят.

Грипу хотелось еще объяснений, но Деревяшко упреждающе развел руками.

— А второй агент?

— Мы еще не знаем, кто. Но скоро познакомитесь.

— Почему я— только не надо про сочинение. Разве нет каких-то особых людей, чтобы этим заниматься? По-моему, для всего есть специальные люди—

— Контактеры, что ли? — фыркнул Аксат Джонатанович.

— Кто?

— Институт контакта, — пояснил он.

— Разгонят их, как пить дать, разгонят, — бросил рыжий. — Их дни сочтены.

— Успокойся, Нострадамус, — снова фыркнул Аксат Джонатанович.

— Джентльмены, — влез Грип.

— Так, — взял на себя инициативу Деревяшко. — Есть специальные люди. Они, эм, облажались.

— Как так?

— Видишь ли, люди давно переживали, что мы наткнемся

на пришельцев. Еще до экспансии. И логично, что чем более они продвинуты в космоплавании, тем выше шанс на них напороться. Вот мы решили, что лучше бы к этому заранее подготовиться, и основали Институт Контакта. Чтобы в час X не отвлекаться на языковые нюансы, а побыстрее перейти к той части, где мы умоляем их пощадить нас.

— А мы встретили ящериц, — кивнул Грип.

— А мы встретили ящериц.

— Понятно. А нельзя...

— Нельзя что?

— Неважно. Если не они, то почему этим занимается разведка? Почему не дипломаты какие-нибудь? Не хотят?

— Хотеть-то они хотят, да кто ж им даст, — ответил Деревяшко. — Так сложилось.

— Мы — родственные ведомства — добавил Аксат Джонатанович. — Мы не собираемся воевать с ящерицами, которые даже в космос не летают. Если ты об этом.

— Кулаки заявляют, что у них ящерицами занимаются дипломаты, — вставил рыжий.

— Не, ну заявлять мы тоже что угодно можем, — хмыкнул Аксат Джонатанович. — а по факту все равно все пошлют разведчиков.

— А зачем тебе рюмки понадобились? — перевел тему рыжий.

— Чтобы трещать, как ящерицы, — признался, наконец, Грип.

— Ооо, — уважительно протянул рыжий.

Зато Аксат Джонатанович то ли остался недоволен, то ли изобразил недовольство.

— Ты б сразу сказал, чего добиться хочешь, — начал отчитывать он. — мы бы, может, что-нибудь получше придумали. Сейчас-то, наверное, уже не успеем.

В дверях, тем временем, возникла Зульфия Солковна, дождалась конца фразы и заявила:

— Мальчики, на выход!

Трое мужчин нехотя засобирались.

Зульфию Солковну Грип знал и уже дважды с ней беседовал. В день когда забрали отца, а потом еще раз, ровно через неделю, Мария Степановна просила его остаться после урока в кабинете. Потом приходила Зульфия Солковна, и они разговаривали на какие-то отвлеченные темы. В первый раз они представляли разные случаи и рассуждали о справедливости. Рассуждения неизменно заканчивались тем, что надо понять, кто за решение ситуации ответственный, а дальше уже помогать ему. Второй раз она, кажется, пыталась мягко выяснить, к какой профессии Грип расположен. Грип о профессиях с удовольствием рассуждал, но польза от этой игры, если таковая была, для него осталась загадкой. А вот про главное — отца — она ему ничего, кроме общих слов, не сказала. И оба раза Грип приходил домой и понимал, что дома был обыск, так что, может, вовсе не важно было, о чем они там говорили.

Третий разговор продолжил традицию неловкости первых двух. Зульфия Солковна вроде бы вела себя с ним, как с давним знакомым, но что-то было не так. Очень быстро они перешли к делу:

— Скажи, Грип, что ты думаешь о кулаках?

Грип о кулаках не слишком-то думал, он их и не видел никогда. Он покопался в памяти, и ему вспомнился недавний разговор с мамой. Грип тогда сказал, что если он изобретет более эффективный ковш, будет честно, чтобы ему за это платили все, кому это помогло. Мама же убедительно доказывала, что его ковш уже через сто лет всем в мире немного, да поможет. И если смотреть на сто лет назад, Грип тоже чем-то обязан примерно всем, и учесть это все совершенно нереально. Вот она тогда сказала, что у кулаков есть что-то такое, но и то не такое. Ответить на вопрос это все не очень помогало, а молчание тянулось.

— Ну... они такие же люди, как и мы. Живут на своих планетах, мы на своих, космос большой, мы друг другу не мешаем.

— Это да, но в чем тогда различие?

— Они не верят в идею общего блага, — вспомнил Грип казенную формулировку.

Правильный ответ Зульфию Солковну устраивал, но она словно ждала чего-то еще и даже не отвлекалась на пометки, хотя обычно делала их чуть ли не непрерывно.

— Государство у них другое, и устроено не так. Илья Ильич

- Свободин им не главный, у них свои какие-то...
- Беспрестанное проставление пометок продолжилось.
- Миссия будет на базе кулаков, ты знаешь?
- Потому что они первые ящериц нашли?
- Да. Там всего одна база, их корабль. Половина персонала будут кулаки, и твой напарник тоже. Как ты к этому относишься?
- Не знаю, — Грип ничего не имел против кулаков, и не понимал, что от него требуется. — И им, и нам надо с ящерицами подружиться.
- А когда это закончится, и вы с ящерицами подружитесь, хотел бы потом слетать к ним?
- К кулакам? — уточнил Грип.
- Да.
- Не знаю. Наверное, да. Должно быть... интересно, — не сразу ответил Грип. — А мы с ними на каком языке говорить будем?
- С кулаками? — уточнила теперь уже Зульфия Солковна.
- На английском.

И поспешила успокоить Грипа:

- Ты пять лет его учишь, ты справишься. Что будет непонятно — спросишь, объяснят. Одно дело делаете.
- Грип не был в своем английском так уверен, но, на фоне перспективы разговаривать с ящерицами, конкретно этот языковой барьер и вправду казался не самой большой его проблемой.
- Все, — доделала, наконец, пометки и неожиданно быстро

засобиравалась Зульфия Солковна. — Не буду больше задерживать.

Грипу на секунду показалось, что это не Зульфия Солковна вовсе, а кто-то незнакомый и очень на нее похожий. Как сестра. Но каких-то очевидных отличий найти он не мог. Она собралась, пожелала Грипу удачи, и в дверях попрощалась со ждавшим снаружи Дмитро Ивановичем. А тот, хоть и зашел обратно, с порога заявил Грипу:

— Пойдем есть! Времени у нас еще много, а я пообедать хочу.
Пошли в столовую.

Грип был только за.

Они опять пошли на улицу, но прошли совсем немного, до соседнего дома. За это время Грип только и успел, что спросить:

— А это проблема, что мне работать с кулаками?

— Кому как, для меня — да, ты не представляешь какая. Для тебя — почти нет, я же объяснил. Главное, с ящерицами подружись, а это потом.

— И мне с кулаками придется на английском говорить.

— Вот видишь, как удачно вышло, что ты его знаешь, — отрезал Деревяшко, отказываясь видеть в этом проблему. И занырнул в столовую.

У Грипа разбежались глаза от пестроты на выдаче. Блюд были десятки, как бы не сотня, необычно ярких и решительно незнакомых. Все остальные проблемы временно отступили перед муками выбора, но с помощью

Дмитро Ивановича Грип все-таки взял что-то умеренно загадочное. Себе Деревяшко взял не одну, не две, а сразу три тарелки чего-то незнакомого, и они уселись за маленький столик. Еда Грипа, особенно ярко-красная штука, оказалась менее насыщенной вкусом, чем цветом, но была вполне съедобной. Не сказать, чтобы вкусной. Непривычной. Грип доел, Деревяшко был только на середине второй тарелки.

— А у Зульфий Солковны есть сестра?

— Что? — невозмутимо спросил Деревяшко.

— Что она тут делает?

— Проверяет твоё психологическое состояние. Все нормально, она с каждым нашим агентом так беседует, так положено.

Грип прищурился:

— И с каждым вашим агентом беседует психолог из нашей школы?

— А, — понял Деревяшко, но объяснять ничего не спешил. Он будто бы взвесил какие-то за и против, и только потом, понизив голос, начал объяснять:

— Есть некоторые люди, Грип, обычно это ценные специалисты. Так вот, им разрешают жить сразу на нескольких планетах. Одновременно.

— Одновременно? Их копируют?

Деревяшко поднял бровь:

— А ты думаешь, как ты сюда попал?

Грип молчал.

— Там мы тебя отсканировали, здесь — распечатали. Ну так

вот, тебя там стерли, а им разрешают остаться. Но чтобы на разных планетах.

— Только на разных? А нельзя на одной копий наделать?

— Технически, конечно, можно, — заулыбался Дмитро Иванович. — Тут, как тебе сказать... люди, они почти все с собой... не в ладах, понимаешь? Лучше им вместе не собираться.

— Понимаю, — тоже заулыбался Грип. — Я, наверное, тоже бы не хотел, — задумался он. — Но почему вы меня уничтожили?

Деревяшко не понял, и начал с заготовленного ответа:

— Во-первых, для этого разрешение нужно... Э... зачем?

— Чтобы маме там проще было.

— А, — понял, но явно не согласился Дмитро Иванович. — так у нас, Грип, проблема выйдет большая... этическая.

— Этическая?

— Моральная. Если вам обоим дать пожить своими жизнями, вы станете уже разными людьми, и тогда это уже будет убийство. Только представь: твоя мама с тобой будет говорить, гулять, зарабатывать совместные воспоминания, он будет в школу ходить... А потом что? Ты возвращаешься, ни прогулок, ни уроков не помнишь, а его, другого человека, мы убиваем? Негуманно выходит, Грип.

— Так пусть живет, тогда можно меня этого убить.

— Еще лучше, — охнул Деревяшко. — Вот ты славно потрудился, отношения наладил, возвращаешься к нам

с ящерицей на плече, герой человечества, бесценный специалист, мы тебя от журналистов отбиваем, в закуток отводим, награждаем и тогда убиваем? Час от часу не легче. У меня идея получше: давай лучше как-нибудь без убийств, ладно?

— А так, как сейчас, это, значит, не убийство?

— Ну вот же ты, живой, — убежденно парировал Деревяшко.

— И вы утверждаете, что меня там уничтожили и я только один?

— Я ж что тебе и говорю. Нет второго тебя. Просто так людей налево и направо не копируют, Грип, только со всеми разрешениями, согласиями и заморочками.

— Как скажете, — Грип помолчал, плохо скрывая недоверие.

— А можно у нас будет секретная фраза? Которую я вам напишу, и это будет значить, что меня пора спасать?

— Пожалуйста, — легко согласился Деревяшко. — Какая?

— «Синий снег», — предложил Грип.

— Если хочешь, но я думаю, надо какую-то пообычнее фразу. Таковую, чтобы в отчете не смотрелась подозрительно.

— Тогда... — задумался Грип — «скупаю по мороженому».

— Договорились. Просто так не пиши, а если напишешь — прилетим тебя спасать. Сам или pošлю кого-нибудь получше.

— Хорошо. А где здесь туалет?

Вымыв руки, Грип внимательно оглядел себя в зеркале. Это действительно был он, в своей обычной одежде. В копии одежды. Копия его. И, при этом, самым необычным

ощущением была низкая гравитация.

Он вернулся, Деревяшко уже доел.

— У нас еще почти два часа, чем займемся? Можно по реке погулять, можем по парку полетать...

— Понятия не имею, — убежденно сказал Грип. — Вообще. Я тут первый день, ничего у вас тут не понимаю.

— А пойдем тогда кататься, если Митька доску даст.

В этот раз они зашли в непривычный, но явно жилой дом. Незнакомый мальчик Митька без лишних слов выдал им доску и они направились в парк.

— Как раз кости укрепил! Но ты все равно не падай, — вразумлял Дмитро Иванович.

«Я тебе обучающий режим включу», «высоко не взлетишь», «если падай, то в снег» и «ты уж постарайся, никого не посбивай» посыпались на Грипа, и он старался учесть их все разом. Стоять на доске оказалось делом несложным. Выше метра она не поднималась, и разгоняться сильно не давала. Поворачивать было легко и интуитивно, а вот чтобы перемещаться не во все стороны сразу, потребовалось попрактиковаться. Но Грип почти разобрался и даже немного полетал по парку, ни разу не упал, никого не сбил и остался ожидаемо доволен. В очередной раз посмотрев на часы, Деревяшко засобирался, они отнесли доску обратно и отправились во дворец разведки, веселые и розовощекие.

Дворец разведки оказался местом совершенно реальным, да каким. К торжественному мраморному зданию размером с

администрацию на Розарио тоже вели высокие ступеньки. Местами их оккупировали дети. Какие-то подростки пели, трое детей помладше сидели и ремонтировали доску, у входа красовался профиль Ильи Ильича Свободина, выше Грипа раза в три. Грип и Дмитро Иванович зашли в огромный холл с высокими потолками. На скамейке недалеко от входа обнаружился Аксат Джонатанович, и они уселись рядом. Холл был почти пустой, но жизнь тут была, постоянно сновали какие-то люди, кто-то разговаривал на скамейках.

Деревяшко смотрел перед собой, будто чего-то выжидая. Потом в очередной раз посмотрел на часы и проворчал:

— Ну где? Пора б уже.

И тут же с другой стороны из какого-то коридорчика вывернули две фигуры, взрослая и детская с двумя хвостиками. Несколько шагов они прошли за руку, а потом детская вырвалась и понеслась в лобовую атаку широченными шагами, каждый из которых модулировал ее приветственный клич:

— Де-ре-вя-а-а-шка-а-а-а!

Деревяшко в это время живо встал, раскинул руки и приготовился к перехвату, а Аксат Джонатанович комментировал:

— Нет, нет, нет, нет... Ухх.

Дмитро Иванович подхватил девчонку, поднял и тоже громко и радостно поприветствовал:

— Талька! Зараза! Как вымахала! В прошлый раз ты раза в два меньше была, и все что-то про дипломатический иммунитет лопотала.

Девочка от такого приветствия переменила направление, стала отстраняться, и махать, мол, ставь обратно.

— Как сам, как Максимка? — пищала она при этом приветственно.

— Отлично, прекрасно! У тебя что да как?

Грип встал и подошел к этой сцене, за ним следом пошел Аксат Джонатанович, взявший на себя представления:

— Итак, там стоит Мартин Александрович Воронов, перебежчик.

Спутник девочки, остановившийся поодаль, кивнул, глядя Грипу в глаза.

— Грип, знакомься, это Талия, твоя напарница, прекрасный разведчик. Они с Деревяшкой хорошо знакомы, он ее ловил.

— Два раза поймал, — довольно вставил Дмитро Иванович.

— В архиве, а потом еще в кабинете консула.

— Талия, это Грип, твой напарник.

Худошавая, нескладная и энергичная Талия поутихла и разглядывала Грипа:

— А ты откуда?

— С Розарио, — ответил Грип.

— А на Кроннице не бывал?

— Не бывал, — ответил Грип. — На Розарио и тут, да и то первый день.

— Ящериный хорошо знаешь? — продолжила она допрос.

— Говорят, что пишу хорошо, но лучше бы сначала проверить, что по этому поводу думают, собственно, ящерицы.

Внимание Талии резко переключилось на Деревяшку. Грип помедлил и тоже перевел на него взгляд. Тот неприкрыто забавлялся.

— Лейтенант, вы правда выставили против меня... валенка?

— Талия! — деланно возмутился Дмитро Иванович с довольным лицом. — Во-первых, не валенка, а вáленка. Во-вторых, если про сына знаешь, то и про повышение знаешь. В-третьих, это невежливо! Он твой напарник! И, в-четвертых, твой напарник, сама и разбирайся...

Талия выглядела пристыженной и старалась совладать с эмоциями. Аксат Джонатанович попытался подойти ближе, но она остановила его взглядом, помедлила и протянула Грипу руку:

— Так, давай заново. Думаю, мы не так начали. Хельга Талия Воронов, для друзей просто Талия.

Грип охотно пожал руку и улыбнулся.

— А я — Грип Авдотьевич Ставропольский. Для друзей просто «валенок».

Талия слегка дернулась. Грип решил, что это она хотела врезать ему левой рукой, но сдержалась. Аксат Джонатанович неодобрительно простонал, Деревяшко забавлялся, а отец Талии наблюдал за этим спокойно-снисходительно: подумаешь, ребенок играет с друзьями в песочнице. А еще к их компании направлялась женщина с большим черным планшетом. Заметив обращенный к ней взгляд Грипа, она остановилась и прямо оттуда громко сказала:

— Грип Ставропольский, Талия Воронов, попрошу за мной в

зал для прессы!

Затем развернулась и пошла обратно.

— Ну вот, — вырвалось у Деревяшки. Он поймал взгляд Грипа и раскрыл мысль. — Это значит, что ничего полезного вам здесь не скажут. Все там.

А Аксат Джонатанович тихо и отчетливо проворчал, ни к кому не обращаясь:

— Хотя тут нашу кровь пить не будет.

Талия ушла широкими шагами далеко вперед. Грип постарался ее догнать и почти догнал. Зал для прессы мог уместить человек триста, но в нем были только трое: двое с микрофонами и та женщина с планшетом. Она проводила детей в центр зала, и сказала:

— Вперед.

— Что вперед? — не понял Грип.

— Расскажите о вашей миссии, — вытянул к нему микрофон один из репортеров.

Грип замялся. Талия тоже выжидательно смотрела на него.

— Мы отправляемся на Эпсилон Инди 3, к первому встреченному нами инопланетному разуму, — медленно начал Грип. — Мы очень рады, что люди не одни во вселенной. Ящерицам и нам предстоит еще многое узнать друг о друге, и я надеюсь, что мы с ними подружимся, наши дети... мы... с их детьми.

— Мы гордимся честью представлять человечество, — уверенно подхватила Талия, — в столь важной межци-

визитной карточкой миссии. И мы уверены, что она отметит новое начало замечательного сотрудничества между нашими культурами.

Репортеров, кажется, все полностью устроило, потому что они, как по команде, отошли вглубь зала. Талия устремилась к выходу, Грип последовал за ней.

— *А почему... ты, собственно, так уверена, что все пройдет столь замечательно?*

— *Потому что иначе они не выпустят это видео,* — отмахнулась Талия.

— *О как.*

Их сопровождающие ждали в холле, но женщина с планшетом не собиралась останавливаться. Со словами «агенты, сюда», она свернула влево и направилась в какой-то коридор. Талия помахала отцу, Деревяшко помахал ей, в итоге все помахали всем и они с Талией скрылись в коридоре. Там они свернули в какую-то дверь, за которой обнаружилось множество кабинок. Женщина направила Грипа в одну из них, он сел на мягкое сидение и стал ждать. Через полминуты в кабинку зашел крепкий мужчина в белом и спросил:

— Только прибыл?

— Ага.

— Вот что делают, а. Ни стыда, ни совести.

Мужчина заглянул Грипу в глаз, достал шприц:

— Последние инструкции есть?

— Нет, — замешкался Грип.

— Пожелания?

— Нет.

Мужчина убрал руку со шприцем вниз:

— Все в порядке?

— Физически? Да.

— Ну, только это меня и волнует, — улыбнулся мужчина и сделал укол.

(Не)понятны

Когда что-то большое стало отлипать от его спины, Грип содрогнулся, и на секунду проснулся. Его куда-то несли, и, как только положили, он снова провалился в глубокий сон.

Второй раз он проснулся уже гораздо позже, выпавшимся, на слишком уж высокой и большой для него кровати. Было жарко, но очень выручал тонкий костюм. На тумбочке стояли две рюмки, лежали телефон и скафандр с мягким шлемом. Грип потянулся за телефоном. Новостей тут не было вообще. В списке контактов активными значились:

- Вашингтон Дэниел
- Воронов Хельга
- Иванова Сталина Филантьевна
- Стиннер Мария
- Фрай Лиза
- Ченг Ли

• Шпрейгл Ираклий Космович

Комната было некоторой условностью, хлипкой, наспех собранной секцией в каком-то ангаре. Двери в комнате так и вовсе не было. Не было и очереди из незнакомцев, только и выжидающих, когда он откроет глаза, чтобы устроить ему еще одну карусель из новых мест, инструкций и лиц. Ни в комнате никого, ни снаружи за углом. Грип побрел по коридору, и, поворот спустя, был замечен крепко сложенной женщиной, несущей длинную штангу.

— Грип! Доброе утро, как спалось?

— Спасибо, хорошо.

Голова в этот раз не болела. И легкость Аркадии прошла. Женщина что-то понажимала в телефоне. Там и тут по всему ангару раздались тихие звуки, кто-то рядом встал.

— Общий сбор?

— Ага. Сейчас отнесем эту штуку и пойдем знакомиться.

Грип взялся за задний конец штанги и они унесли ее в почти пустой блок. Не было похоже, чтобы женщине действительно была нужна его помощь.

— Меня Сталиной Филантьевной зовут, я здесь, так сказать, по хозяйству. Если что потребуется, личное или для дела, это ко мне. Стой— сюда клади, и пойдем в столовую.

База, судя по всему, находилась в процессе перепланировки. Половина секций пустовала, часть была завалена невесть

чем. По пути Сталина Филантьевна прихватила дисплей, который поставила на большой стол в столовой. Грип бы не назвал это помещение «столовой»: столовая это с подносами, раздачей, столами и уж точно без дивана и кресел. Но и слово «кухня» ему не очень шло. Кухня — это там, где готовят.

Сталина Филантьевна налила Грипу стакан воды, рассказывая, какая бывает еда и где туалет с душем. Грип заглянул туда из любопытства, но его смутным представлениям о космических технологиях санузел ну никак не соответствовал. В школе и дома такие же были, побольше и поменьше.

К его возвращению в столовой уже был ажиотаж. Диван обзавелся двумя молодыми девушками; громко топая, вбежала Талия, поздоровалась и запрыгнула в одно из кресел. Последним зашел почтенного... да что там, старик. На дисплее были еще двое парней, сидящих рядом.

— *Поприветствуйте нашу новую контактную группу, Талию и Грипа!* — начала Сталина Филантьевна.

— *Привет! Повеселитесь там, внизу!* — радушно поздоровался один из парней с экрана. — *Я — Дэн, и тут у нас наверху откровенно скучно.*

— *Гениальный связист,* — неспешным голосом отрекомендовал его старик.

Грип вопросительно повернулся к нему.

— *А это — Ли,* — продолжила Сталина Филантьевна. *Он у*

нас по полетам. И, теперь, энергии.

— Привет, — поздоровался с экрана Ли, почему-то на русском. Он был каким-то... сдержанным? Скромным?

— *А ты у нас — астрофизик, верно, Лиза?*

— *По крайней мере так написано в моих дипломах. Долгая история.* — улыбнулась та, что с черными волосами.

— *Мария — наш биолог—*

— *Все так, по местным формам жизни,* — кивнула вторая.

— *И последний по очереди, но не по значимости,* Ираклий Космович, — Сталина Филантьевна сделала жест в сторону старика. — *эксперт по языкам, живым и мертвым.*

— *Скорее, все-таки, по мертвым,* — рассудил Ираклий Космович после некоторого размышления.

— *Талия у нас — известная шпионка—*

— *Не в обычном смысле—* — заговорила Талия.

— *—а Грип — автор перевода сказки про курочку...*

— *Приятно познакомиться,* — поприветствовал Грип заулыбавшихся коллег.

— *Я, кстати, так и не поняла,* — призналась Мария.

— *Это нормально, не переживай,* — поспешила успокоить ее Сталина Филантьевна.

— *Отличный, между прочим, вышел перевод,* — похвалил его Ираклий Космович.

— *Что случилось с прошлой контактной группой?* — спросила Талия.

— *А она мне нравится. Сразу к делу,* — сказал Дэн.

- Мы, э, облажались, — подбирала слова Мария. — *Есть вероятность, что ящерицы больше не хотят с нами разговаривать.*
- Отличное начало, — закатила глаза Талия. — *Насколько все плохо?*
- Дошло до того, что они заявили: «вы здесь, мы не говорим, вы не здесь», — медленно процитировал Ираклий Космович. — *Тут есть, конечно, пространство для интерпретаций, но несложно дойти до такой, в которой они не хотят с нами говорить и вообще предпочитают, чтобы мы убирались.*
- А я думаю, что вы драматизируете, — покачала головой Сталина Филантьевна. — *Сразу после этого им напомнили, что они обещали проверить сочинения, и ничего, проверили. А там то ли им так понравилось, то ли они успели все забыть, но они согласились продолжить с новой группой.*
- «Новый наш говорит с новым вашим, новый ваш говорит с новым нашим,» — размеренно продекламировал Ираклий Космович. *И, опять, мы не полностью уверены, означает ли «новый» молодых или просто смену состава, но мы решили воспользоваться возможностью и отправить большую часть команды назад—*
- На давным-давно заслуженный отдых, — вставила Лиза.
- *и попытаться подогреть остывший интерес, привезя им новую группу, из детей,*
- Мы уже один вечер как без контакта, — обеспокоенно

сказала Мария.

Грип сдался и перестал запоминать все незнакомые ему английские слова, но общий смысл и без них был, вроде как, однозначным и понятным.

— *Что мы сделали не так? В прошлый раз?* — спросил Грип.

— *Нам не положено вам рассказывать. Нам всем нужно начать сначала, и мы не хотим, чтобы вы невольно скатились в ту же колею,* — медленно проговорил Ираклий Космович.

— *Но если мы не будем знать, на что они обиделись в прошлый раз, откуда нам знать, каких тем избегать?*

— настаивал Грип.

Взрослые в комнате переглянулись, но парни наверху, возможно, этого не заметили.

— *Ну, это вопрос простой: технологии,* — ответил Дэн. *Наши маленькие друзья боятся наших машин. Или, как минимум, очень настороженно к ним относятся. Что не очень-то удивительно, своих у них совсем нет—*

— *Мы не знаем наверняка,* — перебил его Ли.

— *Мы, ну, да, они довольно скрытны, когда речь заходит о них, но что-то уже почти два года, как у нас все еще нет ни одного тому свидетельства,* — уточнил Дэн. — *Я, вообще, сильно удивлюсь, если выяснится, что они все-таки используют орудия, и уж точно можно сказать, что космических кораблей у них нет. Как и компьютеров. Они этого не понимают, они этого боятся. И я никак не*

могу их в этом винить. Доисторические люди бы тоже боялись. Так что, ребят, дважды подумайте перед тем, как показывать им... примерно что угодно, это может им не понравиться.

— Это правильно, — согласилась с ним Сталина Филантьевна. — Раз у нас тут новое начало, заранее согласовывайте с ними все, что им приносите.

— Технологии они называют «сложными предметами», — добавил Ираклий Космович.

— Так, а в чем наша цель? — спросила Талия.

— Ну, для начала добейтесь второй встречи, — протянул Ираклий Космович. — Остальное может и подождать.

— Прекрасно, — сухо ответила Талия. — Вообще не помогло.

— Есть у вас еще советы? — попытался быть более конструктивным Грип.

Начался второй раунд переглядываний.

— Не наступите там ни на кого, — и снова Дэн разрядил напряжение, просто не заметив его.

— Да уж, это было бы плохим началом дипломатической миссии, — заключил Грип с серьезным лицом, когда все отсмеялись.

— А как мы встретились? В первый раз, в смысле. И как встречаемся сейчас? — допытывалась Талия.

Эта история тоже была секретной, но, в то же время, слишком хорошей, чтобы ей не поделиться, и взрослые ухватились за возможность рассказать ее еще раз.

В Эпсилон Инди кулаки решили высадиться на третьей планете, потому что тут была жизнь, а жизнь — это всегда интересно. Джонни был геологом (а еще — душой компании, все вспоминали его как-то особенно тепло). Когда понадобилось сделать какой-то очередной замер, Джонни не выдумывал лишнего, вышел из корабля, прошел 750 метров вперед, почти прямо, там и поставил датчик. А когда на следующий день вернулся, встретил ящерицу, которая от него не шарахнулась, а спокойно его разглядывала. Он ее поразглядывал в ответ, датчик выкопал, уже собрался обратно, и тут заметил рядом с ящерицей нарисованный на песке равнобедренный прямоугольный треугольник. Джонни, не будь он Джонни, не смог пройти мимо и нарисовал под ним еще два. Ящерица вдохновилась, побегала и нарисовала под ними хвостом еще три. Дальше Джонни повел себя сообразно ситуации, а именно побросал все и побежал на корабль, размахивая руками и крайне непоследовательно объясняя, как именно ящерицы разговаривают с ним прямоугольными треугольниками. На корабле тоже, в свою очередь, поступили сообразно обстановке: прямо на выходе из шлюза взяли его под белые ручки, накачали успокоительными и начали уже согласовывать перегревшемуся досрочное возвращение. Но и на следующий день Джонни настаивал, что ему нужно не назад домой, а назад в пустыню. А когда его туда сопровождали, нашли там, рядом с датчиком и знаками, позже переведенными как «мы находимся здесь», уже двух ящериц. Одна из них

бегала туда-сюда, а вторая издавала странные звуки, позже окрещенные «hurr-durr». Так это место и стало местом встречи людей и ящериц. Какое-то время туда ходили в скафандрах, затем оборудовали целый купол для встреч, где Грипу и Талии и предстояло вести свою дипломатическую деятельность.

— *Так, ладно, надо показать вам ваше рабочее место, но сначала техника безопасности. Безопасность в первую очередь!*

Талия и Грип пошли за Сталиной Филантьевной по широкому коридору, разделявшему базу на две половины: кулаков и Федерации. В центре базы коридор расширялся еще сильнее, чтобы обогнуть два неприятного вида ящика, от которых отходили дальше в какую-то стойку толстые пучки проводов. Это оказались телепорты, через которые они сюда прибыли.

Ангар, в котором они были сейчас, оказался кораблем, к взлету уже не предназначенным. В случае чрезвычайной ситуации бежать полагалось не к телепортам, а ровно наоборот, от них, к шлюпкам. Две шлюпки на десять человек каждая были всегда готовы поднять их на орбиту, на корабль Федерации, а оттуда их смогут спокойно телепортировать домой. Формально одна шлюпка была кулаков, одна — Федерации, но бежать, если что, следовало в ближайшую.

Сталина Филантьевна провела их в первую шлюпку,

показала большую красную кнопку, а нажала другую, поменьше. На экране появились Дэн и Ли:

— *Давно не виделись!* — поприветствовал их Дэн. — *Главное, запомните красную кнопку. Есть еще одна, найдите вторую!*

Вторая шлюпка была точно такой же, но с противоположной стороны.

— *Да, а вот вторая. Когда случится что-нибудь плохое, жмите красную кнопку и я подниму вас сюда. Будьте осторожны, и, я надеюсь, вам это знание не пригодится,* — напутствовал Ли.

— *Еще есть вопросы?* — спросила Сталина Филантьевна, удостоверившись, что они оба запомнили, что делать.

— *А что еще у людей есть? На этой планете?*

(Сталине резало ухо то, как эти дети задают вопросы. Но если ей, как и многим, казалось, что это какое-то новое молодежное поветрие — при зарегулированных грамматике и фонетике исказить язык хотя бы так — то она была совершенно не права. «Качелям вопросительной интонации» все возрасты были одинаково покорны — этот отпечаток на интонационный контур накладывало изучение ящериного, пусть даже исключительно письменного. Сперва перелом тона робко съезжал все ближе и ближе к началу вопроса, не всегда по пути попадая в логику хотя бы одного из языков; затем просыпалась многопиковость, а потом начинали рваться предложения. Сами же подверженные этому вкладу

ящериного в человеческие должного внимания явлению не уделяли.)

— *Дай-ка подумать,* — нахмурилась Сталина Филантьевна.
— *Да толком ничего. Корабль, шлюпки, солнечные батареи— два корабля: этот, на орбите, и еще маленький спутник связи. И купол. Вам, наверное, не терпится посмотреть купол.*

Талия побежала за своим скафандром, Грипа до его комнаты пришлось проводить.

Они встретились у шлюза, где Сталина устроила им вторую лекцию по безопасности, теперь уже наружного мира. Местный воздух, охарактеризованный ей как *«паршивый такой, даже ящерицы предпочитают наш»*, был, оказывается, обманчиво безопасным, а его неприятный запах — полезным, потому что сразу понятно, что дышишь не тем. Не мгновенно смертельным, вовсе нет; в случае чего, от купола до корабля можно было бы дойти и на одном лишь местном воздухе. Но по всем правилам безопасности полагалось носить *«вот эти ваши замечательные мягкие скафандры, выполненные по последнему слову технологий, которые мы так замучались выковыривать... ну, знаете, ради душевного спокойствия ящериц»*. Потом надо было учиться вставлять таблетки воздуха, затем — надевать костюмы. Скоро стало понятно, почему нельзя было все это рассказать на ходу: правильно застегнутый шлем-капюшон замечательно глушил звуки. Разговаривать без связи было

делом утомительным: одному приходилось кричать, а другим — замереть и очень сосредоточенно слушать.

Когда они накричались, Сталина Филантьевна открыла, наконец, люк. Снаружи было совсем жарко. Вокруг простиралась бескрайняя пустыня, где-то там на горизонте еле виднелась парочка кактусов. Ну и купол, перед ними стоял огромный прозрачный купол, естественно. Сталина Филантьевна дала им время осмотреться и поманила за собой жестами. До купола они шли молча. Метров сто в диаметре, бессмысленно высокий, подозрительно пустой, вблизи он казался даже прозрачнее привычного стекла. Взгляд Грипа заметался между куполом и песком под ногами, словно он их сравнивал.

Они зашли в уже открытый шлюз — словно маленький пузырь, налипший на большой. Сталина Филантьевна нажала кнопку и тут же стала расстегивать капюшон. Кнопка, неожиданно, оказалась общей на обе двери: они зашелестели, зашуршали и зашипели: наружная стала закрываться, внутренняя — синхронно с ней открываться.

— *Вот такой он, местный воздух, вдохните, не бойтесь. Понятно, почему «удобный»? Если порвете костюм, тут же заметите.*

Местный воздух и правда был неприятным, горьковатым и несмертельным. Он уже уходил, уступая место привычному, но слишком горячему. Реши они побродить вокруг по местной пустыне, жара была бы проблемой посерьезнее

воздуха.

— *Жарко!*

Талия согласно закивала.

— *Все не так плохо, —* неодобрительно возразила Сталина Филантьевна. — *Всего семьсот метров пройти, а потом скафандры снимете. И вам сюда не днем ходить, а на закате. А так, —* она неопределенно махнула в сторону солнца, — *так и самим ящерицам жарко.*

Изнутри купол казался еще более громадным и пустым. Ближняя половина была покрыта стеклом, дальняя была просто песчаной. Шлюз для ящериц был с другой стороны, раз в пять поменьше человеческого. Слева стояла табуретка с баком воды на ней и... все. Больше ничего, одна табуретка на весь купол.

— *Вот ваше рабочее место!*

Грип разочарованно бродил вокруг, высматривая хоть что-нибудь еще. Будто пришел в гости, а хозяева съехали, и теперь он ждал их возвращения и объяснений. Недовольна была и Талия, по миллиону других причин:

— *Что делать? Если с нами здесь что-то случится?*

— *Например?*

— *Не знаю, да что угодно! Ящерица укусит? Скажем...*

— *Не уверена, что— так, в любом случае: если вам что-то угрожает, надевайте скафандры, и на базу.*

— *А если скафандр сломается?*

— *Пусть Грип бежит за помощью.*

— А если оба скафандра? То что?

— ... в этом маловероятном случае, либо идите назад без них, либо, если безопасней оставаться тут, сидите тут, и, рано или поздно, мы за вами придем.

— Я что хочу сказать, мне было бы спокойней хотя бы с рацией.

— А я хочу сказать, что вы тут не на пикник приехали, юная леди. Вы на миссии. На передовой планете. По меркам исследователей, так очень безопасной, — холодно ответила Сталина. — Не думаю, что вы тут померете, по крайней мере, не прилагая к этому усилий.

— А можно нам шляпы? Из того же материала? — спросил Грип, примеряя шлем-капюшон. — Не знаю, как тут вечером, но я переживаю из-за жары. Если нам тут подолгу сидеть... а я так понимаю, что да.

— ... Да, капюшоны бы не помешали... — согласилась Сталина Филантьевна. — Посмотрим. Я вам напечатаю какие-нибудь кепки.

Они еще чуть-чуть бесцельно побродили, но рассматривать было решительно нечего.

— Есть тут еще что-нибудь? Кроме воды и стула?

— Трубка с воздухом.

Сталина Филантьевна отвела их назад к шлюзу. Рядом с ним к стене подходила трубка, из отверстия слегка дуло прохладой.

— А еще что-нибудь?

— Не-а. Что было, то вынесли на базу. Что нужно будет,

говорите, напечатаю.

Энтузиазм сменялся нервозностью. Издалека база выглядела как задняя сторона скучного до зевоты сарая. Темно-коричневого, с маленьким входом по центру. Сталина Филантьевна показала кнопку открытия люка. Скафандры они оставили в шлюзе. Грип попросил проводить его до Ираклия Космовича, а Талия ушла куда-то по своим делам.

Старик сидел за столом, ломившемся от бумаги, с бумагами в одной руке, читая с бумаги в другой руке. Он повернулся к посетителям, и тут же обратно, раскладывая листы по стопкам.

— Здравствуй, здравствуй, Грип. Мне сказали побыть твоим учителем. А я, честно сказать, совсем не учитель, так что не серчай, учить буду как смогу.

— Здравствуйте. Научите меня, пожалуйста, разговаривать с ящерицами.

— Я? Не-ет.

Грип этого не ожидал.

— В смысле? Мне нужно—

— Это ты будешь меня учить их языку, так сказать, из первых рук. Хороши мы будем, если говорить с ними будешь ты, а учить тебя буду я.

— Но вы же лучше меня знаете их язык.

— Может быть, — усмехнулся его учитель. — Но надолго ли? Не прибе— О, давай-ка тебя проверим...

Ираклий Космович взял из стопки на столе чистый лист

бумаги:

— Пиши: «я здесь».

Грип взял автоматический карандаш и записал² слева направо: [существовать] [сюда-в] [я']

— Уставшие... мы идем к вам.

Грип написал ниже: [мы] [уставший] [идти] [вы'].

— Ну вот, вам уже есть о чем поговорить.

— Я не умею говорить, только писать.

— А кто ж умеет? Будете писать.

— На песке?

— Ну да. Ты им, они тебе.

— ... надо будет попробовать.

— Попробуй, конечно, если хочешь, — задумался Ираклий Космович. — Переведи-ка еще это...

И записал в строку: [я] [правильный-ли?] Грип стал выводить: «Я», затем перешел к «правильный?»:

— Это раньше переводилось как «хороший», а теперь — как «правильный», — пояснял он.

— Все так, — одобрительно кивал Ираклий Космович. — Мы поняли, что «хороший» ему не очень— Да ты и правда на их языке пишешь проворнее, чем на родном! Ладно, э, знаешь что, у тебя, наверное, сейчас забот и так хватает. Я в отчетах напишу, что мы первые пару дней занимаемся русским языком, а ты пока просто потренируйся писать

²здесь и далее используются дизъюнктная нотация и вокабуляр на основе второй редакции Федерального методического пособия по изучению языка Эпсилон Инди 3, дополняемые по мере необходимости

от руки. Я надеюсь, ты будешь там делать заметки.

Грип дописал и разглядывал карандаш.

— Наверное, потребуется карандаш попроще.

— Я не... хотя, тебе видней, — передумал посреди фразы Ираклий Космович. — Это правильно, они любят попроще. Давай тогда этот обратно.

— Так чему вы меня будете учить? Языкам? Лингвистике?

— Нет, как раз языкам я тебя учить не планировал. Английский с Талией поднатаскаешь, ящериный — с ящерицами.

Грип свел брови, но возражать не стал.

— Я буду тебя подтягивать по остальным школьным предметам: математике, истории, что там еще вы сейчас проходите. Хотя я не учитель, да, я уже говорил, но буду стараться. Вот дела, да? И тут уроки. Беги пока, займись чем-нибудь поинтересней.

Грип сам нашел свою комнату. Когда он решил заказать карандаш, такой, чтоб без пластика, один грифель, обнаружилось пропущенное от Талии: «иди сюда, поговорить надо». Пришлось признаться, что он не знает куда, и тогда она пришла сама.

— Нам нужен план, — заявила она с порога.

— Нет.

Талия подняла в ответ бровь, уселась на другую сторону кровати.

— Эм, в чем твоя проблема?

— Моя проблема в том, что ты агент.

— А ты?

— Я «валенок», забыла?

— Это мы еще посмотрим, — бросила она.

Грип воздел руки к небу вместо ответа.

— Так это, что не так-то?

— Если ящерицы хотели поговорить с нашими детьми, они вряд ли имели в виду «присылайте ваших маленьких шпионов».

— Я не шпион. Я агент и дипломат.

— «... присылайте ваших маленьких агентов и дипломатов».

Как, лучше стало?

— А ты что, предлагаешь неподготовленных детей послать?

Грип замахал рукой, но слов не нашел.

— Это рецепт... несчастья. — закончила она.

Русским она владела хорошо, но не идеально.

— Я надеюсь, они это понимают! Учитывают, что мы — дети.

Как-то. А тут ты.

— Я не согласна, но я понимаю, о чем ты...

— Так, а ты что предлагаешь? — нарушила молчание Талия.

— Не знаю, — ответил Грип. — Можешь просто вести себя.. как нормальный ребенок?

— Еще бы, — заявила та, что на этом уже дважды попадалась.

— Ну да, конечно.

— А ты?

— Я? Я как раз и есть нормальный ребенок.

Талия обиделась.

— Так и я не монстр какой-то в форме ребенка, я — тоже ребенок, — наконец сказала она. — у меня тоже есть родители, друзья, увлечения...

— И чем ты увлекаешься? — попытался разрядить обстановку Грип.

— Я в футбол играю, когда есть где, — Талия вдруг застеснялась. — Но обычно нигде и я разгадываю кроссворды.

Повисло неловкое молчание.

— Ну и ладно, — вдруг согласилась Талия. — Ну и пусть. Я все равно не знаю, что делать.

Она откинулась назад и прислонилась к стене:

— Я не знаю, что им от нас нужно, и что мы готовы им предложить, я тоже не знаю. Замечательные будут переговоры.

— Я даже не знаю, как мы собираемся переговариваться.

— На песке писать? — предположила Талия.

— Наверное... Потренироваться, может?

— Круто, я в деле, — Талия уже спрыгивала с кровати. — Пойдем, найдем Сталину.

Талия привела Грипа к телепортам, Сталина Филантьевна стояла напротив одного из них. Заметив детей, она выудила из одного из карманов две панамки:

— *Твой карандаш еще не готов. И твои штуки тоже.*

— *Мы опять хотим наружу,* — заявила Талия.

— *Я хочу попрактиковаться писать на песке,* — уточнил Грип, отчаявшись понять, на каком языке с кем тут говорить.

Сталина Филантьевна просьбе удивилась, но возражений не нашла.

— *Можно напечатать нам мячик?* — спросила по пути Талия.

— *Что, мячик? Зачем?*

— *Играть в футбол!*

— *Что за чушь? Это исследовательская станция, юная леди, а не футбольное поле.*

— *Мы можем снаружи поиграть,* — продолжала давить Талия.

— *О, космос!* — пуще прежнего запротестовала Сталина Филантьевна. *Я когда говорила, что вы вряд ли помрете там снаружи, я имела в виду, от ходьбы в купол и обратно. А не в смысле «не сходить ли вам двоим поиграть в футбол»! Это тебе не задний двор!*

В этот раз шлюз открывала Талия. Снаружи было уже не так жарко. Солнце клонилось к закату— а еще в той же стороне двигалось слегка темное пятно.

— *Смотрите!* — закричал Грип и закрылся рукой от солнца. Его спутницы, быть может, и не разобрали возглас, но тоже стали смотреть вдаль. Пятно приблизилось и оказалось стаей ящериц. Пока одни стояли, другие бежали, и они все время чередовались. Если смотреть на конкретных ящериц, то в этом чудилась строгая, завораживающая система; а вот все пятно в целом перемещалось как-то неуверенно-хаотично. Вот оно приближалось, причем скорее к куполу,

чем к кораблю, а вот уже круто свернуло, прошло где-то за куполом и уползло вдаль.

Грип очнулся, вспомнил, зачем они здесь и стал писать на горячем песке пальцем:

— [я] [показывать] [знаки']

Получилось слишком крупно, и тогда он попытался написать так мелко, как только мог:

— [я] [видеть] [ты']

Сухой песок к убористому письму совсем не располагал. Талия тоже присела написать

— [я] [показывать] [знаки']

Не зная, что делать дальше, они молча постояли, прежде чем вернуться на корабль.

— *Нужно подготовиться*, — нервно заявила Талия. — *Нужно быть там до заката.*

Грип забрал карандаш, взял лист бумаги и стал ждать напарницу. Она вернулась собранной, подчеркнуто спокойной. Они шли молча, солнце почти касалось горизонта. Бумага и карандаш, на всякий случай, были оставлены в шлюзе, как и скафандры.

Они прошли до середины купола, где стекло сменялось песком. Уселись, Грип прищурился, вглядываясь вдаль, и увидел ящерицу в шлюзе напротив! Она лежала без движения, поперек, и внутреннюю дверь открывать вовсе не спешила.

— *Видишь? Ящерицу*, — прошипела Талия.

— Да, — шепнул в ответ Грип.

— Что делаем? Впустим?

— Нет! Ждем.

Талия нетерпеливо ерзала на горячем стекле. Грип старался двигаться плавно. Шло время, но ящерица и не думала двигаться.

— Вон, другая — вытягивая руку, Талия зацепила Грипа локтем, и отсела подальше вправо. — Прости. Видишь?

И правда! Затаив дыхание, Грип смотрел, как к шлюзу бежит ящерица поменьше. Бежит. Стоит. Бежит. Почти там. Еще рывок — и вдруг кусает первую позади задних лап?! Та подскакивает, разбрасывая песок, и дает деру; а маленькая уже ткнулась в кнопку, и вот она в куполе. Талия бросила озадаченный взгляд на Грипа, а он не отвел глаз с ящерицы. Приближается. Стоит. Озирается — и в центр. Опять стоит. Пятнадцать сантиметров? Бежит. Двадцать? Нет, все двадцать пять. Совсем как на картинках. Нет, голова как там, а пропорции другие. Останавливается напротив, окидывает их взглядом снизу вверх. И начинает стрекотать и писать.

Они застыли, а ящерица медленно ползла на них, орудуя хвостом в ритм щелчков и треска, слегка заравнивая песок и тут же оставляя сбоку от своего следа:

— [существовать] [сюда-в] [я']

Грип дождался, когда спадет волнение, и бросился перерисовывать столбец. Талия стала повторять, но за ним не поспе-

вала.

— [существовать] [сюда-в] [я']

— [существовать] [сюда-в] [я']

Ящерица осмотрела их столбики (да что ей там вообще с земли видно?) отбежала в сторону, продолжила осмотр оттуда. И стала хрюкать, что вообще не напоминало треск. Было видно, как она вдыхает. «Hurr-durr?» Да, чем-то похоже. Дети замерли, пока она не дохрюкала и не продолжила:

— [я] [новый]

Грип и Талия перерисовали и этот столбец, но ящерица бесцеремонно прошлась прямо по их надписям, развернулась и написала в их сторону:

— [вверх] [идти] [вниз']

| [вниз] [идти] [вверх']

Хвост, мечущийся между двумя столбцами сразу, гипнотизировал Грипа. Он не тронулся ни на сантиметр, пока ящерица не дописала и не уставилась ему на руку. Только тогда он робко потянулся к своим художествам, аккуратно стер их и начал писать вверх ногами все те же

— [существовать] [сюда-в] [я']

| [я] [новый]

Ящерица от рук не шарахалась, а стирание вызывало у нее больше интереса, чем написание.

Писать слитно, от себя и вверх ногами было совсем не

просто. Делать это сразу в два столбца он даже и не пытался, ни одной рукой, ни двумя. И по одному-то выходило кривовато. Талия так и вовсе не стала исправлять свою надпись, а ждала вердикта ящерицы. Та уже заняла позицию напротив, хвост наизготовку. Стоило Грипу закончить, как она пошла писать в сторону его надписи:

— [вверх] [идти] [вверх']
| [вниз] [идти] [вниз']

Грип с облегчением выпрямился. Талия, напротив, следила за перебежавшей к ней поближе ящерицей в оба:

— [я] [хотеть] [знать'] [знаки'] [ваши-х]
| [я] [хотеть] [знать'] [звуки'] [ваши-х]

Грип медленно стер перед собой пространство пошире. Ящерицу это все так же не смущало, она бегала вокруг рук, когда ей вздумается. Талия закатила глаза, когда поняла, что Грип там пишет: «ПРИВЕТСТВУЮ», вверх ногами. Когда он, изображая, как мог, Марию Степановну, произносил это слово трижды, ящерица остановилась и чуть приподнимала голову.

— [объясн-яй] | [вышеупомянутое'] — написала она, не двигаясь с места.

Выходило, что читаются столбцы справа налево, а пишутся, правшам на радость, слева направо. А еще тогда выходило, что «ПРИВЕТСТВУЮ» она бы читала задом наперед? Грип перестал вертеть головой и объяснил:

— [я] [видеть] [ты'] | [я] [показывать] [вышеупомянутое']

— [знаки] [многие] | [звуки] [многие] — пожаловалась ящерица.

— Ну, дык, — буркнула Талия, потянувшись к центру.

— «Н!» — написала она, вверх ногами и, получается, тоже задом наперед.

Она повторила слово вслух трижды, указывая на него пальцем с каждым повтором.

— [объясн-яй] | [вышеупомянутое'] — показала ящерица хвостом на уже имеющуюся в наличии надпись.

— [я] [видеть] [ты'] | [я] [показывать] [вышеупомянутое'] — тоже переиспользовала надпись Талия.

— [знаки] [многие-не] | [звуки] [многие-не] — откомментировала ящерица сбоку.

— *Давайте тогда на английском*, — невероятно серьезно заявил Грип, и опять начал стирать, потому что снова место кончилось.

— [вы] | [разный-ли?] — спросила тем временем ящерица. Ей стирать впрок не требовалось.

— [мы] [держать] [знаки'] [разный] | [мы] [держать] [звуки'] [разный] — ответила Талия.

Кто при этом что имел в виду, было решительно непонятно. Ящерица ответом удовлетворилась, а вот Грип запереживал:

— [я] [хотеть] [знать'] [знаки'] [ваши-х]

| [я] [хотеть] [держать'] [знаки'] [ваши-х]

— [держать-ли?] | [знаки'] — написала ящерица, почти не шагая.

— [я] [держать] [предмет'] [знак-ов] — начал Грип и исчерпал

свой словарный запас.

— [я] [понимать-не] | [показыва-й] [вышеупомянутое']

Грип медленно встал и сходил за бумагой и карандашом.

— [смотри-и] [предмет'] | [вышеупомянутое] [сложный-ли?] —
написал Грип на листе, положив его на стекло, а затем
предъявил ящерице.

Та рассматривала два коротких столбца практически в упор,
будто близорукая, то так, то сяд, то снизу, то сбоку.

— *Я не думаю, что она может* — зашептала Талия, прервав
этим осмотр.

Ящерица отбежала в сторону, где постановила:

— [вышеупомянутое] [сложный-не] | [вышеупомянутое]
[предметный-не]

— [вышеупомянутое] [...-ый-ли?] — симпровизировал
Грип, пропустив сам знак и тыча пальцем в пустоту за
антештрихами.

— [вышеупомянутое] | [материаловый] — «прояснила»
ящерица.

Оставив Талию хмуриться над ответом, Грип, на всякий
случай, выдал на осмотр и карандаш. Ящерица обошла его
кругом, покатала носом, лапкой, зачем-то подкопалась под
него...

— *Думаешь, она видит снизу? Сквозь песок?*

— *Да ну.*

... выкопалась, и пришла к тому же выводу, указать на него
хвостом:

— [вышеупомянутое] | [материаловый]

— [ваши] [есть-ли?] [животные'] | [наши] [есть] [животные']

— [истинно] — ответил Грип.

Будучи уроженцем Розарио, он вряд ли когда-либо ел мясо животных, но вопрос был не про него лично, а про людей как вид.

Тут Грипу пришла в голову еще одна лингвистическая вольность. Он сдвинулся вперед, дотянулся до надписей ящерицы, и стер у [есть-ли?] антештрих, превратив его в не очень аккуратный [есть]. Ящерица отступила, следила сначала за пальцем сбоку, а потом томительную минуту рассматривала итоговое «[ваши] [есть] [животные'] | [наши] [есть] [животные']», непонятно кем сказанное, непонятно к кому обращенное. Темнело. Определять эмоции по ящериней мордочке Грип совершенно не умел. Возражений против вторжения в чужие знаки, впрочем, не последовало.

— [ваши] [держать] [животное']

| [животное] [держать-ли?] [еда']

Грип повернулся к Талии, ища поддержки. Та непонимающе покачала головой, но, все же, первая преодолела острый дефицит контекста:

— [существовать] [многие] [животные] [наши-х]

посеяв у Грипа сомнения как в ее, так и в своих знаниях ящериного. Он пометался руками над ее надписью, и, не придумав, как подправить ее на месте, разъяснил отдельным столбцом:

— [существовать] [многие] [категории'] [животн-ых] [разный]

Ящерицу эта тема явно интересовала:

— [я] [хотеть] [видеть'] [животные'] [ваши-х]

| [ты] [мочь-ли?] [показывать'] [животные'] [ваши-х]

— Да что ж так сложно-то, а? — пробурчал себе под нос Грип.

— [я] [мочь] [показывать'] [знаки'] [животн-ых]

Ящерица смотрела ему в живот. Выжидательно? Запуталась?

— [жд-и] — написал Грип, повернулся к листу и начал рисовать.

Ящерица ждать не собиралась, а полезла на стекло, смотреть за процессом рисования с расстояния... примерно в свою длину. Грип рисовал ящерицу, периодически сверяясь с оригиналом. Талия придвинулась смотреть с другой стороны, скрестив пальцы за то, чтобы художества Грипа не стали последним гвоздем в крышку гроба отношений между людьми и ящерицами. Чуть поуже здесь... хвост... задние лапы... Когда он выпрямился посмотреть, ящерица ткнулась в бумажку, вернулась на песок и тут же заявила:

— [№1?] [знаковый-не] | [№1?] [№1?-ый]

Грип бросился перерисовывать новый знак. Талия все это никак не комментировала и вообще выглядела отстраненной.

— Знаешь, что значит этот знак?

— «Рисунок», может быть? — не особо помогла она.

— [я] [знать-не] [знак'] [№1?-а]

| [я] [мочь-ли?] [показывать'] [№1?']

— импровизировал Грип в сгущающейся темноте.
— [зн-ай] | [знаки'] — то ли подбодрила, то ли произдевалась над ним ящерица.

Грип воспользовался заминкой, потянулся, бросил взгляд в сторону давно зашедшего солнца, и решил воспользоваться возможностью [знать] побольше [знаки']. Была у него пара слов, про которые он давно хотел спросить.

— [жд-и] — написал он и побрел к баку.

Эх, стаканов нет, рюмки не взял... Пришлось нести теплую, почти горячую воду назад в ладони. Когда он поместил ее поверх знака «[жд-и]», ящерица пришла в замешательство. Пометавшись от нерешительности, она стала приподниматься и выгибаться, лезла в ладонь, стараясь при этом ее не касаться. Грип вдавил руку в песок, чтобы как-то помочь. Мордочка, наконец, коснулась воды; Талия тихо засмеялась. Грип улыбался, ждал, что ящерица начнет лакать, а она все тыкалась, тыкалась, и все никак. Наконец, ящерица аккуратно сдала назад, и пошла стрекотать и писать в сторону Талии:

— [ликование] [твой] [правильный-не]

Грип вылил воду на песок, чем всецело занял ящерицу еще на целую минуту, дав Талии кучу времени объясниться:

— [ликование] [мой] [разный]

| [существовать] [голова-в] [вышеупомянутое']

— [мочь-не] [видеть'] | [голова'] [твой] — ответила ящерица, вдоволь наинтересовавшись мокрым песком.

Грип не хотел ссориться, он хотел [знать] [знаки']:

— [я] [держать] [вышеупомянутое']

| [показыва-й] [знак'] [вышеупомянут-ого]

— [существовать-не] [вышеупомянутое'] [наши-х]

| [существовать] [№2?] [наши-х]

Грип снова схватился за карандаш. Новые знаки становились сложнее, ночь — темнее. Талия тренировалась рисовать новый знак вверх ногами, а затем дополнила его до:

— [объясн-яй] [№2?']

— [мочь-не] [объяснять'] [№2?']

— Вот прям не ты не можешь, а вообще невозможно? — ворчал Грип. — Думай, ящерка, думай.

— [мы] [хотеть] [знать'] [№2?'] — давил он.

Ящерица рассматривала его колено. Грип требовательно постучал по надписи.

— [я] | [думать] — отмахнулась от него ящерица и резким стрекотом, и в письменном виде.

Стрекот совпадал с написанием, и, в совокупности со взмахами хвоста, очень выручал. Если бы Грип тогда отвлекся, разбирался бы потом до рассвета. Начиная с того, где вообще ответ.

— [я] [мочь] [видеть'] [меньше] [знаки']

| [я] [мочь-не] [видеть'] [знаки'] — написал он нерешительно, разной длины столбцами и без уверенности, что так вообще можно.

— [я] [мочь] | [видеть'] [знаки']

— Ну рад за тебя, что, — посетовал Грип.

— [я] [мочь-ли?] [держать'] [материал']
| [материал] [держать] [сюда-в] [солнце']
— [материал] [мочь-не] [солнечный']
| [предмет] [вышеупомянутое] [сложный-ли?]
— [материал] [держать] | [внутри-в] [солнце'] — объяснял
Грип флюоресценцию, как мог.
— [вышеупомянутое] [солнечный-ли?]
| [вышеупомянутое] [опасный-ли?]
— [материал] [солнечный-не] | [материал] [горячий-не]
— [солнечный-не] [мочь-не] [держать'] [солнце']
| [ид-и] [держ-и] [сюда'] [вышеупомянутое']
— *Как сказать «в следующий раз»? — думал вслух Грип. —
Нет у нас слов для времени.*

Талия ничего не сказала, просто под села ближе.

— [мы] [идти] [жилище'] | [существовать] [сюда-в-ли?] [ты']
— [истинно-не]

Талия тут же бросилась писать:

— [мы] [идти] [сюда'] | [ты] [идти-ли?] [сюда']
— [существовать] [вверх-в] [солнце'] [существовать] [вниз-в]
[солнце']
| [существовать-не] [сюда-в] [я'] [существовать] [сюда-в] [я']

Талия звучно выдохнула.

— [существовать] [вверх-в] [солнце'] [существовать] [вниз-в]
[солнце']
| [существовать-не] [сюда-в] [мы'] [существовать] [сюда-в]
[мы'] — закрепил договоренность Грип.

— [ид-и] [держ-и] [№1?и'] [животн-ых] [меньш-ий]
| [ид-и] [держ-и] [материал'] [вышеупомянутое] [солнечный] —
проинструктировала ящерица.

— [я] [идти] [держать] [№1?и'] [животн-ых] — начал заверять Грип, а потом перескочил на другой участок с новой идеей:

— [я] [идти] [держать] [материал']
| [материал] [вышеупомянутое] [помогать] [видеть']

Ящерице уже надоело выражать свои сомнения по поводу волшебных свойств человеческих материалов. Недоумевала и Талия:

— *Хочешь очки ему заказать?* — спросила она, то ли в шутку, то ли всерьез.

— Хочу принести лупу, — ответил Грип.

Талия не знала русского слова, Грип — английского.

— [мы] | [идти] — написал он и стал вставать.

— [я] | [идти] — ответила ящерица и убежала двумя перебежками.

С тихим шуршанием переключилась за ней дверь.

— Мы сделали это! — уставшим голосом протянула Талия.

— Да-а-а, — вторил ее интонации Грип.

— А ты правда хорошо язык знаешь.

— Было сложно.

— Ага. Я под конец ничего уже не видела.

Корабль, как оказалось, светился тремя красными огоньками. Очень помогало попасть к входу. Грип несколько раз

запинался, когда замечал в стороне большую ящерицу, но Талии ничего не сказал. Да и что бы он сделал, стал тыкать пальцем и кричать «смотри, ящерица!»? Как-то невежливо для гостя на планете ящериц. В шлюзе Талия спросила:

— Видел ящериц? По пути...

— Да. Они тут живут, вообще-то.

Дети сняли скафандры и пошли к гудящей от разговоров столовой. Но стоило им показаться в дверях, как все затихли; последним замолчал Дэн.

— *Как прошло? Чего-то вы долго,* — озвучила общую мысль Сталина Филантьевна.

— *Второй встрече — быть,* — ответил Грип и все опять радостно загудели.

— *Она даже пила у Грипа из руки!* — торжествующе пискнула Талия.

Одобрительные настроения усилились.

— *Ты в порядке?* — зачем-то решила уточнить Мария.

— *В полном, она меня даже не— не коснулась,* — отмахнулся Грип и решил, что с него на сегодня хватит языков. Вот вообще всех.

Грип попрощался, оставил Талию в центре внимания, сместившемся от дверного проема к дивану, помыл руки и направился в свою комнату с твердым намерением лечь спать. Поэтому, когда его встретило яростное мигание телефона, Грип издал в его сторону недовольный стон и отложил бумагу с карандашом на кровать.

- «Агент, отчет». Деревяшко, — гласил экран после включения. Только этого не хватало!
- «Пока норм. Ваш агент. Спать.» — отписался Грип, положил телефон экраном вниз, залез в кровать и заснул.

(Не)организованны

Довертелся. Карандаш ткнул Грипу прямо под ребро. Плохая была идея, класть его на кровать.

В ногах висел еще один термокостюм. Телефон требовательно мигал вниз, в тумбочку.

Вчерашнее

— Агент, отчет.

— Пока норм. Ваш агент. Спать.

дополнилось чуть менее лаконичным:

— Ты там обалдел? Мне — отчет, маме — привет. Выполнять.

Грип зевнул и развил мысль:

— Второму контакту — быть. Есть новое слово. Получил разрешение на демонстрацию нескольких предметов. На переговорах совершенно новый пришелец, который ранее с людьми не разговаривал.

Еще были «Ты вчера неважно выглядел, зайди, пожалуйста на осмотр» от Марии и аудио от мамы. Мама наговорила каких-то общих слов о том, как она им гордится и скучает, но, вроде, не слишком переживала. Грустила, скорее. Грип решил ни слова не говорить о ящерицах и задании, записал ответ только про себя, настроение и самочувствие, и попросил рассказать побольше о себе и как там жизнь.

Теперь осталось сходить к Марии. Во рту пересохло, хотелось есть. Он вчера вообще хоть что-то ел? Тогда не удивительно—

Телефон зазвонил прямо у него в руке. Дэн:

— *Доброе утро, коллега. Слушай, тут система, скажем так, неидеальная, в смысле, я не вижу, что ты отправляешь и куда. Только размер. А значит, не знаю, что срочное, а что может подождать. Так что, пожалуйста, если что-то срочное, скинь после него сообщение мне, чтобы оно не ждало. Хорошо?*

— *Конечно. Первое, это был отчет, так что, думаю—*

— *Отчет, говоришь?* — усмехнулся Дэн. — *Ладно, значит, его отправляю прямо сейчас. Увидимся—*

— *Постойте, я... насчет второго. Как часто вы их отправляете?*

— *В смысле, пакетные? Они пойдут следующей партией, так что это до восьми часов задержки. Восемь, если не повезет со временем.*

— *Спасибо!* — Грип опять проваливался в это изматывающее состояние, когда смысл в целом понятен, а многие

слова — нет, но и уточнять вроде и нечего. — *Второе может подождать.*

— *Понял, и извини за беспокойство. Система, знаешь ли.*

— *Да-да, никаких проблем.*

Итак. Осмотр. Мария. Где это? На кулацкой половине базы Грип совсем не ориентировался.

— *Куда идти?* — написал он, переоделся и прочитал ответ:

— *К телепортам.*

Ага. Это можно.

Мария окликнула его на последнем перекрестке. Оказалось, что ее комната была прямо у телепортов, за тонкой стенкой-перегородкой... Не комната, кабинет. А еще точнее, лаборатория. На экранах — непонятные графики и рисунки, прозрачная... посуда? ... с непонятными штуками внутри. Вот что Грип опознал со всей уверенностью, так это маленький холодильник прямо у входа. Оборудование Грипу казалось более электронным, нежели биомедицинским, а в одном углу стола даже лежали провода. Это не было похоже ни на операционную, ни на приемную врача; даже второго стула не было, не говоря уж о кушетке.

— *Привет, спасибо, что зашел.*

— *Здравствуйте. Со мной что-то не так?*

— *Я не знаю— сразу скажу, я не врач —просто мне не понравилось, как ты вчера выглядел. Вроде нормальный был, а потом побледнел и стал такой уставший.*

— *Но...* — подбирал слова Грип. — *Это же нормально?*

Усталость после... телепортации.

— *Нет, вовсе нет,* — закачала головой Мария. — *После прыжка ты должен бы чувствовать себя прекрасно. Отдохнувшим, насыщенным... не голодным,* — перефразировала она, когда Грип схмурился.

Она, задумавшись, уставилась куда-то в дальний угол, но, не успел Грип туда повернуться, снова обратилась к нему:

— *Так, ладно, идем со мной, а то с ручным сканером будет неловко.*

Они вернулись к телепортам, где Мария открыла крышку ближнего и махнула Грипу рукой, чтобы залезал. Крышка выглядела тяжелой, с нее свисали какие-то блестящие механизмы. Грип неловко залез в ящик, лег на спину и спросил:

— *Мне перестать дышать?*

— *Пожалуйста, не переставай дышать,* — ответила Мария с серьезным лицом. — *Я не врач, но звучит как что-то очень нездоровое.*

У нее зазвонил телефон.

— *И да, что бы не случилось, не трогай движущиеся части.* И, уже в телефон:

— *Привет, Ли!.. Не-а, я не собиралась... Просто медицинское сканирование... нет-нет, мы быстро... пока-пока!*

Она закрыла крышку, оставив Грипа в тускло освещенном ящике, и тут же прямо над его лицом заплясали те самые движущиеся части. Жесткий низ ящика и что-то еще,двигающееся почти за пределами видимости, тоже не прибавляли

ни капли уюта.

А снаружи, тем временем, бушевал разговор на высоких тонах. Кто-то кричал на Марию, Мария оправдывалась. Голоса вдруг замолкли, движение остановилось, а крышка — поднялась. Сталина Филантьевна бесцеремонно ухватила Грипа, легко закинула на плечо, но тут же аккуратно поставила на пол.

— *Как ты сама прекрасно можешь видеть, точно нет!* — возражала Мария.

— *Что в мире, с чего ты вообще решила, что ты для этого чищена?* — угрожающе наступала на нее Сталина Филантьевна.

Лишенные понятного Грипу контекста, знакомые по отдельности английские слова больше не стыковались друг с другом.

— *Очнись, на что ты намекаешь? Пока не выставила себя полной душой — что именно ты собралась вменить?*

Ответ Сталины Филантьевны не стал дожидаться конца фразы Марии, и дальше Грип это пюре и на слова-то разделить не мог.

Он потерянно заозирался и заметил Талию, наблюдающую за ними из коридора, с двумя большими цветными тюбиками в правой руке. Она поймала его взгляд и помахала ему левой. По мере сближения она рассеянно отступала, пока не завела его в лабораторию, обогнула холодильник и села на пол в угол, слушать переполох за перегородкой.

— Что происходит? — прошептал Грип, усаживаясь рядом.
— Мария засунула тебя в наш сканер. — скользнула по нему взглядом Талия, сосредоточенная на другом разговоре.
— И?

Талия непонимающе посмотрела на него.

— И ничего, наверное, — ответила она. — Ты же не парализованный, что... — она сделала паузу, разбирая одновременную речь за перегородкой — ... что она сделает? Котлету в форме Грипа?..

— такое и по фотографии приготовить можно, — предположил Грип.

— Ты что, а как же вкус? Так он не будет... Тихо, — она подняла ладонь, будто останавливала.

Голоса сменились энергичными шагами. Сталина Филантьевна и Мария уходили? Сюда или нет? Тот же вопрос волновал и Талию. Нет, не свернули, не сюда. В столовую?

Талия расслабилась и заговорщически спросила:

— Мороженое будешь?

— Спрашиваешь?! — воспрял духом Грип.

Он не только был голоден, так еще и климат Эпсилон Инди 3 только к такой еде и располагал.

Талия заулыбалась, положила тюбики на холодильник и сделала демонстративный взмах кистью. Невесть откуда появившиеся в ней ложечки с длинными ручками были выданы Грипу. Затем Талия открыла холодильник, чтобы извлечь из него стеклянную посудину, и на секунду перед

Грипом мелькнула полка с угрожающего вида горкой шприцев, все в наклейках. Талия забрала обратно одну ложку, чтобы разделить мороженое примерно пополам. Грип времени не терял и уже дегустировал свою половину: — Безвкусное какое, — заявил он.

— Он еще жалуется, — деланно возмутилась Талия и взяла тюбики. — Тебе какой?

Грип выбрал тюбик с оранжевой крышкой. Скорее насадкой, великовата для просто крышки. Талия взяла тот, что с синей и стала выдавливать на свою половину.

— Вот это дело!

Пополам с апельсиновым непонятно чем мороженое заиграло новыми красками. Грип в восторге уминал смесь за обе щеки, не сильно отставала и Талия.

— Ложку оближи лучше, — сказала она, когда Грип зачерпнул последний твердый кусок.

— Чтобы вы мои биологические материалы собрали? Клонировать будете? — спросил Грип, старательно облизывая ложку.

— Дурак ты, — беззлобно сказала Талия. — Просто запачкаться не хочу.

— Извини, — сдал назад Грип. — Спасибо за мороженое.

Пока емкость возвращалась в холодильник. Грип смог еще раз взглянуть на шприцы и наклейки. Ближайшая гласила «Мария». Ложки Талия снова крутанула в руке и они куда-то пропали.

— Все, погнажи, у нас дел невпроворот.

— Чего там у нас? — догнал ее Грип.

— Ну, например, заказать все, что ты вчера наобещал? Какой-никакой план бы нам не помешал. И отчет ты вчера точно не писал. И еще знаки новые надо Ираклию показать.

— И где-то еще придется найти время, чтобы учиться, — рассеянно пробормотал Грип. — Надеюсь, они там уже остыли.

Договорив эту фразу, он остановился и прислушался. Не сильно-то они остыли, это и отсюда было слышно.

— А почему— если ты говоришь, что ничего страшного — они все никак не угомонятся?

Вопрос Талию повеселил.

— Взрослые, — неопределенно помахала она руками, подбирая слова, — как дети, ну. Иди, заставь их работать.

— Я?

— Кто тут дипломат? Мы с тобой контактеры, считай, дипломатический корпус. А они нас обслуживают, то есть на нас работают, — дозировала Талия, терпеливо выжидая, пока у Грипа перевернется картина мира. — И сейчас они явно не работают.

Голос из столовой стал вдруг неестественно ровным — Сталина Филантьевна что-то диктовала или зачитывала.

— Ну так иди и объясни им, что ты здесь начальник, и хватит им страдать непонятно чем, — довершила логическую цепочку Талия, а Грип так и не нашел в ее рассуждениях

изъяна.

Голоса опять набрали эмоциональные обороты, Грип боролся с нерешительностью.

— Про стиль тебе хотя бы объяснили?

— Про что? — хватился Грип.

— Про самообладание. Как держать лицо. А, ладно. Просто води себя уверенно, словно ты здесь взрослый, а они так, балуются. Давай, — и Талия потащила его к столовой.

Грип вспомнил свой единственный урок стиля, но как это сюда применить, придумать не успел. Они шли решительным шагом в столовую, что-то тихо говорила Мария («—*как с духом, так и буквой совместного*—», чего?), и тут Талия, хитрюга, ловко отстала на два шага, отчего их вход в комнату превратился в его вход в комнату. Обращиваться к ней было уже совсем не с руки.

— *Команда!* — гаркнул Грип, перебив Марию.

Она, Лиза, Сталина Филантьевна, сидевший поодаль Ираклий Космович — все уставились на него.

— *Вы чего тут делаете, чего не работаем?* — продолжил он, — *У нас вторая встреча через, сколько, девять часов, а работы по горло! Сталина! Приступите к изготовлению светящейся палочки.*

— *Ай!* — невнятно-утвердительно ответила Сталина, но позы не переменяла.

Довольный Ираклий Космович одобрительно крикнул, трое остальных смотрели на Грипа с возрастающим интересом.

— *Мария!* — повернулся Грип. — *Идем, нужно, чтобы ты нарисовала животных. Ираклий Космович, к вам зайду позже.*

Мария медленно встала и пошла. Грип пристроился за ней, и миновал Талию которая опять на секунду отстала.

— А ты чего отстаешь?

— Погрозила им пальцем, — отчиталась Талия.

Грип протяжно вздохнул.

— *В смысле, «нарисовала животных»?* — растерянно переспросила Мария.

— *Это— я же вчера рассказывала, Ньют заинтересовался животными, и мы пообещали принести картинки— он называет их «схемы», — суетливо пустилась в объяснения Талия.*

— *«Ньют»?* — нахмурился Грип.

— *Да, да, я знаю, но просто не могу удержаться—* — скривилась она.

— *Талия...* — вмешалась Мария.

— *—он сам называет себя «новым»³, а тритон⁴ — это же такая ящерка.*

— *Тритон — не ящерица, а саламандра, — возразила Мария. — А ваш местный друг — ни то, ни другое! Ты меня вообще не слушаешь, так что постараюсь вместо тебя достучаться до Грипа. Это плохая идея*

³ «new»

⁴ «newt»

называть его... именем, которое он сам не выбирал! Вам бы понравилось, если бы они стали звать вас именами, которые они выбрали?

— ... но им придется выбрать нам имена, если им захочется нас как-то звать.

— Да, — поддержала Грипа Талия. — Нашими именами они все равно нас звать не смогут.

— Я не об этом. Вдруг это ему не понравится.

— Почему бы? — удивилась Талия. — Когда он сам назвался «новым».

— Откуда нам знать. Вдруг настоящие тритоны им покажутся уродливыми. Кстати, почему ты решила, что это «он»? — триумфально закончила Мария.

— Он... без понятия... — сбитая с толку вопросом, затихла Талия.

Не успела Мария сесть за стол, как утонула в противоречивых требованиях. Не сразу, но она выудила из заказчиков, что они хотят схематические изображения маленьких животных, с ящерицей для масштаба и с таблицей характеристик для справки. Выбор этих животных оказался самой трудной частью:

— Курица!

— О! Да! С цыпленком! И яйцом! Все вместе. Ящерицы же откладывают яйца?

— Нет. Вообще нет. Они живородящие, рожают маленьких ящериц. Вы точно хотите курицу?

— Да!

— Как скажете... но тогда выкидываем что-то другое.

— Гроулика?

— Нет, только не гроулика!

В итоге победили курица, заяц и муха, но, в последний момент, Грип настоял еще и на амебе. Мария, с неутомимой педантичностью поправляя их представления о биологии, начала собирать на экране коллаж из курицы, цыпленка, яйца и полупрозрачной ящерицы.

— Когда будет готово? — спросил Грип.

— Дай подумать... Пять часов, может три. Я биолог, а не иллюстратор.

— О! Нам же еще все остальное печатать.

— Ты иди, я тебя потом найду, — решила задержаться Талия.

— Стой-стой-стой, минутку... — Мария открыла что-то цветное и мутное, надолго засмотрелась в длинные столбцы чисел. — Сканирование неполное, но у тебя в любом случае обезвоживание. Не дай костюму себя обмануть, здесь жарко, и внутри тоже, так что ты много потеешь. И, значит, воды тебе надо пить больше. Ты же знаешь, где взять воду, правда?

— Да, понял, буду пить больше.

Сталина Филантьевна сама нашла Грипа первой.

— Ты чем только думал, когда полез в их сканер? — пробормотала она, присоединяясь к нему в длинном коридоре,

ведущем в столовую.

— Извините, а в чем, собственно, проблема?

— Мария— Кулак смог бы тебя печатать!

— ... и выведал бы все наши тайны, ага. Какие такие федеральные секреты я знаю, которых не знает Талия?

— Никакие, — вообще не стала спорить она.

— И чего-то необычного во мне тоже нет.

— Как скажешь.

— Ну и?

— И?! Возможность распечатывать людей — это огромная власть. Подумай об этом на досуге.

— Ага, только ведь они не могут меня распечатать?

— Не могут, — неохотно признала она.

— Зато вы можете.

— Могу.

— Тогда этот поезд уже ушел.

— Не скажи. Одно дело мы, совсем другое — Кулак. В их сканер больше не ногой.

— Понял. Как скажете.

Они договаривали уже стоя посередине столовой.

— Ты распечатать что-то хотел, — сказала она, протягивая ему палочку.

Грип переломил ее, обхватил ладонью, посмотрел, как светится. Уж точно лучше, чем ничего.

— Она для ящериц не опасна? Если ее перекусить, в смысле.

— Когда не знаешь наверняка, всегда считай, что опасна.

— Мне нужно больше. Как минимум по одной в день.

— Да, конечно, сделаю еще.

— Спасибо, но это еще не все. Лупа.

— Ох, не обожги там никого, ладно?

— Да мы ж на закате...

— С ручкой, без?

— Без, маленькую.

Она достала телефон из кармана, что-то понажимала, опустила так, чтобы Грип тоже видел:

— Такую что ли?

— А... это маленькая?

— Вот такая примерно.

— Сделайте еще вдвое меньше. Хорошо. Теперь что-нибудь многоразовое, флюоресцентное...

В каталоге декораций интерьера нашлась белесая звездочка.

— Во, идеально, эту! И еще мне нужна бутылка для воды.

— Не вопрос...

Она принялась очень быстро листать изображения бутылок. Краем глаза Грип заметил какое-то движение, но был слишком занят каруселью—

— Эту— на одну назад—у меня дома такая же осталась. Мария сказала, мне надо больше пить.

— Кстати, а кормить вы его планируете? — издевательски спросила Талия.

Они оба повернулись к столу. Талия избегала их взглядов, начав пить из стакана, но у этой тактики тут же нашелся очевидный минус: вечно пить она не могла, так что стакан пришлось опустить и продолжить:

— Расслабьтесь, один оранжевый я ему уже скормила.

Кстати, Грип, они вон в том ящике.

Грип сходил за тубиком с синей насадкой и попробовал содержимое. Без мороженого было вообще не то. Сталина Филантьевна лишь терпеливо рассматривала Талию сохраняя нейтральное выражение лица, пока та не заерзала и не сменила тему:

— Сталина Филантьевна, ну распечатайте нам мячик.

У Грипа в кармане щелкнул телефон.

— А ворота тебе не распечатать? — спокойно огрызнулась она в ответ.

— Должна же быть для такого статья.

— Нет такой.

— Ну пожалуйста...

Кроме «у меня есть образец, гляньте» от Марии, обнаружилось еще пропущенное от шефа: «Пиши так, чтобы если помер, следующий прочитал и продолжил работу». Грип поежился.

— Я сказала: «нет».

— Там Мария нам что-то хочет показать. — обратился Грип к Талии.

«Образец» оказался распечаткой первой картинки, который еще надо было забрать из телепорта. Мария уточняла подробности про остальные рисунки, а потом решила устроить им короткую и скучную лекцию о бедной разнообразии местной жизни. Кроме не-ящериц, тут еще водились не-кактусы и какие-то симбиотические им летающие насеко-

мые. Никому из них, при этом, не нужны были не-ящерицы, зато не-ящерицы были не дураки полакомиться и теми, и этими. Куда большим разнообразием могли похвастаться микроорганизмы, но про них Грип вообще почти ничего не понял, а от того, что понял, его только клонило в сон.

И вот уже было иссяк фонтан знаний, как в последний момент, ни с того ни с сего, Талия бросила:

— *А Мария думает, что ящерицы неразумны.*

Мария произвольно дернулась, и некоторое время глупо смотрела, как коготь ящерицы на картинке закрыл всю амёбу. Затем она развернулась, и лекция продолжилась с новой энергией:

— *Нет! Ты дипломат или кто?*

— Да провокатор она, — выразил Грип и свое осуждение.

Согласие Марии было в тот момент столь жгучим, что языкового барьера она даже не заметила.

— *Во-первых! —* яростно закивала она. — *Чтобы сразу и навсегда. Прежде всего, не смей им ничего такого ляпнуть! Они очевидно разумны, а что я имею в виду, так это то, что я не вижу, почему бы это, —* она постепенно остывала. — *У них не очень большие мозги, но, что более важно, непонятна эволюционная выгода от разумности. Их образ жизни, он не вынуждает их к сотрудничеству... да и к состязанию тоже. Ни изобретать инструменты, ни решать сложные задачи. Но они разговаривают, у них там целая своя культура, так что не могла бы я быть права, если бы утверждала*

такое. Они разумны. Я просто не знаю, как так вышло.

Грип ожидал, что следом грянет «во-вторых», но «во-вторых» куда-то потерялось. Так что он поблагодарил Марию за помощь и, на всякий случай, утащил Талию с собой.

Ираклий Космович их уже ждал:

— Здравствуйте, — произнесли они хором.

— Привет-привет, начальник, — выделил он Грипа. — Строго ты их.

— Не, ну а чего они—

— Твоя правда, раздули из мухи слона. Будто что-то страшное— ну стой, куда, не надо! Не садись ты на пол, пигалица! Сгоняй еще за стулом, или, хоть, на стол сядь.

Он переложил часть бумаг с угла, и Талия запрыгнула на стол. Грип остался стоять.

— Я и не ожидал, что ящерицы так занимательно пишут. В столбик, навстречу, хвостом туда-сюда, и идут при этом...

— Это да, — стал извиняться Ираклий Космович. — Это в учебники не вошло, потому что нас заставили их письменность впихнуть в рамки европейских типографских традиций, у которых уши торчат аж из 15 века еще. С другой стороны, представь, что мы бы это все разом на учеников вывалили, и, впридачу, вверх ногами писать заставили. Но ничего, вы разобрались же, все в порядке?

— Разобрались. Я вам новых знаков принес, — сказал Грип.

— Это хорошо, показывай... Этот я знаю, это «план» или «схема». В переносном смысле, кстати, тоже работает.

Подходит?

— Подходит, — согласился Грип с легким разочарованием.

— Еще «рисунок», «картинка», может быть. А вот этот должен быть «вода».

— Да ну, — заспорил Ираклий Космович. — Какая вода, откуда у этих ребят вода. У них и воды-то нет.

— А что тогда? — спросила Талия.

— Та-та-та... Это редкий знак. По-моему, мы так и не разобрались, что он значил. Где-то я его видел — точно, в этой!

Он глубоко закопался в свои бумажки, заблудился, попробовал по одной из каждой стопки в ближнем ряду, одну из стопки позади Талии, расцвел, зачерпнул побольше...

— Вот, например, вот!

Грип узнал сказку из учебника. Только здесь в ней было на один знак больше: > [мы] [уставший] [?№2?-в]

> [мы] [хотеть] [есть']

— Да, чего-то не подходит, — признал он. — Может это какой-то оборот? В переносном смысле?

— Все может быть. Спроси у них.

— Мы уже спросили, — сказала Талия. С Ираклием Космовичем она вела себя скромно и уважительно, словно на сегодня запас смутьянства в ней израсходовался.

— И?

— И он сказал, что он не может это объяснить, ему надо подумать.

— Он сказал, что это необъяснимо, — поправил Грип.

— Ну, пусть думает, что, — пожал плечами Ираклий Космо-

вич. — А то я не знаю.

— Ящерицы потеют? — предположил Грип.

— Потеют ли... ящерицы? Не знаю. Не помню, чтобы они писали что-нибудь такое, чтобы—

— Давайте просто спросим у Марии, — потянулась за телефоном Талия.

— А почему вы знак выкинули? Из сказки, в смысле.

— Сказки... — Ираклий Космович потянулся и улыбнулся.

— Это мило. Потому что миллионы учеников спросят у сотен тысяч учителей, что он значит, а из сотен тысяч учителей почти никому не нравится признавать, что они не знают ответа... Но саму сказку, — он опять выделил это слово. — жалко выкидывать из-за одного знака, правда же? Слишком хороша. Не то, чтобы на нем там весь смысл держится.

— Не-а, не потеют, — проинформировала их Талия после непродолжительного молчания.

— Сколько белого шума запоминаешь? — спросил вдруг Ираклий Космович.

— Два килобита, — гордо ответила Талия.

У Грипа округлились глаза, он вообще не понял, о чем речь.

— У-у-у, шпионка! Два килобита! Фигушки тебе тогда, а не бумага.

— А зачем нам обоим с бумагой ходить? Я у Грипа возьму, если что.

— И то верно.

- На том тема, вроде бы, себя исчерпала, и Грип начал новую:
— Ньют хочет учить наш язык.
- Интересно, — как-то совсем без интереса в голосе ответил Ираклий Космович. — Здорово она с именем придумала, правда же?
- И что нам делать? — спросила Талия.
- А что вы пробовали? — заинтересовался он.
- Написал ему «ПРИВЕТСТВУЮ», — признался Грип. — Он сказал, что много знаков, много звуков.
- А я написала «НІ», — в голосе Талии было нескрываемое превосходство. — Это ему больше понравилось.
- Ираклий Космович никак это не комментировал, только улыбался.
- Так что нам делать-то? — нарушил молчание Грип.
- Аккуратно поддерживать этот интерес. Научите его паре простых слов— без предложений, склонений, спряжений, без ничего; несколькими простыми словами, в одной форме. Если интерес не угаснет, там посмотрим. И не спешите.
- Мы говорим, он пишет? — уточнила Талия.
- Вы пишете, он пишет. Не думаю, что он различает нашу речь.
- Талию и Грипа захлестнула волна несогласия:
- Почему вы так говорите!
- Нет! Он различает! Я думаю...
- Ираклий Космович не дрогнул перед внезапным наступлением единого фронта.
- Ну проверьте.

И на изъятом у Грипа листе стал выписывать пары согласных: «б-п», «г-к», «з-с»...

— Вы сильно не огорчайтесь, если что. Их фонетика нашей вообще не родня... наши звуки различать им просто незачем... а возможно и нечем. Я, в общем, удивлюсь, если Ньют вдруг сможет понимать вас на слух.

— А вы не проверяли?

— Они раньше к нашим языкам интереса не проявляли.

Он завершил список набором русских гласных.

— Спасибо, — сказал Грип. — Мы проверим. Ему, кажется, правда интересно.

— Удачи. И вам, и ему. Не пытайтесь объяснить все и сразу, не отбейте интерес.

— Мы постараемся, — Талия спрыгнула со стола, и они пошли в комнату Грипа.

— Какой план?

— Да нету у меня никакого плана.

— А знаешь, меня так-то устраивает, как оно есть сейчас. Что ты ведешь, а я так, на скамейке запасных сижу. Но надо хоть немного согласовать, что мы делаем. Например, я считаю, что вообще не надо ничего про них расспрашивать.

— Не надо, — согласился Грип. — Хочет знать про нас, расскажем про нас. Вот у нас звуки, простые слова, видимо, картинки — точно. Заберешь картинки?

— Заберу. А то ты так отчет писать вообще не начнешь.

Мученический вздох сопровождал ее внезапное отбытие.

Оставшись наедине с этим безрадостным занятием, Грип залег на кровать. Чтобы как-то подступиться к неподъемному делу протоколирования безумия последних дней, он решительно сократил вообще все, предшествовавшее контакту, до скупого:

Прибыл.

и перешел, непосредственно, к разговору. Было непонятно, что представляет новизну, а что за год контактов уже сто раз описано. Было непонятно, представляют ли ценность для истории неловкости их первых столбцов, или это все можно пропустить. А особенно было непонятно, как передать все невероятные двусмысленности и непонимания их разговора, добрую часть которых он уже подзабыл и точно воспроизвести не мог. Но было и то, что никак нельзя было не рассказать (они говорили! у него из руки пил инопланетянин! знак не-воды!), и его постепенно набиралось на самое длинное в жизни Грипа сочинение.

Один раз его отвлекла Сталина Филантьевна: принесла лупу, звездочку, еще палочек и бутылку. Грип воспользовался поводом и сходил на перерыв. Потом, когда он уже правил текст, забежала Талия, показала картинки, и отвлекла на чтение справки о животных. Когда он, в конце концов, добил первый отчет, уже пора было идти за материалом для второго.

Они вышли еще раньше прежнего, солнце было над горизон-

том. Сидели себе в центре купола и скучали, пока из пустыни не принесло стаю ящериц. Захваченных этим потоком, их словно сдуло на песок любоваться стаей вблизи, а затем еще немного протащило за собой по течению вдоль стены. Так они почти и пропустили приход Ньюта, повернувшись уже на шипение шлюза. Ньют забежал внутрь, побежал к центру, но сориентировался и на второй перебежке свернул к ним. В итоге встреча так и началась с краю, у стены.

Подбежав, Ньют что-то выплюнул на песок. Грип поднял подношение: зеленое, влажное, теперь еще и в песке.

— *Кактус! Сок! Кактусовый сок!* — тоже поняла Талия. — [№2?-ый-ли?]

— [я] [думать] | [я] [показывать] — затрещал и написал в ее сторону Ньют.

Грип аккуратно поместил подарок на крышку бутылки, вызвав у Ньюта приступ необъяснимого молчаливого интереса к бутылке.

Первыми по плану шли рисунки животных. Концепцию, например, «ящерицы для масштаба» объяснили малой кровью; а вот на триединых курице-цыпленке-яйце Ньют крепко застрял. Было трудно выразить, что все трое они были единым животным, «[вышеупомянутое] | [разный-не]» почему-то не работало. Постоянно мешали отсутствие в ящерином глаголов смены состояния и какая-то недоразвитая концепция возраста. Знака для яйца тоже не нашлось, вместо него использовали просто овал — в общем, получился

форменный бардак. Только когда Грип провел линию от [животное] [новый] к [животное] [новый-не], а Ньют замкнул это яйцом, сформировав цикл против часовой стрелки, по которому можно было бегать, концепцию получилось осознать и уложить в ящериной голове.

Для разнообразия, следующим шагом Грип провел демонстрацию увеличительного стекла. Прижав лист бумагу к стене, он написал «[материал] [помогать] [видеть']», затем вернул лист на песок, и накрыл надпись сверху лупой. Ньют оптическим свойствам лупы уделил мало внимания, зато с удовольствием гонял ее сначала мордочкой, а затем и лапкой по листу.

Следующих животных взяла на себя Талия. Ньют молча тыкался носом в зайца, спокойно воспринял новость, что мухи ходят [небо-в], перевел разговор на вопрос их съедобности, а вот существование амеб его чем-то задело.

— «[животное] [малый] | [существовать-не] [польза']», — настаивал он.

Талия убрала картинку, но Ньют жаловаться не перестал:

— [я] [хотеть-не] [видеть'] [схемы']

| [я] [хотеть] [видеть'] [животные']

— Будут тебе животные, — пообещал Грип.

— Ты чего задумал?

— Не уверен. Я пока еще не до конца решил.

— И уже обещаешь!

— [ты] [правильный-ли?] — написал Ньют тем временем в

сторону Талии.

— *Я правильная?* — спросила она вслух.

— *Кто бы знал.*

— [я] | [знать-не] — написала она в ответ.

Ньют побегал кругами, успокоился, но разъяснений не дал.

— [я] [хотеть] [видеть'] [животные'] [ваши-х]

| [я] [хотеть] [видеть'] [жилище'] [ваши-х]

— [ты] [хотеть] | [идти'-ли?] [жилище'-ли?] — попытался уточнить Грип.

— [новые-не] [знать-не] | [мы'] [идти] — торопливо написал Ньют вместо ответа.

— *Прекрасно,* — сухо заметила Талия, поджав губы.

Грип пока не знал, что с этим новоприобретенным головняком делать, а потому пошел по плану дальше: показал тускло светящуюся звездочку. Ньют потыкался в нее, как и в любой другой объект.

— [я] [мочь-ли?] [держат'] | [предмет'] [солнечный]
[опасный-ли?]

— [держ-и] | [е-шь-не]

Пока Ньют наворачивал круги со звездочкой во рту, Грип массировал виски. То [держат'] могло обозначать собственность, если ящериные притяжательные вообще имели что-то общее с собственностью. Грип решил, что звездочку он, на всякий случай, оставит Ньюту.

— [горячий-не] | [истинно] — признал Ньют, когда набегался.

Они перешли к светящейся палочке, еще одному впечатляющему [горячий-не] объекту, заставившему Ньюта отложить звездочку. Было весело, но проблему чтения в темноте она решала, прямо сказать, не до конца. Оказалось, что в глаза палочка светит куда лучше, чем на надписи на песке. Прикрывать ее рукой помогало, но это было неудобно.

Вроде все показал... Грип еще раз осмотрел все принесенное, отпил из бутылки...

— [ты] [объяснять] [сок'] | [я] [понимать] [сок'] написал он, уже уверенный в том, что [№2?] — это «сок».

Ньют то ли затупил, то ли не соблаговолил ответить, так что Грип продолжил:

— [существовать] [я-в] [сок']

Быстрый взгляд, и опять ни возражений, ни согласия, ничего.

— [смотри-и] — написал Грип, закатал рукав и положил руку на песок.

Когда пот собрался в каплю и потек, Ньют запаниковал, забегал, затрещал, пилился на руку, опять бегал, и, наконец, выразил мысль на песке:

— [показыва-й-не]

— Перестань, он же нервничает, — Талия тоже переживала.

— [существовать-не] | [опасность'] — попытался написать другой рукой Грип, но Ньют вмешался, путался под рукой, а в конце просто стер начало, оставив только [опасность].

— Прекрати, — настаивала Талия, и Грип подчинился.

Он закатал рукав, а Ньют просто лег на песок и неподвижно разглядывал его, по крайней мере ту его часть, которую

видел без поднимания головы.

— Да не помру я от этого!

— Я знаю. Он — нет.

Грип поставил бутылку перед Ньютом и постучал по ней, заставив его неохотно встать и посмотреть на палец.

— [вышеупомянутое] [сочный] [неб-а] — заявил Грип.

Это привело к беготне, а затем и к отрицанию:

— [существовать-не] [сок'] [неб-а]

Грип постучал по прошлой фразе.

— [небо] [материаловый-не] — контраргументировал Ньют.

— [небо] [материаловый] — вставила свое веское слово
Талия.

— [мочь] [держатъ'] [материал'] | [мочь-ли?] [держатъ']
[небо'] — выразил обоснованные сомнения Ньют.

— Сейчас я тебе покажу, что материальное, — несколько угрожающе заявил Грип, вдохнул, согнулся над Ньютом и подул на него.

Талия тут же стала оттаскивать Грипа за костюм, а Ньют — медленно пятиться.

— Гениальный ход, потрясающее решение, — отчитывала Грипа Талия. — Ты откуда-то знаешь, что это означает в их этикете?

— [ид-и] — написал Грип и показал на их сторону купола.

— Сначала показывай, потом предлагай идти, — продолжала ругать Грипа Талия. — Представь, что он бы сейчас ушел домой, что бы ты стал делать?

— [ты] [держ-и] | [мы] [ид-и]

— О-о, здорово, теперь мы входим в «мы»! Верни-ка руку, — у нее тут же выправилось настроение.

Грип подчинился, а Ньют и вправду залез ему на рукав. После самой плавной и мягкой прогулки в жизни Грипа, Ньют был аккуратно помещен напротив струи воздуха, трогать [небо'] с достоинством, в свое удовольствие. Он сосредоточенно засовывал и высовывал голову из потока.

— Кажется, ему нравится, — прокомментировала Талия.

В ответ на эту ремарку Ньют защелкал и затрещал, в честь чего был унесен обратно.

— [я] | [понимать] — написал он, а затем выдал загадочное
— [мочь-не] [держатъ'] | [мочь] [держатъ']

Грип счел это большой победой, но уже следующий столбец стер с его лица улыбку:

— [вы] [держ-и-ли?] [польза'] | [объясн-яй] [польза'] [ваши-х]

— Ну началось опять невесть что, — пожаловался Грип.

— Напомни, что это. «Цель»? — забеспокоилась Талия.

— Нет, «назначение». «Польза.»

— В смысле, «цель»? В чем наша цель?

— Нет— почти, наоборот только. От нас польза. Для них.

— Он спрашивает, что они от нас хотят?

Ньют крутил головой, следя за тем, кто говорит. Хорошего ответа не было.

— [я] [понимать-не] [вышеупомянутое']

| [я] [держатъ-не] [польза']

— [держатъ] | [польза']

— *Хорошие новости, ребята. Все на свете существует для чего-то,* — меланхолично съязвила Талия.

— *Не забудь в следующий раз принести свою пользу,* — съязвил и Грип.

— [ты] [хотеть] [предмет'-ли?]

| [объясн-яй] [категория'] [предмет-а]

— [польза] | [предметный-не]

— [ты] [хотеть] [помогать'] [наши-х]

| [наши] [хотеть] [помогать'] [ваши']

Ньют только паялился в ответ, что могло означать что угодно.

— *Меняй тему,* — ее фраза прозвучала напряженно и тревожно.

— *Что?*

— *Просто доверься мне, ладно? Дело плохо.*

— [ты] [хотеть] [еда'-ли?] — спросил Грип.

— [наши] [держать] [еда']

— [еда] [многие-ли?]

— [еда] [многие] [наши] [многие]

| [еда] [многие-не] [наши] [многие-не]

— [ты] [хотеть-ли?] | [еда'] [многие]

— [истинно-не]

Возможно самый важный разговор вечера зашел в тупик.

— [ид-и] [держ-и] [польза'] — опять завел Ньют.

— *Пойди туда, не знаю куда // принеси то, не знаю что,* — вновь пожаловался Грип.

— *Меняй тему, сейчас же,* — Талии было не до смеха.

- [я] [понимать-не] [польза'] | [я] [показывать] [животное'] — вывел Грип, чем вызвал забег аж на три круга.
- [ты] | [правильный] — похвалил его Ньют. По крайней мере, это казалось похвалой.
- *Хорошо*, — присоединилась к похвалам и Талия.
- *Теперь мы знаем, что я — правильный. Вот как там насчет тебя — еще непонятно*, — устало отшутился Грип.
- [объясн-яй] | [правильный'] — написала Талия.
- [я] [показывать] | [ты] [вышеупомянутое-делай] — с готовностью раскрыл понятие Ньют.
- Подождал, понял, что руки не спешат ответить, и добавил:
- [вышеупомянутое] | [правильный]
- *Я скажу, что правильно, вы сделайте, как правильно, и будет правильно?* — размышляла вслух Талия.
- *Подчиняться — правильно*, — покачал головой Грип. — *Нет—*
- *Следовать правилам — правильно*, — заявила Талия.
- *—командовать — правильно.*
- [новые-не] | [правильный-ли?]
- [существовать-ли?] [новые-не'] [правильный] — ушел от ответа Ньют.
- [ты] [правильный-ли?] | [я] [правильный-ли?]
- [истинно] | [истинно]

Опять было так темно, что нельзя было не следить за хвостом и стрекотом. И вот на этом двойном [истинно], в

голове у Грипа наконец-то щелкнуло. Все было так просто. Щелк-щелк, шур-шур вбок, длинный выгнутый раскат вниз. Или вверх. Вперед, короче. В общем, Грип теперь знал, как внешний вид [истинно] определял, его звучание. Произнести бы не мог, это точно нет, но, как знать, может от других отличил бы. Хотя там есть, с чем спутать. С тем же [истинно-не].

Точно. Еще одна смена темы. Звуки!

— [ты] [хотеть-ли?] [знать'] [звуки'] [наши-х]

— [истинно] — махнул хвостом Ньют.

— [я] [показывать] [звуки]

| [показыва-й] [разный-ли?] [разный-не-ли?]

Ньют выжидал.

— «Б». «П». «Б». «П». «Б». «П».

— [разный] — заключил Ньют после непродолжительной паузы.

— «Г». «К». «Г». «К». «Г». «К».

— [разный] — махнул он.

— Не, погоди, — прервала их Талия. — Повтори за мной.
«И». «И». «И».

— «И». «И». «И».

— [разный-не] — написал по другую сторону Ньют.

— Ха! Так-то! — радостно засмеялась Талия.

Грип был более сдержан, но Ньют старался, и выходило у него все лучше. Где поначалу путался, там все больше исправлялся, но не на «з-с». «З-с» ему не давалось никак,

но разве ж это главное? Довольный, что продвинул вперед науку, Грип отложил бумажку. Но не тут-то было.

— [я] [показывать] [звук]'

| [ты] [показывать] [разный'-ли?] — распорядился Ньют, и начал свой экзамен, по треску.

Грип старался изо всех сил, понятия не имея, справляется ли он. Справедливости ради, он Ньюта тоже об успехах в известность не ставил.

— [я] [знать-ли?] [разный'-ли?] — спросил он в конце.

— [истинно] — лаконично указал Ньют.

— Значит, мы с тобой еще поговорим...

— [существовать] [вверх-в] [солнце'] [существовать] [вниз-в] [солнце']

| [существовать-не] [сюда-в] [я'] [существовать] [сюда-в] [я']

написал Ньют в два столбца разом.

— [существовать] [вверх-в] [солнце'] [существовать] [вниз-в] [солнце']

| [существовать-не] [сюда-в] [мы'] [существовать] [сюда-в] [мы'] — завершил ритуал Грип по одному столбцу за раз.

— [ид-и] [держ-и] [польза'] | [ид-и] [держ-и] [животное'] — оставил Ньют заказ на завтра и убежал.

— *Ф-фух*, — нарушила свое долгое молчание Талия. — *Что ты ему принесешь?*

... все собрать, кроме звездочки; отпить сначала из бутылки

...
— *Рыбу*, — раскрыл карты Грип.

— Рыбу? Почему?

— Это безопасно... ну, знаешь... аквариум.

— А. В этом есть смысл, я думаю.

— Чего он от нас хочет? С этой своей «целью»?

— Если бы я только знала, — ненадолго перестала одеваться Талия. — Не нравится мне это. Вот совсем. Это станет проблемой.

— Он хочет, чтобы мы помогли, но с чем?

— Как по-твоему, нужна им наша помощь? Им, вроде, и так нормально.

— Не, если нужна, я только за.

За наружной дверью их ожидал еще один сюрприз: большая, взрослая ящерица, замершая поперек пути и уставившаяся на них. Грип решил разорвать противостояние, обойдя ее: шагнул вперед и вбок, всем своим видом пытаясь донести «я тебя вижу, я хочу тебя обойти». Ящерица разрешила коллизию по-своему — проворно зарылась в песок. Они обошли это место стороной.

На станции их встречали уже не так горячо, даже не всем составом. Не было экрана с Дэном и Ли, не было Ираклия Космовича.

— Как дела, совы? — спросила Лиза.

— Нормально, в целом нормально, — ответила Талия.

— В чем дело?

— Ньют хочет знать, зачем мы тут.

— И чем можем помочь, — добавил Грип.

— *И... с чем им нужна помощь?*

— *Это и есть главный вопрос,* — вздохнула Талия. — *И рыба не подходит.*

— *Рыба?* — нахмурилась Сталина Филантьевна.

— *Да, насчет этого... Нам нужна рыба,* — обратился Грип к Марии.

— *Я– я подумаю... Хочешь принести ему рыбу?* — повторила она.

— *Да. Он хочет посмотреть настоящих животных. Начать стоит с рыбы.*

— *Непростая просьба,* — Марию что-то беспокоило.

— *В чем проблема?* — запереживала ей в тон Талия.

— *У нас... у них тут так себе планетка, рыб заводить...* — рассеянно ответила Мария. — *Ладно, я что-нибудь завтра придумаю, и, это, спасибо, что заранее сказали. Должны быть какие-то, что– э-э-м-м, а это, простите, что?*

— *Кусок кактуса. В песке. Я полагаю. И моя рука. Пожалуйста, можете это отсканировать?*

— *Этот кусок кактуса?*

— *И мою руку,* — повторил Грип. — *Ньют на ней сидел. А я его носил по куполу.*

— *Ладно, по пути объясните.*

Талия тоже составила им компанию.

Грип поместил кактус в один из контейнеров, пока Талия объясняла, что не кисть надо сканировать, а запястье. Мария медленно водила ручным сканером вдоль всей руки, но так

ничего необычного или опасного и не нашла.

В коридоре Грип тихо сказал Талии:

— Надо еще нам вдвоем обсудить—

— Слушай, давай завтра, — грубо перебила его Талия, чтобы тут же потянуть за собой за руку.

Они молча дошли до душевых, где она открыла кран и стала мыть руки. Когда Грип последовал ее примеру, она добавила, едва слышно на фоне воды:

— Я придумаю, как поговорить. И что делать.

... закрыла кран, пожелала доброй ночи и убежала.

Грип медленно вернулся в комнату. Даже просто думать и смотреть сквозь телефон было утомительно. Писать отчет в это время непривычных местных суток было бы просто— Ыть! Тихо ты, карандаш, не смей падать с тумбочки. А ну как мы тебя телефоном подопрем...

(Не)решительны

Дадут когда-нибудь скромному межцивилизационному контактеру на этой планете поспать или нет?! Сегодня его бесцеремонно ткнули под ребро пальцем, и проснулся он так стремительно, что успел заметить убегающую Талию. Телефон подождет.

Грип направился прямиком в столовую, в коридоре обменявшись приветствиями с Ираклием Космовичем. В столовой разворачивалась какая-то драматическая сцена. В центре драмы, на диване, возлежала Лиза, пустыми глазами смотря прямо на ярко светящийся потолок и всем своим видом источая мировую скорбь. Отвлекали ее от трагической праздности идущие полным ходом препирания Талии со Сталиной Филантьевной.

— *ко я ребенок, понимаете? Знакомы с такой концепцией?..* Жестикуляции Талии мешало что-то белое, многослойное и крайне дырчатое у нее под мышкой.

— ... Мне надо резвиться, играть, заниматься спортом. А не сидеть в загоне целый день... а потом на песке целую ночь.

— Ни в коем случае. Для декораций есть список, декорации разрешены.

— Список, список! Не будьте такой машиной, придумайте что-нибудь! Чем вам помочь? Пособирать что-то? Перенести?

— Я только что закончила перепланировку, ничего не надо.

— Ну позовите меня тогда, когда опять будет надо... —

Талия с каждой фразой отчаивалась все больше и больше. Грип налил себе первый стакан воды.

— Слушай, ну не знаю, — раздраженно взмахнула руками Сталина. — Раз у тебя есть костюм, можешь в следующий раз почистить панели.

— Спасибо-спасибо! Грип, пойдешь со мной?

— Я не имела в виду сейчас, они же—

Грип не стал имитировать энтузиазм:

— Талия, будь человеком. Я только проснулся, какие панели?...

— Да, конечно, напишешь, как освободишься, ладно, спасибо! — оттараторила она, убегая.

Сталина Филантьевна покачала головой и приступила к раскладыванию неиссякаемого содержимого карманов по полкам и ящикам.

Вернувшись в комнату, Грип проверил телефон. Мама звучала ободряюще. Рассказала, что записалась на все возможные экспедиции, а когда приезжает, ленится, не

готовит совсем и ест в столовой. Попросила предупредить заранее, когда соберется назад, чтобы она успела приехать и встретить. Выдала горячую местную новость — Димка Селезнев пнул штангу и сломал палец — от Грипа теперь невероятно далекую, будто из другой жизни вовсе. Сказала, что видела его выступление (видимо, из Дома Разведки), но никому не показывала. А закончила внезапным «надеюсь там тебе не скучно, наука иногда такая скучная». Грип опустил на место бровь, помотал головой и стал записывать ответ. Он снова решил до рассекречивания ничего не рассказывать по делу. Пообещал, что как вернется, они налепят пирожков с вишней; что видео, скорее всего, так себе, и хорошо, что она его не показывала; и что наукой тут ученые занимаются, а он так, помогает, чем может.

Оттуда он пошел в душ, а на пути обратно попался Талии и был загнан в шлюз, идти протирать панели.

В этот раз они пошли обходить корабль вдоль стены. Для штуковины, способной хоть сейчас махнуть на орбиту, пристыкованная сбоку шлюпка выглядела просто преступно уродливо и неказисто. Грип прямо-таки не мог дождаться, когда она перестанет закрывать обзор. И вот из-за нее показалось поле панелей, чуть ли не с еще один корабль размером. Они стояли на тонких ногах, меньше метра высотой, одинаково наклоненные чуть влево. А еще за кораблем нашелся кактус: зеленый, сочный, выше панелей, без колючек и нещадно пожеванный.

Когда Грип посмотрелся вдоволь, Талия поймала его взгляд и крутанула запястьем, извлекая словно из ниоткуда две длинные мягкие щетки. А когда подошел за одной — расстегнула слегка свой шлем-капюшон. Грип поколебался и последовал ее примеру. Горький воздух заполнил легкие с первым же вдохом, зато сразу стало заметно лучше слышно. — Как думаешь, Сталина и здесь нас слышит? — Я не знаю, правда.

Они начали медленно ходить между рядами батарей и смахивать с них то ли пыль, то ли мелкий песок. Не то, чтобы и смахнуть нечего, но вряд ли работе батарей это сильно мешало.

— У тебя будут проблемы? Если нас раскроют.

— Формально мы здесь главные, а не взрослые.

— Да? — удивился Грип.

— Ну я уж точно старше наших по званию.

— А... — задумался он. — А чего ты тогда мячик выпрашиваешь, если можешь просто приказать его распечатать?

— Не мешай мне строить отношения с людьми, — засмеялась Талия и застегнулась.

Застегнулся подышать хорошим воздухом и Грип.

— Так, давай сразу договоримся, — сказала Талия через два ряда. — Несем только если оба согласны. Признаемся, только если оба согласны.

— Давай, — согласился Грип самым серьезным тоном, на который был способен.

— Я подумала, и я готова его пронести, но только если он будет... кооперировать... сидеть смирно и ничего вытворять не будет!

Грип невольно засмотрелся ей на руку, будто она сейчас взмахнет запястьем, и между пальцами закрутится Ньют, застывший с остекленелыми глазами навывкате.

— Плохая идея, — он замотал головой. — Гоняться за ним будем по всей базе. Я тоже думал, и— Нам нужна клетка.

— Где мы возьмем клетку?

— Скажем, что он попросил ящерицу. Ящерице нужна клетка. Принесем в ней ящерицу, и поменяем.

— Гениально! — восхитилась Талия. — Так просто! Погоди, а ту? В куполе оставим?

— Мда... Бедняга, потом там ее ловить будем по всему куполу... — огорчился Грип.

— Потайной отсек?.. Под крышкой, скажем.

— Что? Нет, это тоже плохая идея.

— Так, ладно, это детали. Обдумаем потом, — воодушевилась Талия.

Они снова застегнулись.

Еще пару рядов спустя, Грип вдруг заметил ящерицу, выглядывающую с нижней стороны одной из панелей. Грип помахал ей щеткой, ящерица ему в ответ ничем не помахала. Неуверенный, что делать дальше, Грип продолжил протирать как ни в чем не бывало. Когда они приблизились, ящерица засунулась глубже и ее перестало быть видно.

- Может продать это ему как приключение? — завела разговор Талия на следующем расстегивании.
- Лучше давить на безопасность, в том числе от сложных штук, — высказал свои соображения Грип.
- Ну... да... Я о чем, мне кажется, что Ньют — подросток, ведет себя как подросток, берет нас на слабо. Это надо перевернуть. Чтобы мы были круче. Делали ему одолжение.
- Какая разница, если мы в итоге все равно сделаем по— Нет, забудь. Есть разница.
- Знаешь что, если у них есть главные ящерицы, то прошлая группа всяко говорила с ними. А Ньют, он какой-то главный подросток? Или просто подросток?
- Специально обученный дипломат, или случайный подросток, который просто хотел выучить язык?

Талия фыркнула, но из-за капюшонов Грип этого не заметил.

- Я не знаю, — продолжил он. — Для начала, это подразумевает, что у них вообще есть главные и не-главные.
- Ладно, следующий вопрос, почему взрослые неправильные?
- Не, это можно и на базе обсудить, с Ираклием Космовичем, — ответил Грип и застегнулся.

На этом разговор закончился; обратно они шли молча, вынашивая план.

На базе Грип решительно начал с неприятного: с отчета. Как и в прошлый раз, сфокусировался на походах в купол, а не на жизни на базе. Написал про главный свой пока что

вклад в науку — [сок], который и кровь, и теперь еще и «сок неба», — интерес Ньюта к животным, бесплодный пока поиск [польза']... Про дерзкий план проноса Ньюта в гости, естественно, не обмолвился ни словом, зато решил порадовать Талию и в конце приписал: «Работать тяжело, хочется иногда развлекаться. Нельзя ли как-то упростить отчетность по мячикам?».

Затем Грип зашел к Марии.

— ... но что важнее всего, эта обитает в очень горячих источниках Фаинских гор, а вы идете туда вечером, так что нам вообще не нужно замораживать с охлаждением. Знай только кидай корм и кислород—

— Я понял. Здорово, правда. А чего. Она. Такая. Страшная?

— Ты так думаешь только потому, что твой мозг так скроен — держаться подальше от хищников. В смысле, видишь эти зубы, и бессознательно понимаешь, что оно бы тебя больно цапнуло. Но это только ты. Местных ящериц-то никто не ест, так что я тебе гарантирую, они твоего мнения не разделяют.

— Эмм...

— Ну сам посуди, что плохого в том, что она хищная? Ты же не дашь ей укунить Ньюта, не так ли?

— Нет, конечно нет. Но все-таки. В этих горячих ручьях, там другой рыбы не водится?

— Водится, разумеется. Вот такую, например, они кушают... секундочку...

— Ну! Вот. Куда симпатичнее.

- *Только размером с пол-тебя,* — мягко добавила Мария. — *Добавь воду и все, куда ты такую тяжесть потащишь?*
- *А эта?*
- *Вот такая примерно, куда лучше. Получится по сути, большая бутылка.*

Грип махнул рукой и сдался.

Ираклий Космович смотрел что-то в телефоне, и Грипу не хотелось его напугать.

- Здравствуйте?
- Заходи, заходи. Решил позаниматься математикой?
- Математикой?
- Алгеброй. А то по отчетам мы два дня русским занимались, — подмигнул он. — Пора и взаправду поучиться.
- Сейчас, только про ящериный спрошу кое-что. Вот это... — он написал «[держ-и-ли?】». — Это что?
- Вопросительно-повелительное наклонение. Ничего особенного. В чистом виде у нас такое не практикуют, разве что «а не позанимался бы ты алгеброй?». Этакое, считай, «держишь, не так ли?».
- Ага, хорошо. Ладно. А можете объяснить, как понимать вот это? — Грип написал «[правильный】».
- Ну ты же сам на днях мне все правильно объяснял. Мы сначала считали, что это «хороший», а потом, когда накопились расхождения, сошлись на «правильный».
- Боюсь, мне этого мало. Мне надо лучше понять.
- Ну, их концепции и не обязаны однозначно переводиться. Но я тебе точно могу сказать, это обозначение социально

- приемлемого в их культуре. Следовать «плану», который «схема», это тоже будет «правильно». Но не только это.
- А что еще? Если что-то взял и отобрал, будешь «правильным»?
- Не думаю. Я бы выбрал «сильный», — Ираклий Космович записал «[сильный]».
- Да, я знаю... Может «правильный» быть «главным»?
- Нет, это, как минимум, слишком узко.
- Так мы ничего не поймем, — сдался Грип. — А можно мне примеров с ним? Когда они называют разное «правильным»?
- Конечно, я... — Ираклий Космович на секунду засуетился.
- Слушай, а можно я их тебе потом соберу? Это дело будет небыстрое.
- Ладно. Давайте алгебру.

Ираклий Космович объяснял Грипу, как раскрывать множители в многочлены, что было куда проще и понятнее ящериного. Даже собирать обратно было проще. На алгебру они бумагу не переводили: Ираклий Космович сочинял примеры на своем телефоне, Грип решал на своем. Часть примеров красиво сворачивалась, а часть нет, заставляя Грипа понервничать, правильно ли он решил или ошибся где. А Ираклий Космович с рассказа о многочленах как-то незаметно при этом сбился на то, что пикты и другие кельты тоже что-то в своих языках то раскрывали, то сворачивали, а потом в уэльском от этого осталась мешанина. Чтобы по достоинству оценить импровизированную лекцию, Грипу

не хватало лет еще этак десяти обучения, но все равно было интересно. И слово «пикты» было смешное.

Посреди лекции вбежала и схмурилась раздраженная Талия: — А меня чего не позвал?

Грип возразил, что не обещал, вообще-то. Пришлось ненадолго вернуться к [держ-и-ли?] и [правильный], а потом он отослал ее к Марии смотреть рыбу, благо Талия ее еще не видела.

Через несколько примеров он и сам присоединился к ним. Талия с Марией печалились перед экраном, где плавало и переливалось нечто еще более жуткое, вытянутое и нелепое. — *Что случилось? Эта еще хуже прежней.*

— *Да, так дело не пойдет,* — постановила Мария и вернула как было.

Оказалось, что они решили прикинуть, какой рыбу увидит Ньют, и вышел полный мрак. Вертикальные бутылки не подходили, чтобы смотреть с земли. Горизонтальные круглые бутылки показывали такой ужас, что и человек бы с трудом узнал в этом рыбу. Грип был против параллелепипеда с крышкой на боку, но Талия с Марией настаивали, что это пока что — лучшая идея. А когда Грипа спросили:

— *Если мы сделаем такого размера, как прикажешь рыбе в этом развернуться?*

он буркнул:

— Впритык делайте, у меня тоже жизнь не сахар.

и ушел бродить по базе в одиночку, чтобы наконец запом-

нить, где здесь что.

Дальняя сторона, за телепортами, не использовалась. Как, в общем, и половина ближней, где целые секции были заставлены загадочным оборудованием. Грип нашел комнату Талии, уставленную высокими белыми дырчатыми фигурками. Другие жилые комнаты было тяжело сопоставить с людьми. Комнату Ираклия Космовича он опознал по бумагам на прикроватном столике, а на третьем витке — комнату Марии, но уже по сидящей на кровати Марии.

В столовой он нашел все столь же траурно возлежащую Лизу.

— *Почему вы такая грустная? Что-то случилось?*

— *Не-ет,* — протянула она. — *Я не грустная. Мне просто скучно. Мне скучно, потому что мне нечего делать.*

— *А что вы делаете? Обычно.*

— *Я изучаю то, как планеты становятся... такими, какие они есть. Как историк, только для очень, астрономически медленных процессов? Откуда весь этот песок?.. Где все океаны?..*

Грипу не хватило духу сказать, что ему десять, а не пять.

— *... были ли вообще океаны? Такие вот вопросы.*

— *И что интересного на этой планете?*

— *Ничего! В том-то и дело, ничего. Есть другая планета, совсем как эта, Гамма Эхо 6, открытая давным-давно, изученная в мелочах, так вот она вообще почти во всем такая же. Без наклона оси, без времен года, без погоды, без воды, тупо огромная пустыня. Без ящериц,*

- кстати, но она и не такая старая, как Эпсилон Инди 3, так что, может, дай ей время... Это, правда, уже за пределами моей компетенции. Короче, я уже все, что могла, написала по этой планете, и количество раз, когда я начинала предложение с «как и на Гамма Эхо 6...»
- Хорошо в школе. Тебе задают вопрос, ты отвечаешь.
- Именно, а после школы нужно задавать свои вопросы. И у меня закончились вопросы.
- Может есть еще что-нибудь? Что можно изучить?
- Предполагается, что я еще изучаю другие планеты этой системы. Но они еще скучней, а, самое главное, у меня нет под такое оборудования. Я, конечно, самый близкий к ним астрофизик, но даже телескоп тут — не телескоп, а посмешище, про остальное я и не заикаюсь. В общем, я сделала, что могла.
- Можете попросить телескоп побольше?
- Могу, только они не одобряют. Дорого, да и они тоже знают, что это скучные планеты.
- Так, а что вы должны изучать?
- Я не знаю! — горько воскликнула она. — В том-то все и дело.
- Я тоже не знаю, — чуть отстранился Грип, говорил он теперь мягко. — Вы говорили своему... начальнику?
- Конечно говорила.
- ... Пробовали вообще не отправлять отчеты?
- Представь себе, сейчас это и есть моя стратегия, — ухмыльнулась она.

- Напишите длинный итоговый отчет, — предложил Грип. Соберите вместе все то, что уже отправляли.
- И завершите большой красной строчкой: — фыркнула Лиза. — «Я ВСЕ. ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ ДОМОЙ.»
- Да, вроде того.
- Эй, извини, Грип, я не хотела принижать твою идею, может быть она и не плохая вовсе. Будет скучно собирать все вместе... Но, с другой стороны, им после такого станет тяжелее отмахиваться своим «продолжайте наблюдения». Спасибо, я подумаю. И это, если что-нибудь накопаешь про ящеринные города, расскажи? — внезапно сменила тему Лиза.
- А это разве астрофизика?
- Нет. Мне просто любопытно. Должны же они где-то жить. Слушай, а если они все-таки отправят меня назад, какого специалиста ты бы хотел вместо меня?
- Я без понятия, правда, — запротестовал Грип. — Я тут всего два дня.
- Справедливо.

И она вернулась в ту же позу, в которой лежала до этого.

У себя в комнате Грип попробовал написать «[правильный]» пальцем на тонком одеяле, с нажимом, так, как это делал Ньют, рассекая песок хвостом. Одеяло было плохим заменителем песка. Макнуть ему хвост во что-нибудь? Научить писать карандашом? Проще будет самому выучить их речь— Речь! Он же забыл рассказать Ираклию Космовичу, что Ньют их понимает!

Старый лингвист новость воспринял вовсе не так, как Грипу хотелось бы. Будто он был заранее убежден, что так быть не может, и поэтому упрямылся и просил все перепроверить. А вот неразличению «сибилантов», наоборот, радовался сверх меры, хотя, казалось бы, какая мелочь. Ираклий Космович еще раз попросил не грузить Ньюта никакими предложениями, а начать просто с отдельных слов. А напоследок извинился, что еще не собрал примеры:

— Я искал по записям переговоров, а придется заново искать только по рассекреченному.

Время почти вышло. Грип пошел к Марии проверить рыбу, живую неприятную вдвойне. Бутылку они и вправду сделали впритык, от таблетки в ней поднимался струйкой пузырьков кислород. Талия похвасталась каким-то хлипким отражателем из фольги для светящихся палочек («парни сверху помогли!»). Все, теперь уж точно пора идти.

Сегодня они вышли поздно, солнце уже садилось. Они поспешили к куполу, торопливо вылезли из костюмов, прошли внутренние двери, и тут Талии на голову свалился Ньют.

Само падение Грип не застал, только успел увидеть уже висящего у нее на спине, зацепившегося за воротник Ньюта, перед тем как Талия повернулась к нему с отсутствующим, задумчивым выражением лица. Словно они писали контрольную, встретились взглядами и она сигнализала ему «подскажи!». А через секунду она завизжала и побежала

прочь.

Грип дернулся было помочь, и обнаружил у себя в руках рыбу. Так что ему ничего не оставалось, кроме как аккуратно ставить ее на стекло и смотреть, как Талия бежит прочь, а Ньют судорожно болтается и бьется ей о спину.

— Да стой ты! — закричал Грип и тут же удивился, что эти слова возымели эффект.

Освободив руки, он подбежал к остановившейся Талии, обхватил Ньюта поперек обеими руками, отцепил и быстро поставил на стекло. Ньют, ликуя, убежал на середину; а Талия пошла вбок, к стене, к баку с водой.

Костеря обоих себе под нос всеми доступными словами, Грип пошел на середину. Там Ньют уже написал:

— [существовать] [сюда-в-ли?] [мы']

| [существовать] [солнце-в-ли?] [мы']

Грип не знал, как его отругать, поэтому размашисто послал слегка дрожащей рукой:

— [держ-и] [материал'] [солнц-а] | [ид-и] [держ-и] [сюда']

Ньют убежал за звездочкой, Грип перевел дух, крупно написал «[жд-и]» и быстрым шагом направился к Талии, сидящей у стены на стекле.

— А ты чего вытворяешь? Бегаешь, орешь, — спросил он ее на подходе.

Талия подняла голову, озорно блеснула глазами.

— Изображаю нормального ребенка, — не сразу ответила она.

— Да что ж вы все такие замечательные? — вырвалось у Гrippа.

— Ты сам сказал, — переложила ответственность Талия.

— Ну и сиди тогда. Сейчас мириться придем.

Ньют ждал со звездочкой— ... Это был не Ньют! Гripp хлопал глазами и рассматривал его. Как бы мало он не смыслил в ящерицах, вчера и позавчера он хорошо его рассмотрел вблизи, а это была другая ящерица. Тоже маленькая, кажется, что еще поменьше, но другая.

— [ты] | [новый-ли?] — написал Гripp, уже посреди фразы понимая, что вопрос выходит как минимум трехсмысленным.

— [я] [новый] | [ты] [новый]

— [идти] [сюда'] [первый] | [идти] [сюда'] [второй] — настаивал Гripp.

— [вышеупомянутое] [мочь] | [идти'] [сюда']

— Чего?

Ньют невозмутимо смотрел на него, держа звездочку в зубах.

— [ты] [первый] [идти] [наши'] | [ты] [второй-ли?] [идти] [наши']

— [истинно-не]

— [ты] | [разный-ли?]

— [я] [в одного] | [я] [разный-не]

— Шкурку ты что ли сбросил? — спросил вслух Гripp.

Ньют смотрел на него так, как и всегда смотрел на звук человеческой речи.

— [ты] [разный-не-ли?] [внутри-в]
| [ты] [разный-ли?] [наружу-в]
— [истинно]

Грип слишком долго думал, и инициативу перехватил Нют.
— [существовать-не] [сюда-в] | [второй'] [ваш] — отконстатировал он.

— [вышеупомянутое] [думать] [ты'] [опасный]
— [я] [опасный-ли?] | [существовать-не] [опасность']

Грип словно взорвался:

— [существовать] [вверх-в] [ты'] [ты] [идти] [вниз']
| [вышеупомянутое] [правильный-не] [вышеупомянутое]
[опасный]... — писал он длинными столбцами до самого Ньюта.

— [вышеупомянутое] [правильный]
| [вышеупомянутое] [опасный-не] — спорил Нют, не дожидаясь конца фразы.

— [опасность] — размашисто написал Грип, передохнул и продолжил:

— [ты] [идти] [вниз'] [существовать] [вниз-в] [ты']
| [ты] [мочь-не] [идти'] [мочь] [существовать-не'] [ты']
— [я] [новый] [сильный] | [я] [мочь] [идти'] — спорил Нют.

— [существовать] [вверх-в] [ты'] [ты] [идти] [вниз'] [мы-в]
[опасный] — выдал Грип длиннющий столбец, стирая наперед другой рукой.

Нют смотрел, ждал конца мысли:

— [существовать] [вверх-в] [ты'] [ты] [идти] [вниз'] [мы-в-не]

[опасн-ее] — добил Грип второй столбец и, для более наглядной демонстрации рисков, постучал костяшками по стеклу.

Вот тут-то Ньюта наконец проняло, он аж забегал.

— Так-то. Надо же соображать хоть чуть-чуть... раз ты у нас разумный, — торжествовал Грип.

— [истинно] — признал Ньют, когда набегался.

— [ты] [идти] [вниз'] [мы-в] | [ты] [идти] [вниз'] [мы-в-не] — закрепил Грип победу разума над безрассудством, — [ты] | [знать-не]

— [истинно] — неохотно махнул хвостом Ньют, помедлил еще, — [вниз-в] [ваши-х] [опасн-ее] | [вниз-в] [наши-х] [опасн-ее-не]

— Ну! Так-то лучше. Давай, нам мириться надо. [ид-и]

— [ид-и] | [держ-и]

— Твоя очередь!.. — начал Грип еще издалека. — Скажи этому камикадзе, чтобы он больше так не убивался. Ни об нас, ни об пол.

— Слушай, помнишь, я предлагала принести—

— Ага.

— Беру свои слова обратно. Ни в коем случае. Либо в клетке, либо никак.

— Да уж. Воистину...

Грип поставил Ньюта на песок неподалеку. Тот, как всегда, крутил башкой от говорящего к говорящему, как будто бы что-то понимал.

— [ты] [опасный] — подползла и написала Талия.

— [я] | [опасный-не]

— [ид-и-не] [вниз'] [я-в]

— [я] [идти-не] [вниз'] [ваши-х]

— [правильный] — как-то фальшиво простила она его перед тем, как встать и пойти в центр.

Пока Ньют догонял ее, Грип воспользовался перерывом и забрал позабытую рыбу.

Рыба ничего не делала, просто слегка шевелила плавниками, оставаясь на месте, но Ньюта все равно впечатлила до глубины его ящериной души.

— [вышеупомянутое] [мочь] [идти] [вверх-в]

| [я] [мочь-ли?] [держат'] [вышеупомянутое'] — спросил он, наконец.

— Я не поняла, ему только потрогать или он забрать хочет? Грип пропустил вопрос мимо ушей: как не крути, рыбу этому балбесу давать было нельзя.

— [ты] [мочь-не] [держат'] | [существовать] [сок'] [неб-а]

— [мочь-не-ли?] [существовать'] [внутри-в] [я']

— [мочь-не] [существовать'] [внутри-в] [ты']

| [мочь-не] [существовать'] [наружу-в] [вышеупомянутое']

— [я] [хотеть] [держат'] [вышеупомянутое']

— [ты] [мочь-не] [держат'] [вышеупомянутое']

| [ты] [мочь] [видеть'] [вышеупомянутое']

— [я] | [понимать]

По мере выветривания восторга, Ньют становился все более и более активным. Он потыкался в стенки аквариума мордочкой, подкопался под него, поднялся передними

лапками по стенке, а потом ловко вскарабкался наверх. Рыба пыталась держаться от него подальше, что Ньюта только еще больше раззадоривало.

Грипа эти упражнения с аквариумом навели на мысль.

— [ид-и] | [я'] — написал он, и положил руку между знаками.

Когда Ньют залез на ладонь, Грип медленно перевернул ее. Ньют свалился на песок и непонимающе смотрел на руку.

— [существовать] [вниз'] [вверх-в] | [ты] [мочь] [идти'] — написал Грип.

— [жилище] [?'№3?-ый] | [ты] [?'№3?-ый-не]

Грип перерисовал знак.

— [объясн-яй] [?'№3?-ый]

— [мочь] [идти'] [?'№3?'] | [мочь-не] [идти'] [ты']

— Да «гладкий», скорее всего, — постановила Талия.

Грип положил на песок свою бутылку с водой и положил палец сверху. Когда Ньют залез на нее, Грип стал ее плавно поворачивать. Ящерица держалась, даже если бутылку поднять и перевернуть совсем.

— [материал] | [?'№3?-ый-ли?] — уточнил Грип.

— [истинно]

— [я] [идти-ли?] | [жилище-в] [солнц-а] — спросил Ньют.

Грип обвел «[жилище-в] [солнц-а]».

— [жилище-в] [сн-а] [ваши-х] — уточнил Ньют.

— Будем? ... — замолчал Грип, не уверенный, прослушивают ли их.

— В клетке, естественно, — напомнила Талия с ноткой

жутковатой мстительности в голосе, — так, чтоб и пальца не высунуть.

Грип согласно закивал. Ньют, конечно, классно придумал со своей выходкой. Очень великодушно было с его стороны выкинуть это заранее, а не на корабле.

— Пусть просто посмотрит, никакого взаимодействия, никаких выходов, принесли, унесли и все, — продолжала Талия. — И если это не то, на что он рассчитывает, то тем хуже для него.

— Скучно. Наверняка он захочет не только посмотреть, — сухо заметил Грип.

— Не моя проблема. Объясни ему теперь доступно, как ты умеешь.

— [ты] [хотеть-ли?] [видеть'] [животное'] [наши-х] [разный-не] [ты']

— [истинно] — Ньют «приплясывал», готовый пуститься наворачивать круги.

— [ты] [хотеть] [идти] [наши']
| [мы] [думать] [ты'] [опасный]

Ньют даже не спорил.

— [существовать] [вверх-в] [солнце'] [существовать] [вниз-в] [солнце']

| [мы] [идти] [держат] [животное'] [разный-не] [ты']

Ньют не удержался и сделал кружок прежде, чем похвалить:

— [ты] | [правильный]

— [ты] [правильный] [существовать] [сюда-в] [животное'] [ты] [идти] [наши']

Ньют ушел на второй круг, но Грип еще не закончил:

— [ты] [правильный-не] [ты] [идти-не] [наши'] [животное]
[идти] [наши']

— Доступно, — похвалила его Талия.

— [я] | [правильный] — то ли пообещал, то ли напомнил Ньют.

— [ты] [опасный] [ты] [идти] [ваши']
| [ты] [опасный-не] [ты] [идти] [наши']

— [я] [правильный]
| [я] [опасный-не] — ответил Ньют.

— [мы] [хотеть] [ты] [идти] [ты] [идти]
| [мы] [хотеть-не] [ты] [идти-не] [ты] [идти-не] — вступила в разговор Талия.

Грип протянул было руку, чтобы дописать пропущенные антештрихи, но решил вместо этого стереть по два дублирующихся знака из каждого столбца.

— [я] | [понимать] — заверял их Ньют.

— Довольна? — спросил Грип.

— Насколько это возможно, — неохотно ответила она. — Мне нравится, что он говорит, у меня просто... проблемы с доверием.

Грип медлил, подбирая слова.

— [мы] [идти] [держат] | [животное'] [внутри] [предмет-а]
— [истинно]

— Почему ты... — схмурился Грип, затем проследил за взглядом Ньюта до рыбы.

— [существовать] [многие] [жилище-в] [наши-х] [предметы']

[сложный]

| [существовать] [внутри-в] [предмет-а] [существовать-не]
[наружу-в] [ты'] — написал он длинное и синтаксически
сомнительное объяснение.

— [существовать] [предмет-в] [я'] | [существовать] [жилище-в]
[предмет'] — то ли согласился, то ли уточнил написание
Ньют.

— [существовать] [внутри-в] [ты']

| [существовать] [наружу-в] [предметы'] [сложный]

Грип не придумал, как выровнять столбцы.

— [я] | [понимать]

Талия постучала по «мы не хотим, ты не идешь». Ньют взмахнул хвостом над «я понимаю».

— Надеюсь, все все поняли.

— Я тоже надеюсь.

Пока Талия устанавливала свой осветитель, Грип взял перерыв на попить. Остаток вечера они просидели за преподаванием Ньюту английского. Оказалось, что очень важно подобрать правильные слова. Легко и просто, когда ты всего-то и знаешь слов, что «wait» («жди» / [жд-и]) и «go» («иди» / [ид-и]), а потом добавляется «no» («нет», [истинно-не]), и все, и пошла путаница. Фразы вроде «I go» («я иду» / [я] [идти]) Ньюту давались легко, а от случайно брошенного «no you» («нет, ты») у него совсем заклинивало мозг. Переживать, что он подслушает их разговоры, было точно рано.

В какой-то момент Ньют внезапно инициировал ритуал

прощания и убежал со звездочкой, никаких требований не выдвигая и языкам в ответ не уча. Засобирались и Грип и Талией.

— Итак? — задал Грип самый важный вопрос.

— Я пока колеблюсь. Но давай готовиться. Кто знает, что еще он выкинет... Хоть бы про пользу сегодня ничего не спрашивал.

— Хорошо, — Грипу было беспокойно.

— Если мы приносим ящерицу, — осторожно начал он, борясь с рукавом, — то еще надо что-то придумать насчет еды и воды—

— Что? Да, конечно, надо.

— Ладно. Я просто подумал...

Грипу что-то не нравилось в этой части плана, да и не только в этой, раз уж на то пошло, но он не до конца сформулировал что, а уже надо было застегиваться.

Пока они шли обратно, Грипу все казалось, что вокруг них, в темноте, сбоку, ходят ящерицы и смотрят на них. Свет от палочки в руке у Талии не помогал, шума он сквозь скафандр тем более не слышал. А может и не было ящериц. Вот вчера точно была, а сегодня — не точно.

На базе Талия первым делом побежала к себе, поставить рыбу на заранее выделенное место, а Грип направился в столовую один. Сегодня там были только Мария и Сталина Филантьевна — то ли потому что интерес спал, то ли потому

что они сегодня пришли поздно.

— *Привет!* — отложили они телефоны. — *Что нового?*

— *На завтра хотим ящерицу, какую-нибудь похожую на них.*

— *Я этого ожидала,* — ответила Мария.

— *Ожидали?*

— *Да, что вы рано или поздно попросите. Да, так что... я уже знаю, какую печатать.*

— *Нет, ну это только логично, что из всех наших животных Ньюту будут интереснее всех те, что похожи на него, рассуждала Сталина Филантьевна. — Только я была бы очень рада, если бы это оказался последний заказ на пути превращения нашей станции в зоосад. Кому-то придется заботиться об этой ящерице.*

— *Я буду,* — заверил ее Грип. — *А Талия возьмет себе рыбу.*

— *Ну ладно,* — смягчилась она. — *Заведем второе животное.*

— *Нам потребуется большая клетка,* — добавил Грип. *И рыбке бы аквариум побольше.*

— *Да,* — ответила из глубины раздумий Мария. — *Завтра что-нибудь придумаем.*

— *Я помогу с клеткой,* — возникла из ниоткуда Талия. — *Ящерицы сбрасывают кожу?*

— *Да, солнышко, все время, как и ты,* — рассеянно ответила Мария.

— *Я?* — Талия подняла и рассматривала свои руки. — *Фу.*

— *У них отваливаются чешуйки, да, я бы даже сказала, обильно. Но вряд ли ты это имела в виду. Не жди, что*

- они оставляют тебе на память кокон в форме ящерицы, — пробудилась от раздумий Мария. — И да, они — не ящерицы. А почему ты спрашиваешь? Ньют линял?*
- Нет, я просто... когда сегодня его увидел, он выглядел иначе, не как вчера, — ответил за нее Грип.*
- Иначе, в смысле?*
- Тела, — махнул рукой Грип.*
- Хм. Он же еще молод, не так ли? Извини. Без понятия.*
- Сегодня Ньют и по моему костюму лазал, — восторженно сменила тему Талия.*
- Здорово, кажется, вам там весело, — отмахнулась Сталина Филантьевна. — Уже поздно, ребят, вы бы не задерживались. Грип, я зайду к тебе через пять минут.*
- Это еще зачем? — мгновенно насторожился он.*
- В смысле? Точка сохранения. Три дня уже прошло, вот как время летит.*
- Какая еще точка? — не понял Грип.*
- Сохранения.*
- Сталина Филантьевна смотрела на него выжидающе, так что он повернулся к Талии за поддержкой. Только вот напарница таращилась на него с таким удивлением, словно про точки сохранения было написано еще на первой странице учебника молодого разведчика. А может и было, да только Грипу не дали прочитать ни одной.
- Мы будем сканировать тебя раз в три дня, — пояснила Сталина Филантьевна. — Чтобы если вдруг что случилось, могли тебя заново распечатать.*

- Но вы и так можете нас заново распечатать.
- И в курс дела вводить тоже заново? У нас тут дипломатическая миссия вообще-то, еще не хватало, чтобы ты забыл из нее три дня— нет, всю. Ты теперь — носитель уникального, ценного опыта, экспертизы, которую нам терять нельзя.
- Почему тогда не делать это каждый день?
- Потому что парализатор— — Сталина глядела на Марию, ждала, что она продолжит.
- Твой организм тебе за такое спасибо не скажет, — не стала вдаваться в подробности Мария. — Три — это и так чаще некуда, лучше бы еще реже.

Талия уже ушла, а Грип все еще обдумывал новую информацию.

- Может мне тогда пойти в телепорт лечь?
- Не, не надо, я отнесу, мне нетрудно. Просто иди в комнату и готовься ко сну. Как будешь готов, я вколю тебе парализатор, а завтра проснешься и опять за работу, будто ничего и не было. Хорошо?
- Э-э, ладно. Как скажете.

У себя в комнате Грип разложил все по местам, проверил телефон. Спать от таких разговоров почему-то расхотелось. Зашла Сталина Филантьевна со шприцем:

— Готов?

Грип пожал плечами и лег. Закрыв глаза, тут же открыл их обратно. Сталина Филантьевна присела рядом, сделала укол

в руку. Тело тотчас перестало его слушаться...

(Не)управляемы

... и впервые за все пребывание на Эпсилон Инди 3, Грипу приснился сон. Деревяшко, какой-то рассеянный и уставший, нервно улыбнулся ему и заявил:

— Хорошая новость в том, Грип Авдотьевич, что ты у нас теперь бессмертный.

Его лицо улетело прочь по дикой, неестественной траектории, а голос глухо продолжил:

— Плохая новость в том, что если вздумаешь каждую неделю помирать, весь остаток времени проведешь, заполняя отчеты. *Антифриз, адреналин, мельница.*

Воображение наделило шефа каким-то очень милым, даже очаровательно дурацким акцентом. Ни федералы, ни кулаки — так вообще никто не разговаривал.

— *Я не буду администрировать мельницу!* — возразил женский голос.

Грип потерял к этому жутковато-глупому сну всякий

интерес, и сон послушно замер, не мешая ему сосредоточиться на действительно интересном: мельницах. А потом он вспомнил то видео. Доисторическое устройство — да что там, целый дом, там одни лопасти с пару этажей. Было в радикальной простоте мельницы что-то монументально элегантно: есть ветер — крутится; нет ветра — ну извините, не сегодня...

И тут, напряженная и сосредоточенная, над ним склонилась Сталина Филантьевна со шприцем наготове, и заглянула ему в глаз. Грип зажмурился как раз вовремя, чтобы остановить кошмар в зародыше. Надо чуть-чуть проснуться, чтобы чуть-чуть подняться, перевалиться на бок и смотреть там уже другой сон, получше. Сердце замолотило, как бешеное. Грип упрасивал свой организм: соберись, приподнимись и упали обратно, а его настоящее тело будто издевалось, игнорировало его мольбы, только закружилась голова. Как будто не было— нет.

Нет. Грип открыл глаза, сознание вдруг резко прояснилось. Не было никакой Сталины, но она была, настоящая, как и его тело, и бешеный пульс и жесткое дно телепорта. Нет, это дно никуда не плыло, он сам плыл, в смысле, это ощущение вообще не было подкреплено никаким движением. Словно он забрался мельнице на лопасть, а их возьми, да раскрути порывом ветра, только вот сколько его не уносило вправо, его так и не унесло, и ни то, что не перевернуло — ничуть не подняло. Однако это никак не мешало телу бороться с

вращением. Он упал бы и укатился, но он уже лежал.

— Скоро станет легче, — опять появился Деревяшко. — Примерно все, за вычетом ходить.

«Ходить?» Всю жизнь мысли приходили в голову Грипу по одиночке, а тут завалились впятером веселой гурьбой:

— Ходить, ага, да я даже двинуться не могу.

— Меня тащит вправо, а что там?

— Это был не сон.

— Как карусель, но я в сознании только в одном месте.

— Что случилось?

Теперь они сожительствова­ли в его голове новым, замысловатым образом, не очень подходящим для размышлений о чем-то одном за раз.

— Живой там? — требовательно спросил Деревяшко.

— Да, — пролепетал Грип и понял, что все-таки может шевелиться. Просто очень, очень не хочет.

— Слушай меня внимательно, Грип. Время уходит. Ты умер, скорее всего убит. Отвечай первое, что приходит в голову. Кто это сделал?

— Чего? — только и смог выдавить из себя Грип.

— Я назначаю тебя следователем по делу о твоём убийстве. Кто здесь хотел тебя убить?

— Зачем? — Грип ухватился за одну очевидно важную мысль. — Если я бессмертный?

— Соберись. Ты кого-нибудь подозреваешь?

— Не знаю.

— Так, ладно, мы пытались, — он опять пропал. — Куда у вас тут можно, э...

Не полчаса, как казалось тогда, а всего лишь пару минут спустя Сталина Филантьевна уложила его на диван в столовой и ретировалась. Дмитро Иванович сел рядом на пол и облокотился на диван.

— Ты не смотри, что ты бессмертный, — просвещал он. — Бессмертных тоже вполне себе убивают: чтобы не сделали чего не надо, например не рассказали, чего не надо...

— И чего я такого делал?

— Ты? Ты, вроде, просто спал.

Грип закрыл лицо руками, чтобы сдержать истерический смешок.

— Хватит. Пожалуйста. Расскажите нормально. Когда я умер. Как я умер.

— Предварительно: тебя отравили. Через день после точки сохранения, на следующую ночь, тебе спlohело. Ты проснулся, пошел куда-то по коридору, бредил. Потом тебе стало еще хуже, Мария пыталась тебя спасти, но не смогла, и мы напечатали тебя заново.

— Что я делал этот день?

Деревяшко заерзал, потом начал читать:

— На этот раз мы принесли Ньюту рыбу. Особенную, обитающую в горячих ручьях—

— Нет, погодите, — заворочался и завозражал Грип. — Это

я помню.

— Как писал это?

— Стоп, нет... как делал.

— То есть ты пишешь их на следующий день, — Дмитро Иванович не скрывал легкого разочарования.

— Так поздно уже, — отвечал Грип из глубины раздумий обрывочными фразами. — Когда приходим. Совсем уже ночь...

— Ну вот теперь и расхлебывай, — беззлобно ответил Деревяшко.

— И как положено... расхлебывать?

— Вызывай всех по одному и расспрашивай, ищи нестыковки—

— Нет... — остановил его Грип и задумался.

— Нет? — поднял брови Деревяшко.

— Так не пойдет, — формулировал Грип. — Мне с ними еще дальше работать. Можно всех сразу позвать и нормально поговорить?

— Можно, если нужно, ты у нас сле— нет, нельзя, — передумал Деревяшко. — Талии нет.

— В смысле, нет?

— Ушла в это ваше, место встречи.

— Давно? Сколько вообще времени?

— Почти час назад, — сверился со своими блестящими часами Деревяшко. — Сказала, что смерть-смертью, а у нее дипмиссия и назначено на закат. Вернуть?

Грип задумался и замотал головой, что в его состоянии было

шагом крайне легкомысленным.

— ... нет, нет. Пусть работает.

— Подозреваешь ее?

— Талию?... Нет. Ерунда. Зачем ей меня убивать? Еще и травить. Такая убьет, вы бы меня вообще не нашли.

— Так-то оно так, — заулыбался чему-то Деревяшко. — Но это оно для всех так.

— Да тут вообще каждый меня сможет остановить, — пробормотал Грип. — если захочет, просто силой... Мария, значит? Если яд.

— Мария бы лучше отравила. Есть идеи, зачем заставлять тебя сначала мучиться полдня? И спасти, чтобы потом не спасти. Садизм какой-то...

— Время потянуть? Чтобы Талия без меня пошла?

— Комбинируешь? Это хорошо, но зачем тянуть время, когда можно попозже отравить? Зачем рано ночью?

— Что тут делает Лиза? — спросил Грип после долгого молчания.

— Официально? Она астрофизик. На самом деле? Я тоже пока не знаю. Или ты знаешь?

— Нет. Думаете, она тоже шпионка?

Деревяшко хохотнул.

— Она — точно шпионка. Все мы тут — шпионы.

— Сталина Филантьевна?

— Сталина Филантьевна — вообще открыто и официально.

— Что она делает?

- Как бы тебе сказать?... Охранник она. За безопасность отвечает.
- А Ираклий Космович?
- Вот Ираклий Космович, как раз, в первую очередь — ученый, да и во вторую — тоже. Может, случись чего, он ничего и не предпримет, но в отчете нам напишет обязательно.
- А почему я — следователь? Вы же — мой начальник, и вы здесь...
- Во-первых, согласно уставу, убийство при исполнении, при наличии к тому возможности, расследует жертва.
- Но почему?
- Ты можешь что-то важное знать или подозревать—
- Я единственный здесь не помню тот день!... Ту ночь—
- в отличие от меня, я тут вообще никогда не был. А еще ты — единственный здесь вне подозрений—
- А чего это я вне подозрений?
- ... Продолжай.
- Я в смысле, что, мог я... — начал неуверенно Грип. — узнать что-то такое, чего не хотел бы, чтобы узнали другие...
- ... и так тебя это грызло, так спать мешало, что ты втайне от всех изобрел новый нейротоксин, и отравился, просто, чтобы забыть. А так как в фармакологии ты ничего не смыслишь, то и яд получился хреновый, — явно несерьезно отнесся к этой версии Деревяшко. — Нет уж, не отвертись. Ты помер, ты и расследуй. А во-вторых, я

— не я, а копия моя, и она тебе не начальник.

Грип вопросительно щурился на него.

— Это на случай, если я и я-настоящий отдадим тебе разные приказы.

Грип зажмурился, перегруженный информацией.

— Давайте тогда собирать их всех... кроме Талии. Я буду пытаться понять, что вообще произошло. А вы следите за их реакцией и нестыковками.

— Давай, — согласился Дмитро Иванович и потянулся за телефоном.

Сталина Филантьевна зашла первой и заняла позицию у двери. Кажется, она не спала всю ночь, но по сравнению с Марией выглядела свежачком. Та была опустошенной, едва функционировавшей, изо всех сил старавшейся не уснуть. Лиза и Ираклий Космович на ее фоне были просто немного не в своей тарелке.

— *Я не хочу говорить с вами по раздельности,* — заявил Грип. — *Нам еще вместе работать. Поэтому, давайте поговорим, как нормальные люди. Что я пропустил?*

Передний ряд обменялся взглядами.

— *Я нашла тебя в коридоре*— — начала Сталина Филантьевна.

— *Нет,* — запротестовал Грип. — *До этого.*

— *Я принесла тебя обратно после сканирования,* — начала она рассказ заново. — *Утром ты встал позднее обычного, походил по базе, отправился к Ираклию Космовичу...*

— Кто-нибудь меня видел? До этого.

— Я, вроде, — ответила Лиза. — Здесь, ты забегал заправиться.

— С Талией?

— Нет, она была со мной, проектировала клетку, — медленно ответила Мария. — По-моему, вы встретились уже у Ираклия.

— Что мы там делали?

— Ты просил примеры употребления графемы «правильный», так что я подобрал тебе несколько, — ответил Ираклий Космович в темпе Марии.

— Где они?

— Не знаю, — ответил он, после паузы. — Ты их унес.

— Пожалуйста, принесите мне их.

— Бумаги с твоего столика? — уточнила Сталина Филантьевна.

— Да. Пожалуйста.

Никто не сказал ни слова, пока она не вернулась.

— У тебя была теория, что «правильный» означает «править», — нервно отчитался Ираклий Космович. — Мне она кажется неубедительной.

Грип молча изучал листы. Один, почти полностью исписанный рукой Ираклия Космовича, он видел впервые:

«[помогать] [правильный] | [совместный] [правильный]»

«[хотеть-не] [правильный-не] | [схемовый-не] [правильный-не]»

«[мудрый] [правильный] [сильный] [правильный] |
[сильный-не] [мудрый-не] [мочь] [правильный']»

«[мы] [правильный] | [наши] [правильный-не] (рукой
Ираклия Космовича: к. св.)»

«[мочь] [существовать'-ли?] [мыслимый] (рукой Грипа:
мыслимый)» | [мудрый] [твой] [правильный]" (что-то
начеркано поверх)

«[природа] [желанный] [твой] | [вышеупомянутое]
[правильный] [правильн-ее]»

«[мозг] [старый] [правильный-ли?] | [существовать-ли?]
[польза'] [старых]»

«[мозг] [старый] [сильный-не] | [мозг] [старый] [мудрый]»

«[истинно] | [правильный-ли?]» «[мы] [знать-не] | [держат]
[выбор']» «[вышеупомянутое] [правильный]» | [желанный]
[правильный]"

«[мы] [показывать-не] | [вышеупомянутое] [правильный]»

«[ликовать] [опасность'] [правильный-ли?] | [мочь-не]
[ликовать-не'] [правильн-ого']»

«[правильный] | [опасн-ее]?» «[опасн-ее] | [интересн-ее]»

Примеры были сложными, но Грип не закапывался в
нюансы.

Внизу листа были еще две заметки:

«[?№4?] — сломаться?»

«[схемовый-не-ли?] — так не пиш., но поним.»

Грип отложил лист.

— *Да, я поделился с ним примерами, — заспорил, защищаясь, Ираклий Космович, не в силах вынести молчания. — Но там никакого контекста, и вся эта секретность вокруг протоколов — это бред, как он есть, когда словари составлены по тому же микроскопическому корпусу.*

Но никто его ни в чем не обвинял.

— *А потом?* — спросил Грип.

— *Потом мы коротко обсудили последствия фонетической несовместимости... и вряд ли это все имеет отношение к нашей теме обсуждения. А потом ты ушел...*

— *В лабораторию, — простонала Мария, приоткрыв глаза. — Опротестовать мой объективно оптимальный выбор ящерицы для местных условий, а еще поспорить с Талией насчет портативности клетки... Потом убежал... обратно? — очень засомневалась она.*

— *Да, он вернулся учить алгебру, — продолжил Ираклий Космович. — ... что, скорее всего, еще менее важно, — завершил он после долгой паузы. — А потом ушел к себе в комнату, писать отчет.*

— *Нет, он еще раз заходил... немногим позже, — вспоминала Мария. — Талия его отогнала.*

— Она что? — Грип не понял слово.

— ... сказала, что мы сами справимся... вроде того, Она весь день торчала у меня, «помогала», — Мария старалась двигаться поменьше, но тут не пожалела сил поднять руки и изобразить пальцами кавычки. — Я ее даже в какой-то момент, примерно тогда же, выгнала собрать образцы кактусов, просто чтобы отдохнуть от нее немного.

— Собрать что, еще раз? — переспросил Деревяшко со своим очаровательным акцентом, который все еще резал всем ухо.

— Местная флора, ящерицы ее жрут. У нас прямо за базой есть один.

— Чтобы что?

— Сравнить с тем, который мне Грип как-то принес.

История исчерпала себя, повисло неловкое молчание. Мария полезла за телефоном, тут же проверил свой и Дмитро Иванович. Минуту она что-то читала, затем бросила, сцедив:

— Вот какой первокурсник так пишет?

— Итак! Мы установили, что ты еще раз заходил в лабораторию, и мы знаем, что ты написал отчет, — напомнил собравшимся Дмитро Иванович. — А дальше?..

— Не поверите, еще один визит в лабораторию, — устало улыбнулась Мария. — Но там уже обсуждать было нечего, взяли и понесли с Талией. В купол, почти сразу, так что там дальше ее и расспрашивай.

- Со мной было что-то не так? Когда я вернулся.
- Нет, ты был вполне себе в норме, очень восторженный по поводу какой-то там звездочки, — ответила Лиза. — Уж извини, совершенно не припоминаю, почему.
- Я помню, — вступила Сталина Филантьевна. — Ньют принес вам звездочку, которую вы ему недавно подарили, и спросил, почему она не светит. Ты объяснил, что она не сломана, ее просто нужно зарядить солнечным светом, и он решил ее оставить в куполе. Заряжаться. Не спрашивай только, почему это так важно. Мы долго не засиживались, ты вскоре ушел. Еще раз, по порядку: ты возвращаешься из купола, заносишь ящерицу, возвращаешься сюда, рассказываешь эту историю, посещаешь уборную и идешь спать.

История снова заглохла, будто никто не решался продолжить. Головокружение отступало, а вместе с ним и ясность ума. Грип решил сесть, что обернулось для него тяжелой борьбой со своим телом, но зато теперь он нормально всех видел. Дмитро Иванович сел на противоположный конец дивана.

- И? — спросил Грип.
- Сталина первой тебя нашла, — ответила Мария.
- Я услышала, как ты грохнулся в коридоре, — подтвердила Сталина Филантьевна. — Кажется, ты встал, вышел из комнаты, но далеко не ушел. Я нашла тебя ничком на полу, метрах в десяти? И, эм, ты спятил, Грип. Бездумно

повторял что-то вроде «он есть он есть», но когда я попыталась поставить тебя на ноги и поговорить, ты стал кричать и начал драться.

— Драться — это громко сказано, — горько усмехнулась Мария. — Скорее яростно защищался от всего, что шевелилось или издавало звуки... не заморачиваясь при этом тем, чтобы стоять или сидеть. Выглядело это все хреновей некуда, Талия сбежала, как только тебя увидела. Я думала, что у тебя нервный срыв или что-то такое. Надо еще раз напомнить, я не медик.

— А мне надо тебя предупредить, Грип, что когда ты увидишь отчет о вскрытии, причиной смерти там, скорее всего, будет травма шейного отдела, — говорила Сталина Филантьевна, глядя Грипу прямо в глаза. — Потому что часы спустя, когда твое состояние совсем ухудшилось, я свернула тебе шею.

Грип сжался и непроизвольно сглотнул.

— Ты пойми, Грип, — бубнила Мария своим уставшим голосом. — Тебе сначала вроде стало лучше, а потом, резко, гораздо хуже. Когда мы тебя просканировали, стало ясно... твоя нейроиммунная система боролась сильно, так сильно, что убивала тебя. И, к тому моменту, даже если бы мы смогли ее остановить, остались бы последствия, длительные. Было безопаснее тебя просто откатить.

— Убить, — поправил ее Грип, глядя в глаза Сталине.

— Убить, — спокойно кивнула она.

- *И распечатать здорового тебя из прошлой ночи.* — завершила Лиза, слегка сбивая послевкуские конфронтации.
- *И вы считаете, что этот нейротоксин—* — начал вопрос Деревяшко.
- *Я же говорила, это вообще не ваши любимые нейротоксины,* — сорвалась на него Мария. — *Не годится эта дрянь людей убивать! Я даже не ручаюсь, что она смертельна для всех. Не верите? Фиг с вами, ждите отчет из вашей лаборатории.*
- *Он задерживается,* — быстро сдался Деревяшко. — *И я понимаю. Итак, это... неизвестное вещество. Безо всяких медицинских терминов, как им можно отравиться?*
- *В первую очередь, надо войти с ним в контакт.*
- *Просто коснуться?*
- *Лучше внутрь засунуть, съесть, например. Насчет этой части я еще не уверена.*
- *И как долго это длится?* — спросил Грип.
- *Пока не... прости?*
- *Как долго оно может лежать где-то... и все еще работать потом?*
- *Я не знаю,* — Мария не была готова к вопросу. — *Без понятия, что там у него со сроком годности.*
- *А как долго я могу... носить его, перед тем, как оно начнет меня убивать?*
- *Так это же, в общем-то, тот же вопрос. Оно может быть на коже, без твоего ведома, а потом оно до тебя доберется.*

— Оно что?

— Мы вообще не знаем. Оно может вообще на тебя никак не воздействовать, если не считать иммунной реакции... Знаешь, когда касаешься чего-то горячего, а потом руку уже и под воду сунул, а тело все равно защищается, хотя угрозы уже нет? Забудь, плохой пример, я в смысле, основная угроза была от твоих же защитных механизмов, которые слишком сильно реагируют и готовы на все, даже тебя прикончить.

— Как аллергия?

— Нет, не— да, — передумала посреди фразы Мария. — У мозга аллергия.

— И что, каждый...

— ... страдает такой аллергией? Может ты один из таких немногих, может каждый, может что-то среднее. Мы не знаем, но это легко проверить, дай им только время.

— Ответьте мне вот на что, — начал формулировать Грип. — Мы нашли что-то, что способно нас всех убить, или часть из нас, мы не знаем. Оно может быть где угодно, может сейчас быть у меня в ухе, и если я... повернусь неловко, я еще раз умру?

— Эй, не гони коней, — безучастно ответила Мария. — Мы тебя только-только распечатали, ты где в него уже опять вляпался?

— Но если оно здесь, на станции, разве мы от него все не умрем?

Взрослые не разделяли Грипов алармизм.

— У нас пока только один случай... ты, — неохотно ответила Мария. — Нет, если мы все от него начнемдохнуть как мухи, у нас будет небольшая проблемка. Но оно не заразное... не вирус, — переформулировала она, увидев, как Грип схмурился, — Даже если оно распространяется, больше его не становится. Короче, до второго случая, я бы об этом сильно не переживала.

— А если мы заразимся все разом?

— Есть протокол перезаселения станции, — ответила Сталина Филантьевна. — Если ты это имел в виду.

Грип умолк и задумался.

— А что насчет Дэна и Ли?

— А что насчет них? — повернулся и переспросил Деревяшко.

— Могли они, эм, спуститься... так, чтобы мы не знали— Лиза рассмеялась в полный голос, остальных это тоже разве-селило.

— Что?

— Если ты намекаешь, что они могли спуститься и убить тебя, можешь перестать об этом переживать, — покачала головой Сталина Филантьевна.

— Тебе бы и в голову не пришло спросить, если бы ты слышал звук шлюпок, — объяснил Ираклий Космович. — Они и мертвого подымут.

— Меня напечатали на орбите и спустили сюда, — вступил Дмитро Иванович, — И да, это было громко, и эту идею можно смело отбросить.

— Это нормально...?

— Я тут пока еще ничего нормального не видел, — попытался разрядить обстановку Дмитро Иванович, видя, как Грип застрял.

— Что нормально, Грип? — терпеливо спросила Мария.

— Это типично, иметь смертельную аллергию на что-то новое?

— ... на передовой планете, в смысле? Ну, да и нет. Да, для свежееоткрытой планеты, это вообще неудивительно. Для такой, где уже год живут— и хотя мы очень стеснены в исследованиях, нам даже экспедиции ни одной не одобрили, все такое —но люди наружу ходят каждый день, больше года. И все было нормально.

— Но это не объясняет, как я это подхватил.

— Именно.

— ... Но мне нужны ответы. Как я это подхватил?

— Без идей. Можешь попробовать повторить вчерашний день: трогать все, до чего дотягиваешься, облизывать пальцы, закусить кактусом, побегать по планете без костюма—

Грип не видел в этом ничего смешного.

— —и еще руки не мой, когда вернешься, чтобы наверняка.

— Кактусом? Кусок, который я принес вчера— ... несколько дней назад—?

— Нет, не может быть. Я его сканировала, помнишь? Кактусы, мухи, ящерицы, никто из них не содержит и не вырабатывает та—

— *Ящерицы?* — Грип повысил голос и вытаращился на нее.

— *Постойте, вы...?*

Мария глубоко вздохнула.

— *Мы просканировали одну ящерицу, было дело, —* неохотно признала она. — *Поймали ее, заморозили, отсканировали, отпустили. В наше оправдание, мы тогда еще не знали, что они могут быть разумными.*

— *Могут быть?* — эхом повторил Грип.

— *О-ох, —* простонала Мария, и взяла паузу, чтобы собраться. — *Да. У нас нет никаких причин полагать, что ящерица, которую мы изловили, была разумной. И ящерицы никогда нам этот инцидент не припоминали.*

Молчание было напряженным. Дмитро Иванович всем видом выказывал неодобрение разведенного на отдельно взятой станции бардака. Ираклий Космович слушал внимательно и грустно; Лиза рассматривала стену; Сталина приняла свою наблюдающе-выжидающую позу, как тогда, когда Талия выпендривалась; а Мария выглядела так, будто перестала заботиться вообще о чем бы то ни было.

— *Не переживайте вы так за свои секреты, —* заявил ей Грип. — *Если не хотите, чтобы я их знал, Сталина Филантьевна всегда может сломать мне шею еще раз.*

— *Грип!* — поднял голос Деревяшко.

Лиза замерла, Ираклий Космович неодобрительно качал головой, Мария разглядывала Грипа с отвращением и возмущением, а Сталина Филантьевна бросила на него лишь

короткий обиженный взгляд. Видать, не так ей и нравилось сворачивать детям шеи.

— ... *извините*, — обратился к ней Грип. Она не удостоила его взглядом.

— *Я не хочу возвращаться в свою комнату*, — заявил Грип.
— *Вдруг я опять это подхвачу.*

— *Мне ее зачистить?* — Сталина Филантьевна вновь смотрела ему в глаза, как ни в чем не бывало.

— *Нет!* — горячо возразил Грип. — *Можно ее сначала отсканировать?*

— *Комната большая*, — сомневалась она. — *И это вещество, которое мы ищем, его ведь нелегко обнаружить?*

— *Еще как*, — подтвердила Мария. — *Только детальным.*

— *Я могу посканировать избирательно, там и тут*, — с неохотой предложила Сталина. — *Есть идеи, где его искать?*

— *Нет, не думаю, нет.*

— *И да, найдется тебе новая комната. И тебе тоже*, — кивнула она Дмитро Ивановичу.

Грип заерзал, надеясь, видимо, что раз ясность сознания почти вся улетучилась, то и то как его (не) тащит вправо, тоже прошло.

— *Есть... что-то, чтобы оно меня не убило?*

— *Есть*, — ответила Мария. — *Мощное— Оно пока не очень, но, со временем, будет лучше. Если бы я поняла и отклю-*

чила ее раньше, я бы тебя спасла. Можно сделать это и сейчас.

— Но я—

— распрощаешься с иммунитетом ко всему остальному, да, она у тебя не для красоты. Хорошие новости в том, что новые образцы будут почти каждый день, пока через недельку они там не сделают вообще идеально, защиту прицельно от этой штуки.

— То есть, мне бы только несколько дней продержаться, — подытожил Грип и оглядел комнату.

Мария боролась с зевком и проиграла. Лиза откровенно витала в облаках.

— Лиза, вы все молчите. А вы что вчера делали?

Она дернулась и повернулась к Грипу.

— Я, эм, я могу сказать, что я не делала: не писала отчет. Я решила последовать твоему совету, насчет итогового отчета, и пока что успешно этого избегала. Лежала тут, где ты сидишь, потом у себя, потом опять тут. После обеда взялась за оглавление, стала перечитывать прошлые отчеты, нашла пару недочетов, зачиталась другой штукой, короче, собственно, писать так и не начала, и сегодня не начала... Я не знаю, что тебе рассказать, мы не очень вче— в тот день пересекались... как, собственно, и в другие дни.

— Ммм, ладно.

Грип решил встать; Сталина плавно зашагала к нему,

готовясь подхватить его.

— *Ты куда собрался?*

— *Спасибо, что пытались меня спасти,* — он поморщился и ухватился за диван — *Я не думаю, что вы хотели меня убить. Пойду теперь с Талией поговорю.*

— *Ты уверен? Можешь подождать ее здесь,* — Деревяшко, впрочем, не настаивал.

— *Не, я в порядке,* — заявил Грип и, для убедительности, тут же зашагал к выходу, чтобы не хлопнуться прямо тут от продолжительного стояния.

— *Ну что тогда, все свободны,* — заключил у него за спиной Деревяшко. — *Иди поспи,* — выделил он кого-то одного менее звонким голосом.

Тело, в целом, отлично слушалось Грипа, надо было только научиться игнорировать все то, о чем оно ему бесстыдно врало. Возня с костюмом была самым сложным испытанием, а идти, как раз, было легче всего. Было темно, купол ничем не освещался, но Грип без труда дошел до него. Зашуршала и ушла в сторону внутренняя дверь, открывая вид на клетку. И бегущую навстречу Талию.

Клетку они сделали с размахом, однако. Ручки спереди и сзади, чтобы нести ее вдвоем, большая крышка, стенки подыратее кверху и попрозрачнее книзу, кормушки какие-то, съехавший назад песок... Еще и песок! Тяжелая, наверное—

Талия подбежала к нему и ненадолго обняла, от чего Грип

на несколько секунд застыл. За ней прибежал Ньют, но было не до его энергичного стрекота. Грип сел, чтобы проще было выбираться из скафандра.

— Ты в порядке, — заявила Талия.

— Угу.

— С точки сохранения?

— Угу, — подтвердил Грип свое восстановление.

— Итак... — восприняла это как призыв рассказывать Талия, и затараторила. — Я встала рано, тебя в тот день будить не стала. Вообще в тот день не было ничего странного, кроме того, что Сталина мне ни с того, ни с сего выдала мячик. Чтобы отстала? Я же это затеяла только чтобы она нас выпустила...

— Это все я, — удивил ее Грип. — Неважно. Продолжай.

— Пошла к Марии, за мороженым объяснила, что надо от клетки, — опять зачастила она. — Она, кстати, сказала, что когда ящерицы соизволят слетать в гости, мы их понесем в этой шикарной клетке, а она это снимет для истории. А я тогда отшутилась, что разумных ящериц мы на плечах понесем, еще лучше выйдет. По-моему, она ничего не заподозрила.

Они пошли к центру, отмеченному светом звездочки. Ньют бросил трещать и бежал рядом молча. Талия проследила за взглядом Грипа:

— Он, кстати, костюм мне подрал позавчера. Когда на спине висел.

— Как он?

— Он в восторге... он вообще ничего не понял. Давай по порядку.

— Давай.

— Ты написал мне от Ираклия, он сказал, что все тексты — записи контактной группы, поэтому нам их читать нельзя, потому что мы должны быть чистым листом, а это бред собачий, потому что он их читал и ничего не понял, так что куда нам, и от нескольких примеров мы не провалимся в ту же колею—, — выпалила она еще залп, невольно заставив Грипа улыбнуться.

Ей так хотелось ввернуть новое слово «колею», но вот как раз его она произнесла как образцовая кулацкая шпионка. Такое йотированное «ю» получилось, просто готовое фонетическое основание для ареста.

— так что он поделился с нами использованием «правильно», а у тебя была идея, что «правильно» значит «править», типа, «правитель», а это все глупости — продолжала она. — я сама тебе говорила, что контактеры должны быть высокого ранга, но это еще не значит

Грип чуть-чуть отвлекся: сесть и написать на песке большое «[жд-и]».

— Я видел, давай дальше.

— А... И сказал еще нам придумывать новые «соки неба», а то так мы далеко не уйдем, потому что чужие слова не вставить, ни наши им, ни их нам, — снова разогналась

Талия. — Потом у Марии ты хотел ящерицу, похожую внешне, а мы — акклиматизи-ро-ван-ную; обсуждал клетку, потом учился, потом опять прибежал. Я тебе намекнула, что не надо так часто бегать проверять ящерицу, но сама сидела большую часть времени у Марии, типа, от скуки, и отчет писала у нее. Она даже меня послала за куском кактуса, так я ей надоела. Ты тоже тогда убежал, писал отчет. Потом все допечаталось, я набрала песка, мы понесли ящерицу... Ты, кстати, с того момента перестал переживать, я думала, будет хуже.

— В смысле, «хуже»? — уставился на нее Грип.

— Что будешь волноваться и всех нас выдашь. А ты какой-то спокойный сделался...

— А я что, не всегда спокойный?

— Так вот, принесли мы ящерицу, — ушла от ответа Талия.

— Ньют принес звездочку, он ее под землю на день уволок, и решил, что она сломалась, понимаешь? Ты объяснил, он сказал, что будет ее в куполе заряжать. Почему в куполе, кстати? Чтобы другие не стащили?

Хоть она уже тараторила не так сильно, Ньют бросил ее слушать и прилег. Грип тоже не знал, почему в куполе, так что она продолжила:

— Ньют смотрел ящерицу, сказал, что понимает, почему мы думаем, что она похожа, но она непохожа. Ему виднее, в общем. Мы договорились, что несем, сказали Ньюту, что он должен выглядеть и звучать как глупая ящерица, и тогда мы его понесем. Он стал ликовать, и тут ты вообще

классно объяснил: ты сказал, что если он будет ликовать или трещать, то сам, получается, расскажет взрослым, что это он и он тут! Сработало на отлично! Ньют ответил, что это было бы с его стороны в высшей степени неправильно и как заткнулся! Вообще на всю дорогу. Ты, кстати, спрашивал про ликование, и он сказал, что ликуют, когда правильный сам и когда видишь и знаешь, что другой — правильный, и что это не традиция, а природа, но он будет молчать—

— Не традиция?..

— А природа.

Грип ненадолго задумался над этим, потом отогнал мысли.

— Короче, стали менять ящериц, — с новыми силами продолжила напарница. — Куда ее девать, мы— а, вы двое рисовали, чтобы спросить, сфера ли купол, и Ньют сказал, что да, иначе зачем бы он ходил через шлюз. Так... Да, короче, мы ее просто оставили тут, потому что куда она денется. Ньют сказал, что потом поможет поймать, так что вот, я засунула Ньюта в скафандр за шею, потому что мы думали, что мы крышку подыдем, а она как ломанется, а она такая «чего вы хотите от меня, отстаньте вообще», так что мы ее вытаскивали силой, но она вроде не прокусила— стоп, слушай, как насчет тебя?

— Что насчет меня? — отставал от ее мысли Грип.

Они сходили проверить скафандр Грипа; на перчатках были царапины, но прокусов не нашлось.

— Ну вот... воды мы ей оставили в рюмках, кузнечиков этих

я просто ссыпала там, под баком, надеюсь, все нормально вышло...

Грип остановился поглядеть на клетку. Там и вправду обнаружилась многострадальная ящерица, он ее просто не заметил. Ящерица их игнорировала. Формой головы она заметно отличалась от Ньюта.

— ... засунули туда Ньюта и понесли напрямик к тебе в комнату. Не спали в ту ночь Сталина и Лиза, ты рассказывал им про звездочку, очень долго, а потом заявил, что идешь спать. Я тоже почти сразу пошла, к себе, в смысле, хотя было любопытно...

Они молча дошли обратно до середины.

— Ну вот. Ночью тебе стало плохо, ты стонал, дрался. Сталина сказала, что ты повторял что-то вроде «он здесь», но я не принимаю это за согласие обо всем рассказать! Ты— тогда...

Грип кивнул и Талия немного расслабилась.

— Один раз, когда Сталина тебя понесла, я метнулась проверить Ньюта—

— И как?

— Просто тихо сидел в клетке. Думаю, тогда же они и вызвали Деревяшку, потому что Сталина велела нам всем сидеть по секциям и воздержаться от любых коммуникаций. Я боялась, что мне не дадут отнести обратно Ньюта, пыталась что-то придумать... Потом Сталина

написала, что тебе стало хуже; потом — что ты умер; потом спустился Деревяшко, уставший и очень злой, всех подозревал, включая меня, говорил, что я тебя то плохо отравила, то плохим ядом; ни мотива, ни способа, короче. Как и у других, наверное. Я уже на стенку была лезть готова, но ничего лучше не придумала, чем написать ему перед самым закатом, что мне жаль насчет тебя и все такое, но миссия есть миссия, нам назначено и я пойду, что там ни было.

— Огромное спасибо, — кивнул Грип. — ... что не стала ничего выдумывать.

— Я, э... он явно не в восторге был, но прокатило. Даже сам помог мне донести Ньюта до шлюза. А потом я его волокла до купола. Ну вот.

Грип ждал продолжения.

— Да. Выпустила Ньюта, он долго ликовал, сказал, что сам ничего не понимает, но очень было интересно, все хотел посмотреть, но он мало видел, плохо видел, но все равно интересно. Что мы правда показали ему жилище, где спим, что ты не спал, потом спал, хотя солнце снизу, потом ушел, что взрослые ходили, а он молчал, чтобы его не узнали... Про Деревяшку тоже радовался, что тот его нес и не узнал— хотя этот вряд ли бы его узнал, даже научись он говорить «Ньют». Спросил, почему я одна и где второй, я ему сказала, что ты сегодня не можешь прийти. Я ему не стала говорить, что ты умер, а то как потом объяснять, почему ты живой? Потом мы гонялись

за ящерицей—

— Мы?

— Да. Хвала космосу, она не стала закапываться, иначе вообще не знаю, что бы мы делали. И из купола не сбежала. Сидела сначала в тени от воды, но я облажалась и гонялись мы за ней по всему куполу. В итоге Ньют загнал ее на стекло, а я поймала. И в клетку. Коленки, правда разбила... — махнула она над грязными коленями.

Грип глянул на Ньюта, Ньют явно заскучал.

— Погоди, ты же говоришь, что в первый раз Ньюта в скафандр убирала.

— Чтобы они не подрались... и, в принципе, чтоб не мешался.

— А сейчас, говоришь, вы вдвоем ее ловили? И без скафандра?

— Я знаю, звучит не очень логично, но мне уже было до лампочки. К тому же, мы— я уже знала, что она не кинется сразу в атаку. Да и без Ньюта я бы до сих пор ее тут ловила. Потом мы все пили—

— Мы?

— Ньют, ящерица и я. Ты расскажи, понятно уже, чем ты отравился?

— Погоди ты. Нет, непонятно. Точнее, непонятно откуда оно взялось. Дай я сначала последнего подозреваемого опрошу.

Грип повернулся к Ньюту, пригласительно занес палец.

— Подозреваемого?

— Как минимум свидетеля.

— Не думаю, что ему снизу было много видно...

— [ты] [видеть] | [показыва-й] [вышеупомянутое'] — начал Грип, не особо заморачиваясь правилами.

— Сегодня без света, — с сожалением сказала Талия.

— Как-нибудь справимся. Особенно если трещать будет.

— [существовать] [ты'] | [ты] [видеть] — не сразу ответил Ньют.

— [существовать] [совместный] [я'] [я] [знать]
| [существовать-не] [совместный-не] [я'] [я] [знать-не] — продолжил вольности Грип.

Ньют замер.

— [существовать] [вниз-в] [солнце']
| [ты] [спать] [жилище-в] — написал Грип к себе и вверх ногами, будто бы с ним говорил кто-то еще, а затем призвал Ньюта к диалогу, проведя от него к себе пальцем над песком.

— [существовать] [внутри-в] [я'] | [я] [видеть-не] [ты']

Погруженный глубоко в раздумья, Грип не реагировал, и Ньют продолжил сам:

— [ты] [спать-не] [идти] | [я] [спать-не] [идти-не]

Еще одна долгая пауза, еще один приглашающий к разговору жест.

— [существовать] [звуки'] [сильный] | [я] [хотеть-не]
[вышеупомянутое']

— *Шлюпки*, — уверенно заявила Талия — [звук] [первый] |
[звук] [второй-ли?]

— [два]

— Постой, погоди, почему два?

— Не, все нормально. Один с Деревяшкой, и один обратно, чтобы выровнять. Чтобы снизу было два... две. Шлюпки.

Грип ждал дальше, так что Ньют отбежал и продолжил:

— [существовать-не] [ты'] | [существовать] [старые']

Грип нетерпеливо постучал пальцем по песку, из-за чего Ньют подбежал ближе, посмотреть, что происходит. А когда понял, что писать ему не собираются, то закончил так:

— [существовать] [жилище-в] [твой] [я']

| [существовать] [жилище-в] [сюда-в] [я']

Грип принялся писать, передумывая и переписывая по ходу:

— [существовать] [жилище-в] [мой] [опасность']

| [ты] [знать-ли?] [опасность'] [вышеупомянутое]

Ньют побегал и ответил:

— [я] [знать-не] [опасность']

| [существовать-ли?] [внутри-в] [опасность']

— Могло оно попасть в клетку? — обеспокоенно спросила Талия.

— Не исключено, — сказал Грип.

— Как узнать? — давила Талия.

— Просканируем клетку, — решил Грип. — Если нет, то нет.

[мы] [знать-не]

— [существовать] [внутри-в] | [существовать-не] [опасность']

— ответил Ньют.

Талия нервно перебирала пальцами. Грип смотрел на песок, поджав губы.

— [я] [мочь-ли?] [идти'] — спросил Ньют.

— Отпустим?

— У него был тяжелый день, — ответил Грип, а сам уже писал ритуальное:

— [существовать] [вверх-в] [солнце'] [существовать] [вниз-в] [солнце']

| [существовать-не] [сюда-в] [мы'] [существовать] [сюда-в] [мы']

— [существовать] [вверх-в] [солнце'] [существовать] [вниз-в] [солнце']

| [существовать-не] [сюда-в] [я'] [существовать] [сюда-в] [я']

Ньют не дожидался Грипа, а быстро вывел рядом приписку:

— [вы] [правильный] | [я] [правильный]

И убежал.

— Хотя бы ему понравилось, — сказал Грип.

— Я теперь переживаю из-за клет—... клетки как защиты, — вздыхала Талия. — Что мы про эту штуку знаем?

— Это не вирус. Это какая-то мелкая штука, которая может быть где угодно, на коже, скажем, а потом попадает внутрь и у мозга на нее аллергия. По крайней мере у моего.

— А лекарство есть?

— Типа того, скоро будет. Такое, что надо принять заранее. Пока небезопасное, но пришлют лучше.

Клетка оказалась неожиданно легкой, будто что-то весил в ней в основном песок. Талия предложила доволочь ее обратно самой, но Грипу так держать равновесие было только легче. На базе они сразу понесли ее в лабораторию, но Марии там уже не было, так что они просто оставили

ее в проходе, и все это молча, не обмолвившись ни словом. Талия ушла к себе, а Грип — в столовую, где сел напротив Деревяшко.

— А где Мария?

— Спит. Разбудить?

— ... нет, нет, не срочно, — Грип подолгу молчал, чтобы все обдумать. — Мы принесли клетку, она тоже была в моей комнате. Надо ее просканировать.

— Я передам. Что думаешь?

— А может быть, что это не ящерицы разумны, а какие-нибудь грибы у них в голове?

— А может тебе поспать пойти, пока опять не переутомился? — спросил спокойно Деревяшко. — Давай про разумные грибы ты тоже у Марии спросишь. Про убийство свое что думаешь?

— Да не убивал меня никто, кому это надо? Несчастный случай.

— Угу, вляпался во что-то и нос почесал, с кем не бывает. Руки помыл?

Грип послушно ушел.

— А серьезно? — продолжил Дмитро Иванович, когда Грип зашел обратно.

— Я серьезно, — ответил Грип. — со смертью не шутят. Способ дурацкий, и никому никакой выгоды.

— Талия говорила без тебя с ящерицами.

— Напечатай вы меня раньше, пошла бы со мной.

— Что если ты что-то узнал—

— Чего я знаю, чего не знала бы Талия?

— и пригрозил разболтать.

— Ой, распечатали бы и сделали вид, что я ничего не пропустил.

— Во фантазер. Да ты у нас — злобный гений, — впечатлился и неловко замаскировал это под насмешку Деревяшко. — Тут нужен заговор вообще всех, включая меня. Отчеты, одной энергии тридцать кило... Ладно выдохни, я тоже не знаю, что тут у вас было. Если в лаборатории подтвердят слова Марии, то и правда все складывается, как маловероятная случайность. Насчет Талии не знаю, а остальные не врут. Недоговаривают, лишнего говорят, — улыбнулся он. — Но не врут. Кажется, прискакал я писать фантастически дорогой отчет о том, как космически неудачно ты нос почесал. А потом развоплочусь...

Грип облегченно улыбнулся.

— Дай я тебе на жизнь немного пожалуюсь.

Грип был весь внимание.

— Я ведь в первый раз раздваиваюсь... — продолжил Деревяшко. — Всегда знал, что плохая это идея, что не хочу и не надо, и все оказалось ровно так, как я и думал, ну, потому что это я так и думал, и сейчас так же думаю... — горько усмехнулся он. — Я и сейчас не хотел, и не собирался вовсе. Плохой день, просто. Сидим как на иголках, одного агента веду, со вторым связь пропадает,

все на ушах: собирать группу, не собирать, вытаскивать, не вытаскивать— и тут пишут, мол, у Грипа нервный срыв и он с ума сошел. Я, честно сказать, сначала вообще отмахнулся, думал, само как-нибудь рассосется, и тут Аксат— Аксат Джонатанович заходит, и с порога: «Чего расселся? Бросай все, посла твоего траванули!» Ну я в него телефоном и бросил: «Да что мне, порваться что ли?» А он, позер такой, телефон поймал, заглянул в него, как в свой, и такой: «как забавно, что ты спросил, тут как раз все разрешения», не, ну представь? Вообще ничего не дали мне сделать перед сканом, и вот я тут—

Грип закивал особенно понимающе.

—и все те проблемы сразу стали не мои, а еще сын мой стал не мой, и жена моя — не моя, и жизнь моя бедовая. И вроде не поменялось-то ничего... а ничего и не поменялось... но ты знаешь, что ненастоящий, и осталась от тебя одна скорлупа, с одной функцией — отчет написать и все... Короче, спецназкопии: от всей души не рекомендую, паршивое это дело.

— Да мне никто и не предлагает.

— Какие твои годы... — ушел в себя Дмитро Иванович. — ... ладно, что это я. Спасибо, что выслушал.

— Пожалуйста, — ответил Грип. — Мне нетрудно. Я бы спать пошел, да не знаю куда.

— А... А чего ждешь? Напиши Сталине— сейчас, я сам напишу, — потянулся он за телефоном. — У меня же та же...

— Ты это, бессмертием не увлекайся, — вернулся к разговору Деревяшко.

— Не, не, я не собираюсь. Я так понял, это очень неприятно, прошлому мне—

— Вот-вот.

— —но я не обещаю не помирать, пока мне не скажут, чего мне, собственно, не делать! — замахал руками Грип.

— Да, да, меня устроит.

— Пойдем, мальчики, — позвала от двери Сталина.

— Не переживай, Грип, никто тебя не винит. Мы все переживаем. Просто делай, что можешь.

Она увела их за телепорты. Еще одна никакая комната, еще одна кровать не по размеру.

— Утро вечера мудренее, — пробормотал Грип, рывком влезая на нее, и перевернулся на спину. Сегодня предстояло осмыслить целых два дня.

(Не)надежны

Телефона не было, как и тумбочки в целом. Но и без всяких часов было понятно, что всеми этими воскрешениями режим дня Грип себе сбил начисто.

Он забрал чистый костюм и пошлепал в душ: отмыться от смертельной опасности, потенциально поджидающей где угодно, прийти в себя, переодеться. На обратном пути Грип заглянул в столовую, где в кресле обедал желтым тюбиком Ираклий Космович.

— Банановое?

— Добрый день! Банановое.

— Банановое!

Грип нырнул в шкаф, добыть себе такое же.

— Степени теперь заново проходить...

— ... алгебру?

— Алгебру, да...

— Я обязательно зайду, но минут через пятнадцать, ладно?

Мало ли какой еще бумажной работы мне там подкинули. — А Деревяшко тебе на что? — довольно крикнул Ираклий Космович. — Чего штаны просиживать, пусть за тебя отчеты пишет.

Грип ушел довольным и воодушевленным.

Телефон, аккуратно извлеченный из старой комнаты, был полон пересланных Марией документов. Вот большой отчет на зубодробительном английском без единой картинки. Вот! Короткий, понятнее, а несколько строк выделено и оставлены комментарии. Грип нехотя включил переводчик, схмурился, попереключал его туда-сюда...

Обнаружены хорошо изученные, недостаточно изученные и неизвестные микроорганизмы (М. Стиннер: так же, как и в прошлом скане, твоём и Талии), неспособные вызвать самоподдерживающуюся аутоиммунную реакцию.

Обратное моделирование ранней стадии развития аутоиммунной реакции предполагает асимметричный профиль развития с занесением очага через левое ухо, ноздрю или один из зубных каналов.

Идентификация, синтез и повторное внесение по большей части подтверждает ранее указанную симптоматику.

Предположительный эффект при иммуноподавлении (симуляция): нейроингибитор (М. Стиннер: чего?) низкой

интенсивности. Первичные симптомы: повышенная утомляемость, запор, сонливость.

Следующий отчет был непроницаем и через переводчик. Грип сдался, когда понял, что «агент» — это не он, и даже не то, чем он траванулся, а какое-то другое вещество с невыговариваемым названием.

Череда пересланных документов была увенчана все более и более привлекательным предложением: *«заходи в лабораторию, объясню»*.

Грип успел разглядеть на экране что-то вырвиглазно красно-зеленое — в жизни таких цветов не бывает — прежде чем Мария заметила его и резко убрала картинку. Клетки не было.

— Как самочувствие?

— Утомлен, сонлив, но без запора, — блеснул Грип новыми словами.

— Читал уже, значит, — улыбнулась она. — Много понял?

— Да почти ничего, если честно.

— На самом деле, все просто. Эта штукавина, на которую ты так бурноотреагировал, сама по себе для тебя безвредна, почти наверняка...

В дверном проеме нарисовался Дмитро Иванович. Грип помахал ему рукой, Мария тоже.

— ... а вот на кого она влияет, так это на ящериц, но слабо. Максимум — как ему два стакана вина, — Мария

кивнула в сторону Деревяшко. — *Эффект далеко не смертельный.*

Она выдала трель из впечатляющих научно звучащих терминов. Видимо, так на медицинском английском звучали два стакана вина.

— *Местных ящериц?* — уточнил Грип.

— *Разумеется.*

Деревяшко подошел поближе, умиляясь этому мини-консилиуму.

— *Мы еще не выяснили— в основном потому, что не очень-то и пытались —где ты в эту штуку вляпался. Могло быть так, чтобы ты ее вдохнул с местным воздухом?*

— *А?*

— *Не бродил по планете без скафандра?*

— *Почему?.. Хотя... Я не уверен, я...*

— *???*

— *... не помню, типа, почти полтора дня?*

— *А, — согласилась с аргументом Мария. — Точно. Это надо Талию спрашивать. Хотя она точно бы рассказала. Короче, отчеты эти. Чего мы так и не знаем, это насколько типична твоя реакция, но первый направленный депрессант уже прислали.*

— *Депрессант?*

— *Я его тебе колю, а ты больше так бурно не реагируешь. Ни на ту штуку, ни на миллионы других, но уже не прям на все.*

Грип уловил некоторую неловкость, недосказанность.

- ... спасибо, конечно, но вы говорили, что будет и получше? Я, наверное, подожду.
- Как скажешь. В худшем случае еще напечатаем, — спокойно ответила Мария.
- Пока только на нем испытывали? — мимоходом спросил Дмитро Иванович.
- В смысле, «на мне»?
- Ну вот так, да.
- Они распечатали еще копий меня? Просто чтобы испытать лекарство?
- Ну не прям копий, нет. Мозг, чуть-чуть спинного, так? — Деревяшко вопросительно посмотрел на Марию
- Не нужны же для этого, скажем, ноги...
- Мария смотрела на него с неодобрением, но спорить не собиралась.
- Итак, есть идеи, где ты это подхватил?
- Нет, никто ничего нового не упоминал. К тому же, откуда мне знать? Если оно микроскопическое—
- Воистину, — вставила Мария. — Я клетку сканирую уже целую вечность.
- Хорошо, потому что когда наш геккон прошлой ночью удрал—
- Вы его выпускали что ли? — спросил Деревяшко.
- Ага.
- Зачем? — разнервничалась Мария.
- Дру— посол хотел ее потрогать.
- О космос, потрогать?

— Ну да... мы поэтому и просили ящерицу! Он хотел рыбу потрогать, но не смог.

Мария схватилась за голову.

— И как?

— Что?

— Потрогал? Ты видел, чтобы они соприкасались?

— Нет, меня там не было. Я когда пришел, она уже в клетке была.

— Но зачем? Надо было продумать этот сценарий...

— А почему нет? Она же не опасная, правда? Вот у рыбы были зубы, вот это да— вы видели? Нам нужно поддерживать его интерес, мы тут за этим.

Это объяснение несколько успокоило Марию, а вот Деревяшко только напрягся и схмурился.

— Не подвергай риску здоровье... посла, — отчитывала Мария Грипа, теряя запал с каждым словом. — Что мне потом прикажешь делать? Пожалуйста, давай просто без этого, — уже почти умоляла она.

— А я вам не рассказывал о том разе, когда наш посол решил сверху грохнуться?

— Что? Нет, — аж склонился Дмитро Иванович.

Устав переживать и успокаиваться, Мария лишь смотрела исподлобья со смесью недоверия с неодобрением.

— Ну вот, заходим мы, а он не как обычно, с другой стороны заходит, а падает сверху! Прямо Талии на голову! Она подпрыгивает, давай бегать, я его снимаю, а он такой, «ну не весело ли?». Ей точно не было весело!

— «Весело»? У них слово-то такое есть?

— Поверьте, ему точно было весело. Видели бы вы его физиономию.

— А, прости, где я могу с этим ознакомиться? В каком отчете?

— Прощаю. И я ему такой объясняю, что он так расшибется, а он: «да нет, я сильный». Полчаса ему втолковывал, что пол-то твердый, и что он так... покалечится.

— Я серьезно, Грип, такое должно быть в отчете. Полчаса, и ни слова?

— Так бывает, когда нанимаете «валенка», — парировал Грип. — Ладно, ладно, в следующий раз напишу.

По выражению лица Деревяшко было ясно, что отшутиться мало, и что он Грипу это еще припомнит.

— Если что-то случится с Ньютом, то это наша ящерица. Ясно, — пробормотала Мария, глядя в угол.

Грип проследил ее взгляд до «банки» с неподвижной ящерицей. Ладно, не совсем банки. Она была скорее горизонтальной, чем вертикальной, но не настолько длинной, чтобы вытянуть хвост.

— Это наша—?

— Ага.

Грип постучал по стеклу, ящерица закатила в его сторону глаза.

— Она там в порядке?

— Ага. Ну, может, ей немного холодно.

— Они тепло любят? Как снаружи?

- Ну да, мы же ее так и выбирали, помнишь? Не жди от нее особой активности.
- Понял. Будем без песен.
- Песен?
- После двух бокалов вина.
- Вообще непонятно, где ты прикалываешься, а где тут у вас просто бардак, — пожаловался Дмитро Иванович.
- Ты все напутал, это местные — начала Мария.

Грип заметил в коридоре Талию.

— Доброе утро! Как коленки?

— Буду в норме, — отмахнулась она.

И снова сквозь костюм коленок было не видеть.

— Я тут рассказывал, как ты ловила ящерицу, — продолжил Грип. — Но ты лучше расскажешь, ведь ты там была.

— А еще он рассказал, как на тебя напали сверху, — встрял Деревяшко. — Это и вправду было?

— Конечно было. Все есть в моих отчетах.

— И как ты думаешь, чего он хотел этим добиться?

— Я? Я думаю, он просто дурачился. Он же ребенок.

Грип согласно закивал.

— Грип говорил, что он хотел потрогать нашу ящерицу—

— и рыбу тоже—

— потрогал?

— Нет. Я прям уверена, что нет. Я как ее достала, она и убежала. А когда обратно убирала, Ньют помогал, но на расстоянии.

- Вот не ожидала от тебя такого. Устроила какие-то ящериные бои, — Мария была разочарована.
- Да какие бои? Не было никаких боев. Погоня, с натяжкой. Никто никого не трогал.
- Ну как, мы трогали, — уточнил Грип.
- Ой, да мы все время трогали и хоть бы что. Это же его была идея на тебя залезть.
- И на тебя упасть.
- Вот это точно не моя идея. Если он в следующий раз промажет, я не при делах.
- Вы уж там как-нибудь его убедите воздержаться от падений на жесткий пол. Провал в этом вопросе может обернуться крушением всей вашей дипломатической миссии, — сухо сказала Мария.
- Грип был довольно убедительным, — Талия постучала по столу и заметила ящерицу.
- Как он это вообще делает? Где им тренироваться?
- Должно быть, они падают друг на друга с этих кактусов, о которых я так наслышан, — предположил Деревяшко.
- Мария скривилась и воздержалась от комментариев.
- Если наш сильный друг не хочет стать плоским, то в следующий раз задумается, — заверил Грип.
- А что она тут делает? — Талия ткнула в ящерицу в банке.
- Я все еще сканирую клетку, — ответила Мария.
- Скажите, когда закончите, — попросил Грип.
- Конечно.

— Ладно, я думаю... Пойду я, заполню пробелы в моих познаниях в алгебре.

Деревяшко, однако, еще не закончил:

— У Грипа вчера появилась любопытная теория, — начал он. — Что сами ящерицы неразумны, зато разумны грибы у них в головах.

— ага, гипотеза Миямото, — кивнула Мария.

Грип закрыл лицо руками, а она продолжала:

— Объясняет, почему некоторые ящерицы разумны, а некоторые нет и... все. Разве что у тебя есть факты, подкрепляющие...

Она затихла, когда Грип выглянул и непонимающе моргнул ей, и начала снова:

— В смысле, в чем наша проблема с разумностью ящериц? Там два в одном: как так вышло, что ящерицы разумны, и как так вышло, что только некоторые ящерицы разумны. Грибы, найди мы их, ответят на второй вопрос и усугубят— сделают хуже по первому вопросу, да еще новых добавят —потому что теперь еще объяснять разумные грибы. Мало нам того, что у ящериц маленький мозг и нет больших задач, так грибы и того меньше—

— Грибы большие так-то, — горячо возразил Грип. — Грибы они все под землей связаны, так что они — один большой—

— Конечно, все так. А ящерицы связаны?

— В смысле?... Есть ли у них телепатия?

- Я не знаю. Все возможно. Спроси их, — сжалилась над его теорией Мария. — Гипотеза профессора Миямото была, правда, не о грибах. Грибы не очень подходят.
- Но они же могут? Расти в мозгах? Я читал, что могут.
- Это правда, могут, но их... э... давай так, грибы не то чтобы известны своим фольклором, познаниями в геометрии и аналитическими способностями. Пока ты не принесешь подтверждений, от этой теории больше вопросов, чем ответов. Так что извини, я пока буду придерживаться самой скучной многовидовой: ящерицы помозговитее живут среди своих дальних неразумных родственников.
- То есть, мы тогда — пришельцы, неспособные отличить людей от обезьян? — кивнул Дмитро Иванович.
- Гомо сапиенс от всех прочих гомо.
- Это просто: люди живут в городах, — заметила Талия.
- Ничто не обязывает ящериц жить отдельно.
- Разве ж это проблема, — пробормотал рассеянно Грип.
- У ящериц хвост, а у нас его нету. Все, можно я пойду?
- Не смею вас больше задерживать, профессор Миямото, — замешал Деревяшко издевку на уважении.

Талия пошла с ним.

- Я зайду к тебе, но позже, — заявил Грип. — У нас ни плана, ничего.
- Один мячик, — буркнула она и свернула вправо на следующем повороте.

Грип добрался, наконец, до степеней во второй раз. Ираклий Космович выкопал из-под бумаг телефон, объяснил, что означают миленькие маленькие цифры, и они пошли по заранее подготовленным задачам. На одной Грип ошибся, Ираклий Космович стал придумывать похожие примеры, и тут на весь ангар грянуло проникновенное, раскатистое «ХЕЛЬГА!». Они оба подпрыгнули и переглянулись. Тут же пронеслось второе, более четкое и командное «Хельга Воронов!».

— Мне надо— мне нужен перерыв, моей коллеге явно—

— Да— конечно-конечно —беги...

Грип мчался в лабораторию, широко размахивая мигающим телефоном.

Талия стояла у стола, сжавшаяся под натиском нависающей Марии:

— Ты думала, я не замечу? Как это вообще вышло? Заходи, Грип, — поприветствовала она его тоном, не сулящим ничего приятного.

— Что случилось?

— Да, что случилось? — повторил позади Деревяшко.

— Клетка полна чешуи!

— Чего? — переспросил Грип.

— Отвалившейся... кожи местных ящериц. Может ты нам об этом расскажешь?

— Она... в песке обычно присутствует?

— Да, — понизила голос Мария. — Но не в таких же количествах.

— ... Мэри — мягко начала Талия.

— *Не мэрькай тут мне, сейчас этот номер не прокатит. Как она — ты. Ты сказала, что выпускала ящерицу. Чтобы посадить внутрь Ньюта?*

— *Не вижу проблемы. В песке больше кожи чем обычно, и что?* — пожал плечами Грип. — *Вот яда, ядовитой штуки вы там не нашли?*

— *Еще нет. Но я еще не закончила. И если я там найду еще что-то, лучше сразу скажите.*

Талия обреченно смотрела на Грипа.

— *Грип, не смешно, — нарушил молчание Дмитро Иванович. — Вы, двое, что-то явно скрываете.*

— *А я правильно понимаю? Что главная цель нашей миссии — продолжение контакта с ящерицами?* — медленно произнес Грип.

— *Именно.*

— *Тогда все должно остаться так, как оно есть сейчас.*

Мария склонилась вперед.

— *Вы притащили его сюда, — расплескался излишек ее разочарования.*

Талия тихо вздохнула.

— *Успех нашей миссии сейчас зависит от того, как тихо будет в этой комнате, — настаивал Грип.*

Он повернулся к Деревяшко и успел заметить, что снаружи выход охраняет Сталина.

— *Если она сказала не говорить... то откуда тогда она*

знала... — едва слышно бормотала Мария.

— *Но зачем?* — с любопытством спросил Деревяшко, будто не замечая напряжения.

— *Не то, чтобы у нас были секреты,* — отметила Талия. Но ее все проигнорировали.

— *Это был тест... для нас...* — ответил Грип.

— *Тест на что?* — непонимающе схмурился он.

— *На идиотизм. Мы прошли.*

Деревяшко фыркнул.

— *Мы уверены, что он как мы. Молод. Беспечен. Если бы мы не соответствовали, он бы не стал с нами говорить.*

Мария кивала, но, скорее, каким-то своим мыслям.

— *Мы не могли спросить разрешения и все запороть,* — продолжил Грип.

— *То есть, он взял вас на слабо?* — подытожил Деревяшко.

— *Это была спланированная операция,* — продолжил изображать уверенность Грип.

Деревяшко бросил короткий взгляд на Сталину, отиравшуюся где-то снаружи.

— *И той ночью она была здесь,* — массировала виски Мария, переваривая новости. — *Вы его выпускали? Хоть даже ненадолго?*

Грип и Талия синхронно замотали головами:

— *Нет.*

— *И откуда ты знаешь, если—* — Мария давила на Грипа.

— *—Я себя знаю. Я бы ни за что не стал.*

— *Чтобы защитить Ньюта?*

- Да, и это тоже. Он думает, что сильный, а если Ираклий Космович на него наступит?
- А как он вообще на это согласился, — удивился Деревяшко. — если они так боятся механизмов?
- Это была его идея, — возразила Талия.
- И вы принесли его в—
- Извини, — обратилась к Грипу Талия. — Мы облажались. Я устала и не продумала... что Мария нас спалит.
- Теперь уже неважно, — быстро кивнул Грип. — Сейчас важнее понять, откуда взялся яд. И если мне придется написать длинный отчет, почему мы так поступили, я готов. Я много об этом думал.
- Уж утрудись, — кивнул Деревяшко. — Это я за тебя не напишу.

Мария села и откинулась назад. Молчание затягивалось.

- Чисто формально..., — начал Деревяшко. — Это помогло или навредило миссии?
- Помогло.
- Уверен?
- Без всяких сомнений.
- Даже если сказать ему, что мы знаем?
- Вот поэтому я и просил вас помолчать!
- Ты знаешь, что мы знаем.
- Но я вам ничего не говорил, — настаивал Грип.
- Ты у нас дипломат, тебе теперь и расхлебывать.
- Грип раздраженно пожал плечами.
- Ладно. Возвращайся к занятиям—

— Я бы лучше—

— а потом писать отчет, который ты только что пообещал.

— Да. Ладно. Пусть так. Все равно я на эмоциях.

Деревяшко и Сталина ушли в другую сторону. Грип смог расслышать только самое начало фразы Дмитро Ивановича:

— И самое, знаешь, странное, что страте...

— Что, нашалили...? Шалопай... — спросил Ираклий Космович, заново откапывая из-под бумаг телефон.

— Есть немного...

— Эх, — вздохнул он. — Тут всегда бардак был знатный, а с вами так вообще цирк.

— С конями?

— С ящерицами.

— ... боюсь, что за эту шалость все шишки попадают на Талию. Хотя шалость-то, в основном, моя.

— Мне, наверное, не стоит знать—

— Не-не-не, никаких подробностей. Исключительно душевные терзания.

— Не повезло тебе, с начальником на базе... Ладно, давай алгебру добьем.

Как-то само собой получилось, что Грип заслушался о фонетических закономерностях при заимствованиях. К ящерицами и людям это, кстати, вообще никак не пришивалось, просто послушать про языки было интересно. Не то, что алгебра, где все понятно и скучно.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается.

— Ладно, на сегодня хватит. У тебя небось других забот по горло.

— Ага...

— В следующий раз опять алгебра, а чем займемся потом? Мне тоже готовиться надо.

— Рисование?

— Рисование? А... а к нему вообще надо готовиться, или ты просто придешь и порисуешь?

— Так, ладно, забыли. Как насчет физики?

— Хорошо, почему бы и нет? Физика так физика, замечано.

Грип ушел в свою комнату корпеть над... вроде бы как по задумке отчетом, а в итоге все равно объяснительной:

Я, Грип Авдотьевич Ставропольский, пронес на исследовательскую базу представителя другой цивилизации. Посол изъявил желание посетить наш блок проживания. От посла был получен запрет на уведомление кого-либо из коллег, проживающих и работающих в нашем блоке. Желание декларировалось недвусмысленно и ультимативно, без его удовлетворения дальнейшего продолжения миссии я не видел, в связи с чем я стал обдумывать возможности реализации этого, и обсуждал это с коллегой Хельгой Воронов, так как она является более опытным агентом, и мне было важно, чтобы наш план был максимально безопасным для всех его участников.

Мы спроектировали камеру, обеспечивающую максимальную безопасность посла, исключив возможность физического контакта с окружающим миром. Мы выбрали подходящее животное, и заменили одну ящерицу на другую. Пребывание посла на базе заняло один день. Камера была размещена в моей комнате и не покидала ее до следующего вечера, когда моя коллега и мой непосредственный начальник транспортировали ее назад в купол, в чем я участия принять не мог по причине недавнего инцидента в жилом блоке, приведшего к моей кончине.

Начиная с этого места я буду пересказывать происходящее со слов моей коллеги, проводившей обратную замену. Замена прошла успешно и без осложнений, посол всем произошедшим был удовлетворен, что, вне всяких сомнений, укрепит наше дальнейшее общение. Кроме того, наш биолог Мария Стиннер получила некоторое количество биологических материалов нашего посла, которые теперь сможет изучить.

Грип перечитал результат, вернулся к куску про обратный обмен, вставил пометку:

что сказала Т.: Ньют выбрался, помог поймать ящерицу, пил

Вписал следующее:

Я присоединился к ним, когда замена уже была завер-

шена. Убедившись, что посол доволен путешествием, я помог транспортировать камеру вместе с изначальным обитателем обратно на базу и передал ее нашему биологу Марие, чье сканирование и выявило факт проникновения, описанный в этом отчете.

Я считаю, что данный отчет необходимо оставить в секрете, поскольку чем больше людей его прочтет, тем больше шанс испортить этим наши дипломатические отношения со всеми ящерицами.

Потом он начал править следующий абзац, чтобы плавнее был переход, заметку про секретность засунул в самый конец, подвинул заметку выше— и тут ему пришлось еще одно «зайди в лабораторию» от Марии, словно эхо вторившее предыдущему «зайди в лабораторию» и «заходи в лабораторию, объясню» перед ним. Зато обошлось без криков.

И вот, в третий раз за день, они собрались в лаборатории. Мария показывала Талии знакомый узор из точек, с двумя зелеными линиями поверх него:

— ... и обратно. Смотри.

— На что смотрим? — поинтересовался Грип.

Мария отодвинула и повернула камеру так, чтобы видна была вся клетка.

— Следы чего? — бойко любопытствовал сзади Деревяшко. — ДНК есть?

— Чуть-чуть органики, нет.

— *Это же снаружи?*

— *Да, вот внутри.*

Она завращала камеру вокруг короткой стенки так, что она проникла внутрь и... та сторона выглядела неотличимо от наружной: градиент из отверстий, из двух стекает по зеленому следу.

— *Какая это? Из двух сторон?* — Грип ткнул в ближайший след.

— *Последняя просканированная. Она симметричная. Может, вспомнишь.*

— *Этот след, он прямо насквозь?*

— *Нет-нет-нет,* — она снова завращала камеру. — *Следы на поверхности. Я даже могу сказать, какой из них какой, ммм... Вот этот — оно ползло внутрь, этот — наружу.*

— *Ползло внутрь?*

— *И наружу.*

— *Это он,* — выдохнула Талия. — *Это все-таки он.*

— *Поздравляю, профессор Миямото,* — заявил Деревяшко без тени поощрения в голосе. — *Дело закрыто.*

— *Чего ты на меня так пялишься,* — Грип обратился к Талии. — *Я распечатан заново, забыла?*

— *Все так,* — с опаской кивнула она.

— *Ты опасная! Из нас двоих—*

— *Отличная у вас, ребята, дипломатия,* — перебила его Мария. — *Третий— нет, четвертый день и вот один из них уже грохнул одного из нас.*

— *Он не хотел! Это супер-тупо!* — настаивал Грип.

— *И вы тоже хороши, одного из них похитили, помнишь?* — оторвался от телефона Деревяшко.

— *Не—*

— *Это не я была,* — возразила Мария. — *Это еще до контакта.*

— *Ты там как, отчет пишешь?* — поинтересовался Деревяшко.

— *Пишу,* — кивнул Грип.

— *А отправь-ка его мне, сейчас, как есть. И садись писать новый.*

— *Он не может,* — сухо возразила Талия. — *Там почти закат.*

Грип покорно нажал отправить, повернулся на щелчок телефона Дмитро Ивановича.

— *Нам пора,* — повторила она с нажимом.

— *Новое правило, дети: никто никого не убивает, ясно?* — недовольно заявила Мария. — *И, кстати, нет в клетке ничего опасного.*

— *Да не собирался я никого убивать,* — махнул Грип.

— *Тогда попробуй сам не умирать,* — отозвалась из коридора Сталина.

— *Конечно,* — кивнул Грип.

— *Слушай,* — Талия обратилась тем временем к Марии. — *Он когда на меня падал, думаешь, он пытался—?*

— *Нет, сто процентов нет, я уверен,* — ответил Грип.

— *Почему?*

— *Если он так это делает, если, э, ползет внутрь и обратно,*

это не будет быстро. Он не может просто, ну, с расстояния, это... медленно, ну. Пока вылезет. Пока там устроится, видимо—

— Можно же заразить и убежать, а я и—

— два следа, видишь? — Мария снова ткнула в экран. — Он возвращался.

— так что я не думаю, что ты заражена, нет, — продолжил Грип. — Он мог попробовать свой анаэ— заморозить, например, или что оно делает—

— ничего, — влезла Мария, — ничего оно не делает.

— людям, а я про ящериц. Не пытался он тебя убить.

— И как мне защищаться, делать-то что? — допытывалась Талия у Марии.

— Прикрой уши, нос и рот? — только и предложила она.

— Вообще не подозрительно, — нервно засмеялся Грип. — Особенно рот.

— Помни, что накрывает не сразу, может, через час. Мойся тщательно. А, и да, реакция не уникальна для Грипа.

— А есть вакцина?

Кто знал, что Талия может быть еще бледнее?

— Ну, такая...

— Проверена на?...

— Только на Грипе.

— То есть, ты уже... — она повернулась к нему.

— Эй, я... час назад у меня еще был выбор. Ждать или прививаться.

— И что ты выбираешь сейчас? — устало спросила Мария.

- ... честно, я не думаю, что это повторится. Я подожду. Я больше боюсь, что занесу это—
- Да не зараза это, я же говорила.
- И что? Чем от этого лучше?
- Мы не сойдем с ума и не умрем все разом.
- Я бы все равно... вы мне все нравитесь.
- И сколько их у— — снова начала Талия.
- Одна, Грипа.
- Тогда я хочу.
- Забирай, ты у нас более ценный специалист, — охотно уступил Грип.
- Мария открыла холодильник и жестом подозвала Талию.
- И сколько, ну, займет—
- часа четыре, плюс-минус.
- Солнце уже почти село!
- Я сделаю еще, на всякий случай. Иди сюда...

- Еще раз, для протокола, для них это не смертельно, так? — уточнил Деревяшко.
- Так, — обронила Мария не отвлекаясь.
- То есть умысла убить не было.
- У меня идея, — подпрыгнул Грип. — Он не пытался меня убить, просто залезть. Они попробовали на взрослых, не получилось, и поэтому попросили детей.
- Деревяшко посмотрел на Марию, та качала головой.
- Не думаю.
- Может быть так, что... путь внутрь головы... больше не работает? У взрослых.

- *Что?* — Мария выкинула малюсенький шприц.
- *В голове что-то меняется, когда вырастаешь?*
- *Нет, а почему ты спрашиваешь? погоди, он прицельно просил маленьких животных?*
- Ага, — мрачно подтвердила Талия.
- Да.
- *Сколько они были в скафандрах, первые полгода?* — спросила снаружи Сталина.
- Мария кивнула.

Грип ткнул в банку:

- *Рыбу мы ему трогать не дали, стекло, вода... А этому можно, на всякий случай, просканировать мозг?*
- *Я могу, когда будет время. Нужно заморозить—*
- *Да не трогали они друг друга,* — настаивала Талия.
- *Неважно! Вдруг он спрятался в клетке, а теперь он в ней?*
- *Отличная гипотеза, про—* — Дмитро Иванович замолк под тяжелым взглядом Грипа.
- *Поняла. Ага,* — забрала банку Мария. — *Нет, давайте тогда сначала...* — продолжала она уже снаружи, по пути к телепортам.
- Охохо, — пробормотала Талия, глядя на пол и потирая шею.
- *Пока мы собираемся... надо договориться, что мы ему скажем, а то я думаю—* — начал Грип, но она скользнула по нему взглядом и вышла.

Он догнал ее в коридоре.

— Я тут пропустил полтора дня, он что-нибудь просил?

— Нет, он... возбужденный был после большого приключения, то ли перепугался, то ли радовался. Я думаю, он просто хотел домой.

Талия переменялась, стала дружелюбной, собранной и вдумчивой.

— Договориться о чем? — продолжала она. — Что скрываем, что взрослые знают?

— Это первое. Да надо в принципе договориться. Нельзя спалиться, что мы знаем больше, чем вчера.

— И ты не умер, тебе просто стало плохо— я все равно не знаю, как это написать! —ты отдыхал, в другом месте, а потом пришел к нам.

Они зашли в ее комнату, с аквариумом и белыми украшениями. Грип задержался посмотреть на аквариум.

— И этих слов я тоже не знаю, — продолжала она. — Я даже не знаю, как написать «умер». Зато их «правильно», похоже, действительно и есть «правлять». Управлять. Мозгами.

Она запрыгнула на кровать, поерзала и снова непроизвольно потерла шею.

— Да покажи ты, что у тебя там.

— Да ничего. Я сама его туда сажала, пом— эх. Прямо за уши.

— Может ты еще правильно не чесалась.

— Да ну тебя.

— Шучу, успокойся. Сколько прошло уже, ты в норме. А теперь еще и привитая.

Она кивнула и слегка расслабилась.

— А что это за штуки-то? — сменил тему Грип.

— Украшения. Я... мне нравится.

— А значение у них есть какое-то?

— Нет. Но мне, иногда, кажется, что они на животных похожи. Вот это — на птицу...

Как минимум с места, где стоял Грип, оно было похоже на что угодно, только не на птицу.

— Я просто у Сталины спросила, что нам можно, и там было бытовых украшений до 10 грамм в день. И я увеличила самые легкие.

— У-у, а у меня только питомец.

— Можешь тоже заказать, всем можно.

— А бумаги у тебя нет?

Грип носился по базе за чистой бумагой, за той, что забыл в столовой, в старую комнату за карандашом... Талия ждала его у шлюза. Солнце уже почти село, но теперь он этот кусок неба прошел бы и беззвездной ночью, хоть с закрытыми глазами.

— О-оу, — тихо промолвила Талия под шуршание внутренней двери,

и аккуратно положила отражатель на пол, не сводя глаз с центра. Там их ждали две ящерицы, одна вдвое больше другой.

— *Интересно*, — протянул Грип.

Они осторожно прошли к центру. Талия заняла место

напротив Ньюта, Грип положил бумагу и сел слева, напротив большой ящерицы. Начало разговору было уже положено — обращенное к ним, на песке виднелось:

— [существовать-ли?] [небо-в] [новый']

— [истинно-не] — написал Грип, недолго поколебавшись.

— [мы] [видеть] | [существовать] [звуки'] — писала большая ящерица в тишине, без стрекота.

— [звук-ли?]

Ньют молчал и топтался сзади. Не факт, что он видел из-за большой ящерицы «[существовать] [звуки']».

— [существовать-не] [небо-в] [новый'] — уверяла Талия.

— [существовать] [вниз-в] [жилище']

| [жилище] [идти] [вверх']

— [истинно] — уточнил Грип, затем развил мысль. — [существовать] [вверх-в] [новый-не'] | [новый-не] [идти] [вниз']

— [ваши-х-ли?]

— [истинно] — ткнул пальцем Грип.

— [я] [показывать] — прострекотал Ньют.

По крайней мере Грипу показалось, что это было «[показывать]». Большая ящерица повернулась удостоить Ньюта взглядом.

— [ты] [показывать] [вышеупомянутое']

| [новый] [показывать] [вышеупомянутое'] — заявила она.

— [существовать] [вверх-в] [новый-не'] [существовать] [вниз-в] [новый']

| [новый-не] [идти] [вниз'] [существовать] [вниз-в]

[новый-не'] — продолжил Грип, а потом еще добавил:
— [новый] | [быть-мной-ли?]

Ящерица снова взглянула на Ньюта.

— [существовать] [сюда-в] [новый'] — все стер и попробовал новую тактику Грип.

— [существовать] [вверх-в] [старый'] [старый] [идти] [вниз']
| [существовать] [вниз-в] [жилище'] [жилище] [идти]
[вверх'] — опять утверждала, а не спрашивала ящерица.

— Это чтобы— — начала Талия, но тут же осеклась от громкого треска.

Все смотрели на нее, пока она, заметно нервничая, не продолжила:

— [существовать] [вверх-в] [жилище'] [первый] [жилище]
[идти] [вниз']

| [существовать] [вниз-в] [жилище'] [второй] [жилище] [идти]
[вверх']

Большая ящерица проинспектировала ее надпись. И, недолго думав, снова перешла в наступление:

— [существовать] [жилище-в] [ваши-х] [новый']

— [истинно] — согласился Грип.

— [польза-ли?] — шорох песка, расступающегося от элегантного взмаха хвостом, был словно эхом отсутствующего треска.

— [новый] [видеть]

| [жилище-в] [сн-а]

| [существовать-не] [опасность'] — заверял Грип.

Ящерица повернулась к Ньюту, протрещала что-то:

— [ты] [...-ли?] [...]

И развернулась обратно:

— [новый] [опасный-ли?] | [ты-ли?] [спать]

— [новый] [опасный-не] | [я] [спать]

— [ты] [...-ли?] [...]

Грип сощурился, будто это помогало ему слышать.

— [существовать] [внутри-в] [я'] [...] [...] [...] [существовать]
[наружу-в] [я'] — частично разобрал он ответ Ньюта.

Если ликование все-таки было смехом, то дальше было вот что:

— Хе-хе, — громко хихикнула большая ящерица.

— Хе-хе, — поддержал ее Ньют.

— Хе-хе, — повторила большая ящерица и кинулась на Ньюта, грозно стрекоча — [я]! [...]! [ты-...]! [...]! [...]!...

Вместо того чтобы дать деру в закат, Ньют бросился наперерез, на Талию. Пока большая и менее маневренная ящерица бежала вдоль стекла и щелкала, он драпанул на стекло по кратчайшей, а там спиралью вверх по костюму Талии, стрекоча в ответ. Она, в свою очередь, удержалась от того, чтобы его скинуть, взглянула на Грипа с очередным немым вопросом в глазах, скрутилась, чтобы видеть Ньюта и стала аккуратно вставать. Грип вскочил на ноги и, не найдя слов, хлопнул в ладоши. На секунду треск прекратился, и он завладел всеобщим вниманием.

Грип протянул Ньюту правую ладонь, Ньют опять застрекотал что-то непонятное.

— [ты] [...-ый] — опять взялась за свое ящерица снизу.

Грип указал на ладонь пальцем, Ньют поверчал что-то, но полез. Тут стала мешать Талия — вывернулась в сторону Ньюта, отдалив его от цели, и голосом, полным сомнений, спросила:

— *Иди-?*

— *Да стой ты,* — зарубил идею на корню Грип. — *Успокойтесь вы все.*

— [...-не] — спорила с чем-то снизу большая ящерица.

Ньют неохотно, но залез на руку, так что Талия смогла раскрутиться и высвободиться. Грип поднес Ньюта к уху, чтобы настроиться на его тихий стрекот, и держал, пока не смог разобрать повторяющееся «[ид-и]».

— *Нет,* — отчитал он его своим лучшим учительским тоном, и Ньют стих, повесив голову.

Грип посмотрел вниз; по контексту было понятно, что оттуда стрекотали «[новый] [ид-и] [вниз']».

— *Объясни.*

— *Объясни что?* — повторила Талия в замешательстве.

— *Просто напиши «объясни», ладно?*

Талия присела написать «[объясн-яй]». Треск постепенно улегся.

— [новый] [правильный-не] [ид-и] [вниз']

| [я] [есть] [хвост'] [нов-ого] — поступило объяснение.

— *Хехе. Почему неправильный?*

— [объясн-яй] [новый'] [правильный-не] — продолжила

Талия.

— [я] [видеть-не] [...] [...] — трещал Ньют.

Грип стоял и смотрел в сторону давно зашедшего солнца.

— [ты] [показывать] [правильный] [новый']

| [ты] [держ-и] [новый'] [вниз'] — ответила, наконец, ящерица.

Грип начал опускаться, чем довел Ньюта до истерики:

— [держ-и] [вверх'] [держ-и] [вверх'] — стрекотал он, наконец, доступно.

Грип бесцеремонно ухватил его поперек туловища и опускал на песок. Ньют извивался, трещал «[держ-и] [вверх']», пытался вывернуться и взбежать по рукаву, а при соприкосновении с песком стал разбрасывать его, готовясь дать деру. Большая ящерица, тем временем, спокойно нацелилась Ньюту на... основание хвоста.

— Ага, — отметил Грип и рывком поднял Ньюта в последний момент, к яростно щелкающему неудовольствию большой ящерицы.

— *Дай его мне, а сам пиши,* — предложила Талия без тени энтузиазма.

Грип перехватил Ньюта поудобнее и помотал головой. Незадачливый убийца покорился судьбе и устало свисал из кулака.

— *Ньют правильный? Будешь кусать его за хвост?*

— [новый] [правильный-ли?]

| [ты] [есть-ли?] [хвост'] [нов-ого] — забила выравнивать

Талия.

Большая ящерица прекратила трескотню и ответила ранее невиданными знаками, смысл которых Грип мог только предполагать:

— [есть] [новый'] [правильный-не]
| [новый] [ломать] [правильность']

— *Запиши последние два.*

Талия смахнула песок со стекла и принялась перерисовывать знаки. Большая ящерица смотрела на нее с растерянным любопытством.

— *Готово.*

— *Зачем он ее сломал?*

— [объясн-яй] [новый] [ломать] [правильность']

— *Антештрих на «новый», — поправил ее Грип.*

— *Антечто?*

— *Проехали.*

— [новый] [хотеть-не] | [вы] [знать]

— *Что не хотел? Кто не знает?*

Большая ящерица уловила замешательство и без перевода, и продолжила:

— [новый] [хотеть-не] [ломать'] [правильность']
| [вы] [знать] [ваши] [знать]

Грип поднял Ньюта на уровень глаз. Он одобрительно зашевелился, приветствуя любое движение вверх. Грип посадил его на правое плечо, тот вцепился в него, а головой уперся куда-то в подбородок.

Грип сел на колени, вытеснил Талию с центра.

— [я] [хотеть] [показывать']

| [е-шь-не] [хвост'] [нов-ого]

— [новый] [показывать-не] [новый] [правильный-не]

| [держ-и] [ид-и] [новый'] [вниз']

— [я] [хотеть] [знать'] [объяснять']

| [объясн-яй] [новый'] [ломать] [правильность']

— [новый] [мудрый-не] | [новый] [хотеть-не]

Грип просто неодобрительно смотрел на надпись. Талия подседа ближе, плечом к плечу, предоставляя Ньюту путь к отступлению.

— [новый] [показывать-не] [мы']

| [мы] [идти] [вниз'] — потеряла терпение ящерица.

— *Хорошо*, — вдруг произнесла Талия своим учительским голосом.

— [истинно-не] — прострекотал Ньют куда-то в шею.

— *Грип, у нас проблема*, — вкрадчиво начала она. — *Нужно выбрать сторону.*

Ее голос успокаивал Ньюта и раздражал другую ящерицу.

— *Мне нужны ответы получше*, — рявкнул Грип.

— [ты] [думать] | [мы'] [опасный-ли?] — он продолжил допрос.

— [ваши] [опасный] | [вы] [опасный-не] — гласил ответ.

— [новый] [опасный-ли?] [наши-х]

— [новый] [мудрый] [опасный-не]

| [новый] [мудрый-не] [опасный]

— [истинно] — от всей души согласился Грип.

— [существовать-не] [новый']

| [существовать] [новый'] — написал Грип, и увенчал столбцы «[объясн-яй]».

— [существовать] [новый'] [животн-ых]

| [существовать-не] [новый'] [наши-х]

Талия сверлила Грипа взглядом.

— [новый-ли?] [показывать] — начал Грип, и третьим знаком нарисовал равнобедренный прямоугольный треугольник.

Ящерица ответила очень и очень не сразу:

— [вышеупомянутое] [новый-не]

| [вышеупомянутое] [быть-мной-не]

— [ваши] [показывать-не] | [ваши] [показывать]

— спросил Грип. — [объясн-яй]

— [наши] [видеть-не] [ваши']

| [наши] [видеть] [ваши'] — парировала ящерица.

— [ваши] [хотеть-ли?] [знать'] [наши']

— начал писать Грип и заработал тычок между ребер — Ай!

— «Ты пытаешься прекратить контакты?» — яростно шипела Талия.

— Я просто спросил—

— Нельзя задавать такие заряженные вопросы!

— если с нами хочет говорить только Ньют, все уже кончено! — пытался перешипеть ее Грип. — Если Ньют говорит только за себя, то все!

Большая ящерица, тем временем, ответила:

— [мы] [знать-не] [польза'] [ваши-х]

| [существовать] [интерес'] [существовать-не] [польза']

— [мы] [показывать] [вы] [показывать] [существовать]
[польза']

| [мы] [показывать-не] [вы] [показывать-не] [существовать-не]
[польза'] — вырулил Грип.

— [я] [понимать-не] [польза'] [ваши-х]

| [новый] [хотеть] [польза'] [ваши-х] — заявила она.

Грип взглянул на плечо, потянулся к самому началу столбца и обвел «[новый] [хотеть] [польза']». Ньюту этот маневр пришелся не по душе, и теперь он неуклюже пытался развернуться на плече.

— [существовать] [№5?] [наши-х]

| [существовать] [многие-не] [наши']

Возня Ньюта была вознаграждена: его ухватили за бока и переставили мордой наружу.

— [объясн-яй] [№5?] | [№5?] [животн-ый-ого-ли?]

— [новый] [хотеть] | [ты'] [помогать]

— [я] [понимать-не] [№5?']

— [№5?] [первый] | [№5?] [второй] — написала ящерица вбок, будто обращалась к кому-то третьему, а затем вернулась втолковывать Грипу:

— [существовать] [многие-не] [наши']

— [существовать] [многие-не] [животные'-ли?]

| [вышеупомянутое-ли?] [№5?-ый] [ваши-х]

— [существовать] [многие] [животные']

— [существовать] [многие-не] [наши']

— *Можно я?* — потянулась к песку Талия.

Грип кивнул.

— [существовать] [наши-в] [предмет'] [сложный]

| [вышеупомянутое] [помогать] [существовать'] [больше]

— собрала она неортодоксальную сравнительную конструкцию из «[многие]».

— [я] [знать] [вышеупомянутое'] [существовать'] [меньше']

| [новый] [думать] [вышеупомянутое'] [существовать']

[больше']

— ответила ящерица, и тут же запорола ей весь триумф.

— [наши] [хотеть-не] | [ваши'] [показывать]

Талия напряглась.

— [новый] [хотеть] | [мы'] [показывать] — возражал Грип.

— [новый] | [мудрый-не] — отбила она.

— [предмет] [сложный] [помогать] [существовать'] [больше']

— [истинно]

| [предмет] [сложный] [помогать] [существовать'] [меньше']

— [истинно]

| [предмет] [многие] [помогать] [существовать'] [меньше'] —

[истинно]

— [вышеупомянутое-ли?] [помогать] [идти']

| [ты] [показывать] [вышеупомянутое'-ли?]

— *Да, телепорт,* — шипела Талия.

— [истинно] — написал Грип.

— *Они боятся стирания...* — озвучила Талия довольно-таки очевидный вывод.

Ньют дрожал. Лапки у него устали?

— [существ-уй-не] [меньше']
| [существ-уй-не] [меньше'] — подчеркнула ящерица.
— [мы] [помогать] [существовать'] [больше] [вы']
— заверил Грип и продолжил:
— [новый] [хотеть] [показывать']
| [ты] [есть-ли?] [новый']

Ящерица не ответила. Грип попытался ухватить Ньюта еще раз, вызвав отклик, который ни с чем уже было не спутать:

— [истинно-не]

— [новый] [идти-ли?] | [жилище'] [наши-х]

— [новый] [ломать] [правильность']
| [новый] [мочь] [идти']

— ответила она, и тут же добавила:

— [существовать] [новый'] [наши] [показывать]
| [существовать-не] [новый'] [наши] [показывать-не]

— [наши] [мочь] [существовать'] [больше] [новый']
| [ваши] [мочь] [существовать'] [меньше] [наши']

— составил Грип.

— *Жди*, — обратился он к Ньюту, который опять куда-то собрался.

— [наши] [сильный-не]

| [наши] [мочь-не] — возразила ящерица.

— [ваши] [мочь] — обвел Грип, затем продолжил:

— [существовать] [животное-в] [старый] [ты']
| [существовать] [наружу-в] [животн-ого] [ты']

| [существовать] [животное-в] [твой] [ты']

— [истинно] — неохотно признала ящерица. — [ваши]

[знать-не] | [ваши] [знать]

— Ага, — согласился Грип.

Обвел «[наружу-в] [животн-ого]». Потер глаза, уставшие от темноты. Продолжил мысль:

— [материал] [ваши-х] [опасный]

— [я] [понимать-не]

| [я] [материаловый-не] — возражала ящерица.

— [ваши] [опасный] — давил Грип. — [я] [знать]

— [объясн-яй]

— [мы] [идти] [держать] [новый']

| [мы] [идти]—

— Он сказал: взрослым не рассказывать, — протестовала Талия.

— Она сказала, что Ньют сломал правильность. Они убьют его, он больше не часть—

— да услышь ты меня! Да, она сказала, что он за них не говорит. Да, она сказала, что съест его хвост. Но она переживает, они— они не убьют его.

— А чего тогда отдает? Раз переживает—

— я слышу тебя! Но я не убеждена.

— [мы] [идти] [держать] [новый']

| [мы] [идти] [жилище'] [наши-х]

— продолжил Грип — [мозг] [наши-х] [сложный] | [ты]

[опасный] [внутри-в]

— [мочь-не] [существовать'-ли?] [внутри-в] [наши']

— задалась вопросом ящерица.

— [ваши] [идти] [внутри']

| [мочь-не] [существовать'] [я']

Ящерица забегала, остановилась подышать, продолжила...

— [существовать] [ты']

— [я] [новый] [животн-ый] — объяснил Грип, как мог.

— [новый] [идти] [внутри']

| [существовать] [меньше] [ваши'] — переспросила она.

— [существовать] [меньше] [наши']

| [предмет]— Грипу не дали закончить столбец.

Большая ящерица ломанулась на него, треща на весь купол, и полезла на стекло, затем на правое колено. Грип снова хлопнул в ладоши, чуть не скинув при этом Ньюта, и указал пальцем левой руки на песок. Его обидчица медленно сдала назад.

— Еще раз на меня полезешь, я сам тебя покусая, ясно тебе?

Грип слегка качнулся под тяжелым взглядом Талии.

— [ты] [опасный-ли?] [мой] — грозно нависал Грип.

— [истинно-не] — написала ящерица.

— [нов-ого] — он поменял знак.

Ящерица заложила еще круг.

— [я] [понимать-не] [я] [понимать]

| [ты] [хотеть] [есть'] [новый']

— Да ладно! — воскликнул Грип и принялся объяснять:

— [новый] [хотеть-не] [ломать'] [правильность']

| [новый] [хотеть] [знать'] [я']

— [животное] [твой]—

| [новый] [ломать]—

— [я] [идти-не] [наружу']

| [я] [в одного] [животн-ый] — неряшливо перебил ее Грип.
Ящерица легла где стояла.

— Все, я так больше не могу, мне нужен свет, — Талия встала и ушла за отражателем. — Марии ради, не поубивайте друг друга.

Ньют понял, что что-то происходит, и уже слез по рукаву так, что смотрел в пол.

— Ты если хочешь, ты можешь вообще слезть, — пробурчал Грип.

Талия вернулась и настроила свет. Большая ящерица встала, прошлась туда-сюда и снова легла.

— [я] [мочь] [существовать'] [больше] [вы'] — написал Грип, когда его терпение иссякло.

— [я] [хотеть-не] | [новый] [хотеть] — было ему ответом.

— Хм, — Грип придвинулся, воодушевленный:

— [я] [ид-и-ли?] [держ-и-ли?] [новый] [новый-ли?]

| [я] [ид-и-ли?] [держ-и-ли?] [новый] [два]

— [истинно]

— *Видишь?* — он победно повернулся к Талии.

— *Грип, нет! Ты не можешь просто взять его—*

— *Чего? Мы только что, забыла—?*

— *Мы не можем просто принести—*

— *Он для них мертв!... Ты что, не видишь? Куда еще ему идти, они его съедят!*

— *Нет! Не съедят.*

— *Это почему?*

— *Я... Я не верю!*

— *Ух ты!* — Грип вскинул левую руку, в последний момент вспомнив, что на правом плече сидит Ньют.

— *Ньют на это не подписывался,* — парировала Талия.

— *Нет,* — Грип смеялся как маньяк. — *Меня он тоже не спрашивал.*

— *Ты растеряешь доверие обеих сторон!* — шипела она.

— *Да ну, вон они разрешили. Все будет нормально.*

— *Или обернется худшим решением в твоей жизни.*

— *А в чем твой...* — запнулся на секунду Грип. — *Каков твой план?*

Талия не отвечала.

— *Так я и думал.*

— [ты] [хотеть-ли?] [знать'] | [существовать'] [больше] [наши']

— [предмет] | [сложный] — отмахнулась ящерица.

Грип принялся рисовать: «[старый]», еще «[старый]», две стрелки и «[новый]».

— [я] [понимать] | [животные'] [новый]

Грип начал новую:

— [старый] > [предмет] [сложный] [знать] > [старый] [второй]

— [старый-ли?] | [новый-ли?]

— [новый] > [предмет] [сложный] [знать] > [новый] [второй]

— [существовать] | [два'-ли?]

— [существовать] | [многие]

Грип вдруг осознал, что ящерица смотрит не на палец,

а вверх, вдоль руки, на Ньюта. Но драки не случилось, и разговор продолжился.

— [вышеупомянутое] [помогать] [идти']

— продемонстрировала осведомленность ящерица.

— [истинно]

— [вышеупомянутое] [помогать] [идти'] [небо']

— продолжила она.

— [вышеупомянутое] [помогать] [идти'] [небо'] [второй]

— втиснула Талия еще один знак.

— [существовать-не] [ты'] [первый]

| [ты] [второй] [идти]

— познания ящерицы были глубже, чем у некоторых.

— *Разрешения спроси*, — сказала Талия.

— [ты] [хотеть-ли?] [держат'] [новый'] [два] — спросил Грип.

— [держат'] [новый'] [мудрый-не] [один]

| [держат'] [новый'] [мудрый-не] [два]

— ответила она, и, после долгой паузы, спросила:

— [правильность] [сломанный]

| [...] [...] — хвост призывал продолжить.

— [правильность] [сломанный]

| [ваши] [многие] — уверенно вписал вверх ногами Грип.

— *Это не ответ*, — пожаловалась Талия.

— [я] [ид-и-ли?] [держ-и-ли?] [новый] [два] — повторил Грип.

— [ты] [показывать] [ты'] [мочь]

| [ты] [хотеть] [ты'] [мочь]

— *Это — ответ?* — повернулся Грип.

— *Да*, — неохотно признала она.

— [новый] [идти] [держать] [животное'] [большой]...

— предложил Грип.

— [новый] [хотеть-не] [животное'] [большой]

— возразила ящерица.

— [новый] [мочь-не-ли?]

— [новый] [хотеть-не]

— [большой] [старый-не] — разграничил Грип.

— [новый] [новый-не] — завела разговор в тупик ящерица.

— Что? Как? Вы где вообще видели больших животных? — недоумевал Грип в воздух.

— [существовать] [вверх-в] [солнце'] [существовать] [вниз-в]
[солнце']

| [существовать-не] [сюда-в] [ты'] [существовать] [сюда-в-ли?]
[ты']

— использовал ритуальную форму Грип.

— [истинно] — не стала вдаваться в детали ящерица.

— [ты] [держать] [знак'-ли?] [твой]

— [я] | [второй]

— [ты] [второй]

| [новый] [...] — Грип указал на пустое место.

— [новый] | [новый]

— дополнила ящерица, противореча своему прошлому загадочному утверждению.

Грип медленно стер надписи.

— [ты] [хотеть] [знать'-ли?]

| [существовать'] [многие-ли?] [наши']

— предположила ящерица.

— [истинно]

— [два] | [девять]

— *Это сколько? Когда оно так записано...* — спросила Талия.

— [одиннадцать-ли?] — спросил Грип в лоб замысловатым знаком.

— [истинно]

— [вы] | [водиннадцатером-ли?]

— [истинно] — махнул Второй.

— *Это какая-то ошибка,* — бормотала Талия.

— [новый] [одиннадцатый-ли?]

— [наши] [новый-не] | [наши] [старый-не]

— [объясн-яй]

— [существовать-не] [совместный] [наши']

| [существовать] [совместный] [наши']

— [предмет-ли?] [помогать] [существовать'] [больше] [вы']

— [существовать] [вышеупомянутое']

| [существовать-не] [вышеупомянутое']

— Да ладно, — вздохнул Грип.

— [существовать] [вверх-в] [солнце'] [существовать] [вниз-в]
[солнце']

| [существовать-не] [ты'] [сюда-в] [существовать] [ты']
[сюда-в-ли?]

— [истинно]

— ответила ящерица, и, на этот, раз разговорилаь:

— [я] [показывать] [новый'] [правильный-не] [существовать']

[меньше] [ты']

| [я] [показывать] [ты'] [хотеть] [существовать'] [новый']
[больше]

— [я] [думать] | [второй'] [правильный]

— попытался выразить благодарность Грип.

— [правильный] | [меньше]

— ответил Второй перед тем, как убежать.

— Ладно, пошли, зверек. Надеюсь, сегодня ты меня не прикончишь.

Грип снял дрожащего Ньюта с плеча. Тот все не мог решить, на какую часть Грипа смотреть.

— Сходи, последи за кнопкой, пожалуйста.

— Чего? ... Я? ...

— Я не хочу, чтобы он сбежал.

— А, эта...

Разочарованная, обиженная Талия побрела в темноту, к шлюзу для ящериц, и плюхнулась на песок перед ним. Только тогда Грип опустил Ньюта на песок, чтобы написать:

— [ты] [идти] | [жилище'] [наши-х]

Ньют сделал круг на подкашивающихся лапках, набрел на руку Грипа и только тогда заметил надпись.

— [я] [хотеть-не] | [идти'] [вниз'] — ответил он.

— [существовать] [я-в] [ты']

| [существовать] [меньше] [наши']

— продолжал дознание Грип.

Ньют отбежал в сторону.

— [я] [хотеть-не] [вышеупомянутое'] [я] [понимать]
| [ты] [хотеть] [есть'] [хвост'] [мой]
— написал он слегка дугой, будто бы сторонясь руки
Грипа.

— [я] [хотеть] [существовать'] [больше] [ты']
— признание заставило Ньюта уйти еще на один круг.

— [ты] [видеть] [я'] [в одного]
| [ты] [видеть-не] [я'] [внутри-в]
— продолжил тем временем Грип.

— [видеть-не] [ты'] — избирательно подтвердил Ньют.

— [ты] [опасный] [внутри-в]

— [я] [опасный] [наружу-в]

Оба недоуменно смотрели друг на друга.

— [существовать] [внутри-в] [животное] [ваши-х] [ты']
[опасный-не]

| [существовать] [внутри-в] [я] [ты'] [опасный]"
— уточнил Грип.

— [существовать] [меньше] [ты']

| [объясн-яй] [существовать'] [ты']

— [предмет] | [сложный]

Ньют возликовал:

— [я] | [знать]

— [ты] [хотеть-ли?] [существовать'] [больше] [ваши']

— спросил напоследок Грип.

— [истинно] | [истинно]

— [ты] [идти] | [жилище'] [наши-х]

Ньют залез на ладонь, Грип встал и помахал Талии левой

рукой.

— *Что там?!* — крикнула она на подходе.

— Мы идем домой, копировать это чучело, — смеялся Грип. Ньют, замороженный инопланетной речью, поворачивался на звук.

— А он согласен?

— Ну, он доволен как слон, что мы можем сделать больше их. Да пойдем, пойдем, сдадим его нашим биологам.

— Может и можем.

— А почему нет?

Талия остановилась поглядеть на остатки разговора перед тем как поднять светильник.

— Еще о чем-нибудь мне следует знать?

— Да нет, и так все понятно.

— Рада, что тебе понятно, — огрызнулась она.

— А что тебе непонятно? — Грип примерился, не повесить ли Ньюта на костюм.

— Что все это значит для отношений с ящерицами.

— В этом-то и проблема — снова захихикал Грип.

— Да хватит, а! Ведешь себя как ребенок! Хоть раз будь дипломатом, — отчитывала она его.

— Слушай, дипломат!... Мне тут обещали статую, в полный рост!... с ящерицей на плече!... — он никак не мог совладать со смехом. — А надо-то было с мозговым слизнем! Правда, уже не так круто?

— Хоть узнаем, как это выглядит, — смягчилась от его смеха

Талия.

- Почти надгробный! Памятник... — булькал Грип. — Ладно, пойдем. Надеюсь, ему хотя бы стыдно и все такое.
- Если нет, в банку его. Погоди, нам теперь нужна вторая клетка... И... — Талию тоже разобрал смех.
- Что?
- Потом расскажу, — отсмеялась она. — Кто понесет?
- Я. Чего, мой мозг он уже видел—
- Внутри или снаружи? ... Да костюма! Дурак, я не это имела в виду. Дай покажу—
- А! Снаружи, чего. Все одно если спрыгнет, ему там хвост отгрызут.
- Я все еще не— а, забей. Дай сюда.

Она подержала Ньюта, пока Грип одевался, а затем посадила его ему на плечо. Вместе они молча прошли мимо ящерицы, открыто следящей за ними издалека.

Прошлюзовавшись, Грип расстегнул капюшон и ухватил Ньюта обеими руками.

— Ну все, тащи какую-нибудь колбочку. И Марию.

Талия рванула по коридору в полном наружном облачении; замедлилась, когда из-за угла вывернула Сталина и устоялась на Грипа... нет, Ньюта:

- Вы опять его приперли? — пробормотала она, медленно сближаясь.
- Поуважительней к послу, между прочим! — опять зашелся жутким смехом Грип. — Талия, апартаменты!

Талия ушла быстрым шагом; в коридор прибежала Лиза, запаниковала и тут же скрылась — все это Сталина полностью игнорировала, подкрадываясь все ближе, ближе. Даже не мигая.

— *Мария! Пришло твое время!* — кричала вдалеке Талия.

— *Даже не смей* — доносилось в ответ.

— *Дэн! Вырубай связь! Сейчас же!* — остальное потонуло в криках Лизы. — *Что — когда?*

Сталина подошла почти вплотную, безотрывно глядя на мирно свисающего из рук Ньюта.

— А что это? — любопытствовал Грип.

— Да Лиза что-то капитально отстала от сюжета.

— Нет, что такое *связь*?

— «Коммуникации». Только Деревяшко ее опередил.

— Когда?

— Когда мы сообразили, что у нас послы друг друга убивают.

Снова прибежала Лиза:

— *Ой, а можно глянуть?*

Ее напрягали стойка и сосредоточенность Сталины.

— *Да, конечно,* — ничему не смущался Грип.

— *Это... все вообще не так, как я себе все представляла.*

— *Это? В смысле, ваш первый контакт?*

— *Ага...*

Лизу спугнули стремительно приближающиеся Мария и Талия с банкой.

— *Еще нужен песок,* — поприветствовал их Грип.

— *Потом его в большую пересадим,* — отмахнулась Мария.

- *Это из которой он уже один раз удрал?* — съязвила Сталина.
- *Что вы от меня хотите?!* — сорвалась Мария.
- *Песок!* — ответил Грип.
- *Ничего такого, что нельзя было бы исправить мотком старого доброго скотча,* — ухмылялась Талия.
- *Бедный парень не может говорить! Можно ему песка, пожалуйста?*
- *Эм, я могу сходить зачерпнуть,* — наконец-то хотя бы Талия восприняла просьбу серьезно.
- Мария приложила банку к Ньюту:
- *А расскажи еще раз, какого размера у посла почерк?* — издевалась она.
- *А, забейте,* — Грип сдал Ньюта Талии и, наконец-то, пока она трамбовала его в банку, смог начать стаскивать скафандр.
- *Вот вообще не так я себе все представляла,* — жаловалась себе под нос Лиза.
-

Под громкий гул всего экипажа, Грип ввалился в столовую первым, с банкой в руках.

- *Команда! У нас гость!* — триумфально анонсировал он, пока все вокруг рассаживались. — *Позвольте представить вам Ньюта, нашего друга оттуда, бесстрашного мозгового слизня, pilota ящерицы-подростка! Он не говорит на английском, ну, может, немного понимает,*

но совсем чуть-чуть. Ему придется пожить у нас, пока его небольшая семья немного не успокоится, потому что сейчас у них некоторые... как их... разногласия...

Грип наконец-то заметил, что окружающие не сильно-то его слушают. И даже на Ньюта почти не пялятся. Лиза что-то спросила у Марии и получила очень отрывистый ответ; Дмитро Иванович обменялся взглядами со Сталиной Филантьевной, по обыкновению охранявшей выход, а она кивнула ему в ответ...

— ... *Погодите-ка. Кхм. Что тут происходит?*

— *А ты не понимаешь?* — любопытствовал Деревяшко.

— *Ничегошеньки, и вы это знаете,* — ответила за Грипа Талия.

— *Что происходит?!* — повысил голос Грип, пресекая весь этот шум.

— *Ты имеешь в виду,* — не стала особо подбирать выражения Лиза, — *помимо того, что ты притащил инопланетное оружие для контроля разума?*

— *Ньют! не! оружие!* — голос Грипа снова и снова рассекал тишину. — ... *и он нас не контролирует! Я умер, забыли—*

— *подавим и все. И не такое дорабатывали—* — Мария увидела, как изменился в лице Грип, и запоздало прикусила язык.

— *Все?... Дорабатывали?* — артикулировал он слова по одному. — *И не такое дорабатывали?...*

Она не собиралась отвечать.

Раздавленный грузом осознания, Грип осел на диван между Талией и Деревяшко. Но не назад откинулся, а весь согнулся и утек вперед– так, что почти полностью закрыл своим телом банку от жестокой реальности –и на секунду выпал из нее, пока вокруг опять занималась трескотня.

(Не)этичны

— *Грип!*

Голоса затихали по одному.

— ... *через мой труп*, — его внимание зацепилось за фигуру речи Талии. Занятную фигуру—

— *Грип!* — не унималась Мария. — *Я так-то понимаю, что тебе ее не раздавить, но тем не ме— спасибо. Большое спасибо.*

К ее и Ньюта великому облегчению, Грип уселся прямо и уставился на Марию, вспоминая слова, затем прочистил горло и высказался:

— *Можно мы. просто. обсудим это. Как нормальные люди?*

— *Заметь, никто на тебя не кидается и не вырывает его из— эм, твоих побелевших пальцев.* — недовольно отметила Лиза.

— *Теперь-то ты осознаешь,* — забрала инициативу Сталина, — *как ужасно выйдет, попади Ньют в их—*

— *К НАМ?* — взвилась от такой наглости Мария. — *А представь тогда, что будет, попади контроль разума федералам!*

Такой... сценарий... Грипа радовал ничуть не больше.

— *Или и мы, и вы снимем по скану,* — предложил Деревяшко с каким-то особенно тяжелым акцентом. — *В конце концов—*

— *Как насчет «он не достанется никому»,* — перебил его Грип. — *Вы серьезно вообще? Они разумны, вы разумны, как вам такое вообще в голову пришло? Это... неправильно вдвойне.*

— *А что ты его принес тогда?* — любопытствовала Лиза.

— *... скопировать,* — ответил Грип упавшим голосом.

Мария в отчаяньи воздела руки к небу.

— *... а вы не можете его просто скопировать? Без сканирования—*

— *по-твоему это вообще должно—*

— *или стереть потом скан—*

— *И ты согласишься, что она его удалила?! —* полушипение Талии было возмущенным. Преданным.

— *Нет. Не думаю,*

Грип отпустил, наконец, банку и потер виски, глядя Ньюту в глаза. Тот стоял передними лапками на стекле, и изучающе глядел в ответ.

— *Тогда ни за что нельзя позволить им—*

— *но нам нужно—*

— *я знаю, но разве ты не видишь? Мы не можем—*

- Это уже нелепо, — откинулась Мария.
- Нет, это все серьезно, — возразил Грип. — Контроль разума это серьезно. Что, если они захватят—
- Нет, мы не будем переживать, не захватят ли они человечество, — влез со своим мнением Дмитро Иванович. — Это уже действительно было бы смешно.
- И вы не боитесь, что распечатаете их тысячами, — разгоряченно оппонировал ему Грип, — распираете по головам, а потом у них все-таки обнаружится телепатия? И теперь они все — один большой мегамозг с людьми—
- Грип, мы — продвинутая цивилизация космоплавателей, заселившая уже сотни планет. Полностью контролирующая все, что перемещается между ними. Им крупно повезет, если они захватят хотя бы одну. Это если телепатия вообще существует.
- Грип. Зачем ты вообще собрался его копировать?
- Ньют этого хочет, они вымирают! И они не могут делать новых себя.
- Хочешь сказать, что они неспособны к воспроизведению?
- Я не знаю, что значит—
- Что он сказал? Скажи мне в точности, что он сказал, ничего не выдумывая.
- Ничего не выдумывая? Или на английском? — голос Талии сочился сарказмом.
- Это был не он, это Второй, — поправил Грип.
- Второй? — загудела комната. — «Что еще за вторая

ящерица?»

— *Второй — это имя,* — поспешила прояснить Талия.

— *Второй ящерицы,* — добавил Грип.

— *Хорош прикалываться* — начала Мария.

— *нет, это правда!* — настаивала Талия.

— *и расскажи все сначала.*

— *Их было двое в этот раз,* — начала Талия. — *Ньют и другая, большая.*

— *Родитель, значит?* — развеселился Деревяшко.

— *У них нет родителей,* — влез Грип. — *Они были созданы все вместе.*

— *А вот эта штука, которая их создала?... — Марии не нравился такой рассказ.*

— *Кончилась,* — ответила Талия.

— *И когда я спросил у него, каков его знак, он ответил «второй», — продолжил Грип. — Ну вот я и спросил тогда, сколько их, и она написала «девять» и «два». Я переспросил «одинадцать-ли?», и она ответила «да».*

— *Ты уверен, что это не братьев-сестер? Семьи? Племени?*

— *Она сказала, что было больше, но теперь всего одинадцать.*

— *То есть я должна поверить, что на всей планете одинадцать разумных ящериц, и у них на одинадцатерых три формы слова «ты»?*

— *Это вообще ничего не доказывает,* — впервые высказался Ираклий Космович. — *Кроме, разве что, того, что их более трех.*

- *Одиннадцать или нет, Ньют хочет больше, — развернула разговор в нужное русло Талия.*
- *А другой? — любопытствовала Мария.*
- *... не... возражает, — тщательно подбирала слова Талия.*
- *Потому что ему уже без разницы, — тут же бросился объяснять Грип. — Потому что Ньют больше не часть их, потому что он меня убил—*
- *Второй был в ярости!*
- *О, он был в ярости еще когда узнал, что Ньют выходил погулять из тела. А когда узнал, что он убил меня, там он вообще на меня бросился!*
- *Он в смысле, что добраться до Ньюта.*
- *Да, чтобы откусить ему хвост!*
- *... Вау, — озвучила общее мнение Лиза.*
- *Короче, Грип теперь считает, что Ньюта изгнали, — подытожила Талия. — А я не уверена, зато уверена, что они — противники убийств.*
- *Ну, их всего одиннадцать, — Деревяшко не уточнил, было ли это аргументом за или против теории Грипа.*

Это навело Марию на мысль:

- *Лучше починить им репродуктивный механизм, чем просто их копировать.*
- *Она сказала: нету больше этой штуки, — качала головой Талия.*
- *То есть у нас есть только Ньют, — рассудила Лиза. — И так, и так его сканировать.*
- *Ну вот почему всегда так... — подбирал слова Грип. —*

Только найдешь что-то хорошее, и вот двадцать пять... плохих применений.

— *Мой папа говорит, что так вот оно,* — Талия тоже была не в восторге. — *И что надо просто смириться.*

На другой стороне комнаты Лиза что-то спросила у Марии, и они принялись спорить тихими, обеспокоенными голосами.

— *Не хочу и не буду,* — покрепче обхватил банку Грип.

— *Ну даешь, спасаешь мир от Ньюта,* — Талия нашла это смешным.

— Да не пытаюсь я мир спасти! Наконец-то мы не одни во вселенной, и мы в ней причем типа мудрые и продвинутые; а хочу я, чтобы они свернули это свое глупое «мы» да «они», — Грип переключился на русский ради выразительности.

Ньют перестал мотать головой за голосом, и трещал на Грипа, чтобы его не трясло.

— *—не выживет, я все равно стану самым известным зоологом,* — заполнила паузу нервная шутка Марии.

— *Уж извини, что ты самый умный и продвинутый в этой комнате, а они все не дотягивают,* — Талия издевалась не над Грипом, а над взрослыми — *Я тоже хочу, чтобы они все решили миром.*

— Мирно? Ты поэтому пошла в разведчики, чтобы добавить мира во всем мире? — Грип неправильно истолковал, кто был объектом насмешки.

— Я и ходить-то еще не умела.

— Было дело, — ностальгически подтвердил с другого конца

дивана Деревяшко.

— Аргх, ладно, хоть перегрызитесь. Они хотят пихать разумное в голову разумным, и ни тех, ни других спрашивать не собираются.

— Не собираются, — горьким эхом повторила Талия.

— И вот наши не собираются или ваши — меня интересует меньше всего вообще.

— Ой, да и те будут и эти будут.

— Ваши, наши, не важно, смотри, ты готова жить дальнейшую часть своей жизни с мыслью, что тебе в ухо в любой момент может залезть разумный червяк и начать тобой рулить?

— Пфф! Чем?! — от нервного смеха Талии комната постепенно умолкла. — А я вообще привитая— а, не, я от... умирания.

— Пам-пам-пам, — протянул Грип. — Как шея, не чешется?

— Мда, — отсмеялась Талия. — Теперь, когда они знают, чего они хотят, они найдут, как этого добиться. Даже если выпустим Ньюта — прочешут пустыню и по одному их— хотя, ладно, а может и нет, — в ее голосе прорезалась надежда. — Так себе ход, дипломатически говоря.

— Знаешь, что здорово? — Грип ткнул пальцем в полоток. — Они еще ничего не знают.

— Это да, — поддержала его Талия. — В этом смысле я прямо рада, что ты умер.

— Ага. Теперь и ты привитая, и связи нет, одни плюсы.

— Типа того... не дуйся.

— Да нет, я вообще не на это обижаюсь. Я сейчас обижаюсь в целом на наш уродский мир, — Грип повысил голос, обращаясь ко всей комнате. — *А можно нам клетку?*

— *Клетку?* — эхом отозвалась Сталина.

— *Да, в которой посол смог бы, ну, хвост хоть вытянул.*

— *Сюда?*

— *Да, да, чего вы ждете?*

Она неохотно повиновалась.

— *А вы что думаете?* — спросил Грип у Деревяшко.

— *Я?*

Дмитро Иванович поднял ладонь и посмотрел на нее, будто на просвет.

— *В отпуск тебе надо. Как насчет дня через три?*

— *Чтобы вы тут все его без меня—*

— *Нет, я сказал «через три». Куда бы ты хотел отправиться?*

— *Домой? Это сейчас прям самое неважное.*

— *Не хочу, чтобы ты уработался до настоящего нервного срыва. Особенно если он нагрянет не посреди ночи, а посреди важных переговоров.*

— *Вы видите, что происходит—*

— *Именно, а потом случится еще что-нибудь поважнее, так что давай, еще неделю и не больше.*

— *Слушайте, как вы мне прикажете расслабиться?* — Грип обнял банку покрепче.

— *Мне нужен хотя бы кто-то один,* — повысила голос Мария. — *Кто-то должен заставить эту штуку сидеть*

смирно, и ту штуку внутри этой штуки. И мне нужна связь. И вся помощь, которая найдется.

Последняя фраза была обращена к Лизе, которая неохотно кивала в ответ. Талия терла глаза.

— Ты в курсе, о чем это они? — тихо спросил ее Грип.

— Она помогает ей думать. Это сейчас не важно, — прошептала она в ответ.

Эта фраза внезапно вызвала у Деревяшки понимающий кивок, будто бы она все объясняла, а вот Грипа только сильнее смутила:

— Смилуйся, а.

— Они соединяют мозги. Проводом. Чтобы быстрее думать. Недоумение все сильнее перекашивало лицо Грипа с каждой новой подробностью.

— Ты мне лучше скажи, что мы Ньюту скажем, — Талии соединение мозгов интересной темой не казалось.

— В смысле? Ты там не управляй людьми? Не дай им управлять тобой людьми?

— Грип, он, по сути, живет в ящерице. Я не думаю, что он проникнется—

— —не это имел в виду.

— А что ты имел в виду?

Сталина вернулась с клеткой.

— Так, у меня вопрос к моральной составляющей твоей личности. Она как, не считает себя обязанной рассказать ему, что люди вокруг него видят в нем только оружие?

— Ты иногда так завернешь, что даже мне непонятно, —

посетовала Талия. — Профессиональная составляющая моей личности требует, чтобы я заткнулась, пока не продумала план.

— Но он хотя бы понимает ценность жизни.

— Это так.

— Только кончается она на разумных, потому что ящериц они жрут только так—

— Они едят только мух!

— Кто-нибудь видел этих мух?

— Так, назад. К тому, что ты сейчас говорил. Ты учти еще, что он... Ньют. Не самый образцовый ящериный гражданин.

Дмитро Иванович как-то странно переглядывался с Ираклием Космовичем. Пару раундов гляделок спустя они кивнули и синхронно встали. Грип напрягся, но они просто разминулись и поменялись местами; Деревяшко тут же заговорил с Лизой по-английски, а Ираклий Космович еще долго шел до дивана.

— Совершенно солидарен, Грип, — наконец прокряхтел он, присаживаясь.

— С чем?

— Особенно в той части, которая «вот почему всегда так».

— А вы бы как поступили?

— Ну уж точно не подсаживал разумное к разумному. Это... чудовищно. Я надеюсь, мы этого всего еще не умеем, и, было бы ужасно, окажись Ньют недостающим звеном или чем там еще. Никогда не принимал вот это «кто-то должен изобрести бомбу». В общем, дети, горжусь. Если понадо-

бится его прятать, я в деле, — подмигнул он.

— Ха-ха, не будет-, — позабыв, что уже произносит одну фразу, Талия перескочила на самый край дивана. — *Мэри!*

— Чего? — развернули головы на той стороне.

— *Завтра к вечеру докопируешь?*

— *Издеваешься? Я даже не знаю, что я замораживаю!*

— *А за ночь?*

— *Ты его погубить хочешь?*

— Ну вот видите, в прятки играть не надо.

— *Никакого давления,* — отметила Мария под смех своей компании.

— Но значит завтра нам идти без копии, — продолжила Талия.

— Да-

— Можешь отдать его мне.

От неожиданной реплики невеста откуда взявшейся Сталины Грипа аж передернуло.

— Вам?! С чего вдруг я отдал бы его вам?!

— ... Потому, что я единственная, кто гарантирует тебе, что больше никто его не получит? — голос Сталины лился до зловещего спокойно.

— Я его. Вам. Не отдам, — Грип неубедительно скопировал ее интонацию.

— Как скажешь, — ответила она, и перешла на ту сторону.

— Вау, — неодобрительно подытожил Ираклий Космович.

— Я его ей не отдам, — повторил потрясенный Грип. — Я не

знаю, чего она ожидала.

— Я знаю, где лежит ящеринный фриз, — заявила пресным голосом Талия. — Стырить? Чтоб их замедлить.

— Угу. Скорее да, чем нет.

— А можно с ним поговорить? — Ираклий Космович махнул в сторону Ньюта.

— Да, а чего бы нет.

— Формально точно нельзя. Можно только вам.

Грип повернулся к Талии.

— Смотреть, как мы говорим, точно можно. Писать самим, только если при мне. И хотя бы на Гриповом уровне тактичности.

Грип хихикал, в такт хихиканью сотрясалась банка.

— Нам не помешает помощь с договором о клонировании, — предложил он.

— Договором о клонировании? — сощурилась Талия.

— Который надо подписать перед тем, как его клонируют.

— Ты сам что-нибудь та— постой-ка, у нас же сегодня точка сохранения!

— Да ладно?

— Да, смотри, тебя сканируем, а он пусть увидит, что это не страшно—

— —Погоди, почему—

— —сейчас вернусь.

Она спрыгнула с дивана и ушла к другой группе, потом встала за ними.

— Я бы предпочел, чтобы вы сгладили ситуацию, а не лезли на рожон, — Ираклий Космович, за неимением другого возмутителя спокойствия, обращался к Грипу.

— А может пусть это они успокоятся со своими—

Он продолжал пялиться на Талию, так что она резко повернула голову и исчезла прежде чем Грип нашарил взглядом Сталину и понял, что его провели.

— Ты, может, пропустил это в пылу момента, но Лиза права. Никто у тебя Ньюта силой не отбирает—

— —что интересно—

— —и в твоих интересах, чтобы и дальше все было в рамках приличия. Согласен?

— Да. Зачем меня опять сканировать, меня же только распечатали?

— Не, она права, график: день ты был в порядке, день тебя не было, и вот сегодня, — загибал пальцы Ираклий Космович.

Грип кивнул:

— Хотя бы не придется перепроходить алгебру.

— Хе. Везет мне, а? Изучаю всю жизнь мертвые и вымирающие языки, вот мы находим новый, и, говоришь, у него всего одиннадцать носителей? — жаловался Ираклий Космович. — Но есть и светлая сторона. Если их всего одиннадцать, они, должно быть, очень старые, если вообще не бессмертные.

— Допустим.

— Представь, веками жить в таком сплоченном коллективе.

Может есть и чего хорошего у них почерпнуть: как дожить до двухсот и не поехать кукухой?

— А?

— Власть имущим это точно придется по душе. Знаешь, сколько Свободину? Я еще не родился, а он уже был.

— Для такого надо на минуточку перестать только и думать, как бы нам друг другу навредить, — горько сетовал Грип.

— *Ну так это, что делаем-то?* — повысил голос Деревяшко.

— *Погодите. А где Талия?* — Сталина спросила Грипа.

— *Она передо мной не отчитывается,* — опустил он глаза и достал телефон.

— *Вас надо сегодня отсканировать. С этой-то штукой на борту.*

Грип отправил Талии три вопросительных знака. Сталина вышла, и не прошло и десяти секунд, как вернулась Талия, запрыгнула на диван и стала проверять телефон.

— Надо объяснить ему все про заморозку, — обратился к ней Грип.

Она кивнула в ответ.

— Так что когда они меня заморозят, ты там как-нибудь объясни, что нам надо его, а не его ящерицу— Нет, я не знаю как, потому и спрашиваю. Надо ему втолковать, чтобы сидел смирно, и это все ему же надо, чтоб...

Оба отвлеклись на то, как Ираклий Космович ведет по банке пальцем, а Ньют вертится вслед за ним.

— Не переживай. Что-нибудь придумаю, — наконец загово-

- рила Талия. — И прослежу за ним, пока тебя нет.
- А я за тем, хорошо ли следит за тобой Сталина, — пошутил Ираклий Космович.
- —внучка за бабу, бабу за деду — декламировал Грип.
- Расслабьтесь. Не могут они еще его копировать. Не готовы. А где Сталина, кстати?
- Тебя ищет!
- *Вот ты где,* — вернулась Сталина.
- *Наконец-то!* — Деревяшко не стал вникать, кто там кого ищет. — *Что делаем? Сканируем дважды?*
- *Нет,* — настаивала Талия.
- *Собираем вещички и улетаем,* — заявил начальнику Грип.
- *Нравится мне эта идея все больше и больше.*
- *Я не против,* — ответил он.
- *Но я помочь хочу. Вы не ту проблему решаете,* — обратился Грип к Марии. — *Можете починить им этот репро— эм—*
- *Так это тоже сканировать надо. И еще куча всего,* — поморщилась она.
- Сталина Филантьевна...
- Да?
- *У вас всяко на любой случай есть протокол. Что там на случай страшного секрета? Только не говорите, что просто все всех убивают.*
- *Хорошо, не буду. Но сначала оставляют предупреждение и минимизируют шансы повторного обнаружения.*
- *Что? Да ладно... не может быть, чтобы ни разу не было*

- какого-нибудь... взаимного уничтожения документов?
- Меня учили, что нет такого. Смотри, как это работает? Мы им говорим, что все стерли, они — нам, и что? Как проверить, как убедиться?
- Уничтожить... — Грип был на грани паники.
- Уничтожить что? Они могут спрятать и переправить это куда захотят. Просто в любой достаточно большой кусок данных можно засунуть скан.
- Мы в ловушке, — пискнула Талия.
- Что ты хочешь — голос Грипа дрогнул.
- Еще нет, — возразил Деревяшко.
- Что бы вы там, ребята, не удумали, — медленно произнес Ираклий Космович, — дайте мне выйти, пока не закроете дверь.
- Никто не будет ничего закрывать, — заговорила Мария.
- Они просто слишком бурно реагируют.
- Вы хотите людей превратить в зомби, чтобы они делали что вам —
- Вот, видите?
- Костяшки Грипа снова побелели.
- Не драматизируй, — влез Дмитро Иванович. — Мы не мультяшные злодеи, людей в зомби превращать. Как будто нету дешевле способа заставить людей делать —
- Типа, объявить их врагами народа? — вспыхнула Талия.
- Типа, отобрать у всех базовые права и продавать их обратно, — ухмыльнулась в ответ Сталина.
- Да как ты —

— Да заткнитесь вы, обе, — гаркнула Мария с отвращением, напугав Лизу. — Только вашей грызни сейчас не хватало.

— Так, ясно. Нам всем нужно время все обдумать, — кивнул Деревяшко. — Но и расходиться на такой ноте не хочется. Быстро, накидайте что-нибудь позитивного на прощание.

— Мы пока не — пискнула Талия.

— Мороженое — предложил Марии Грип, завладев всеобщим вниманием.

— Что, прости? — обеспокоенно глядела на него Сталина.

— Он просил «позитивного». Я знаю, у вас есть — снова обратился к Марии Грип. — Ау! Ты чего творишь? — под недовольный треск Ньюта он прикрыл от Талии ребра ладонью.

— Ладно! Как скажешь! — сорвалась и убежала Мария.

— А... что происходит? — интересовался Деревяшко.

— Мария печатала мороженое и мы его ели, — призналась Талия.

— Не, ну тут жарко, конечно, — кивал он, а сам прикидывал стоимость такой выходки.

— Вы просили что-то позитивное, — объяснялся Грип, не вынеся молчания. — Не знаю, что вам приходит в голову позитивного, мне вот мороженое.

Хотя бы Сталина перестала смотреть на него, как на душевнобольного.

Комната затихла, прислушиваясь к торопливым шагам Марии.

— *Мороженое! Всем мороженое!* — ворвалась она в комнату с невзрачным контейнером, притягивая людей как магнит. — *И тебе, спаситель человечества!... И тебе, воришка паралитика!... И тебе, фигура отца-диссоциата!*—

— Извини, — тихо сказал Грип Талии, ожидая еще тычок.

— *Правда, ложки у меня только две, так что вы уж там сообразите что-нибудь.*

— *Я достану стаканы,* — Сталина Филантьевна уже шарила по шкафам.

— *Вы с едой смешайте, надо с едой смешать, а то оно пресное, как лед,* — спрыгнула с дивана Талия и в движение пришли уже вообще все.

— *А я все, я — спать,* — продолжала Мария, — *Пока вы—*

— *Не так быстро,* — заставила ее сморщиться Талия. — *Точка сохранения!*

— *... Ну так пойдём?*

— *Нет, сначала я слежу за Ньютом, чтобы он посмотрел, как сканируют Грипа.*

— *Да ну вас!*

— *Сталина!* — радостно делился шуткой Ираклий Космович, — *Я слежу за тобой! Не вздумай отвлекаться от нее—*

Издав проникновенный стон, Мария растянулась на освободившемся диване.

Ньют вылез из банки на песок, где демонстративно вытянул хвост.

— *Извини, старина,* — сочувственно бормотал ему Грип.

Под громкий топот вернулась Талия с пачкой бумаги.

— Держи!

— Спасибо!

— Эй, мне оставь немного.

— [показыва-й] | [знаки'] — попросил Грип Ньюта не трещать.

— [показыва-й] | [объясн-яй]

— [я] [идти] [предмет'] [сложный]

| [ты] [видеть] [я'] [идти] — Грип писал и прижимал бумагу к стеклу.

Ньют изучал ее с болезненно близкого расстояния.

— [существовать] [ты'] [новый-ли?] — у Ньюта было не особо много места на самовыражение.

— [предмет] [знать] [я']

| [я] [идти] [наружу']

Ньют снова затрещал, и Грип отдернул бумажку, чтобы растолковать:

— [ты] [существовать] [меньше] [я']

| [предмет] [существовать] [больше] [я']

— [я] [существовать-не] [меньше] [ты'] — нервно писал Ньют.

— [ты] [мочь] [существовать'] [многие-ли?] [наружу-в]" — написал Грип, но передумал:

- [мочь] [существовать'] [наружу-в] [животн-ого] [ты']
| [многие-ли?] [существовать] [солнце'] [существовать-не]
[солнце']
- [существовать] [вверх-в] [солнце'] | [мочь-не] [существовать']
[я'] — кратко растолковал ситуацию Ньют.
- Надо говорить ему, чтобы он вылез? Когда сканировать,
— сказал Грип Талии.

Они с Ираклием Космовичем были погружены в рисование
схемы на сложенном листе.

- Или снаружи опасно и его испарит—
- Так, перестань, — перебила его Талия. — Это потом.
Оставь это Марии.
- [существовать] [предмет-в] [сложный] [я'] [мочь-не] [идти']
[предмет-в] [сложный] — написал Грип без какой-то
заметной ответной реакции.

— Вот, зацени!

- [я] [идти] [предмет'] [сложный]
| [ты] [видеть] [я'] [идти] — снова показывал Грип, а сам
читал путаную диаграмму Талии:

- [идти] [предмет'] [сложный] >
| [существовать] [предмет-в] [сложный] >
| [идти-не] [предмет-в] [сложный] >
| [предмет] [сложный] [знать] >
| [идти-не] >
| [существовать] [вверх-в] [солнце'] >
| [идти]

— Прекрасно. То что нужно.

Талия обвела первый столбец, поместила сложенный лист в банку и постучала по нему. Ньют вползал в банку черепашьям шагом, будто надеялся, что в любую секунду дети передумают.

— *Иди*, — проинструктировал его Грип учительским голосом. — *Давайте уже.*

(Не)согласны

В очередной раз перевернувшись с боку на бок, Грип на секунду открыл глаза и прищурился, заметив на перемотанной скотчем клетке бумажку. Теперь ему просто необходимо было разобрать, что это за ШШШШШШ такое на ней написано. Кривой-косой заборчик из палочек декодированию ни во что более вменяемое не поддавался, пока Грип не взял в толк, что это и есть наспех написанное ШШШШШШ. А к тому моменту сон уже ушел.

Сверху же, с кровати, он высмотрел в углу клетки неподвижно лежащую ящерицу, принялся гадать, Ньют это или нет, и как-то незаметно перешел на переживания, живой он там или как.

В комнату заглянул Дмитро Иванович, заметил, что Грипу не спится, и сложил ладони вместе, склонив на них голову. Грип слегка-слегка помотал головой; ответный жест уходя-

щего начальника остался, по большей части, скрыт стеной. Оставалось только гадать, что он имел в виду. Эх. Ничего интересного в телефоне. Можно и вставать.

Как ни старался Грип слезть тихо, от гулкого звука контакта с полом ящерка содрогнулась. Так что он замер на несколько долгих минут, и только потом придвинулся ближе: убедиться, что это Ньют, причем новой модели. Потом просто долго сидел напротив. Мысли бурлили, но в складные идеи никак не собирались.

Наконец он встал, забрал чистый костюм и ушел в душ тихими коридорами. Проходя мимо столовой, он впервые увидел Талию до того, как она его заметила. Без кос, лохматая, тихая и спокойная, она завтракала, пялясь на шкафчик с едой. В ней было не узнать вечно готовый заколебать всех и каждого сгусток энергии. Грип нарочито медленно помахал ей рукой, проходя мимо.

На пути назад из душа в столовой были уже двое. Деревяшко и Талия залипали в телефоны по разные стороны дивана, и на плюхнувшегося между ними Грипа почти не отреагировали. Где только их манеры? Агенты, ага. И что с волосами?

— Как прошло? — тихо-тихо спросил Грип.

— Не больно-то много он смог увидеть, — с усилием переключила контекст Талия. — Но допер, что мы тебя копируем, и давай требовать, чтобы он был следующим. А мы такие «нет», и он забил нас слушать.

— Так—

— Просто твердил, что мы не хотим.

— Так. И как вы это объяснили?

— Э, да никак. Это ты у нас хорош такое объяснять, так что...

— А что, Ираклий Космович не помог?

— Нет— это вообще странно было, Грип. Я думала, у него куча вопросов к Ньюту, а в итоге, кажется, что они поговорили... просто для галочки, типа, «а я поговорил с ящерицей».

Она прервалась на зевок.

— Ну ты сам знаешь, как это, когда ты что-то сказал, Ньют что-то сказал, вообще не понятно, поняли ли вы друг друга, только тут еще Ираклий Космович смотрит на тебя, будто эксперимент надо мной ставит.

— Над тобой?

— А я что сказала? Словно Ньют так правильно пишет, что его и читать неинтересно. То ли дело мои каракули.

— И?

— Ну мы засунули его— да, он жаловался на свет, свет мы приглушили, а потом меня сканировали, так что не знаю.

Грип сходил себе за тубиком, а на обратно пути заглянул к Талии в телефон.

— Чего там читаешь?

Он пытался сосредоточиться на тексте, по которому она скакала, но то буквы в слова не собирались, то слова не имели смысла.

— Законы, — снова зевнула она. — Наши.

— А?

— Прикидывает, как сильно ей влетит за закрытие планеты, — ответил за нее Деревяшко. — Не смотри на меня так, у них не законы, а невесть что вообще.

— Нет, в смысле, «закрытие планеты»?

— А, вчерашняя идея — не твоя ли это была идея, а? Отключить связь —

— Так вы уже.

— Нет, в смысле, включить и сразу: ш-ш-ш, ничего не передавать, только прием. Вот этот большой кусок данных — это Грип, потом вот эти тридцать кило это —

— Бумажки Ираклия Космовича, — влезла Талия.

— Красотка, — похвалил ее Деревяшко, когда они отсмеялись. — Короче, мы все сваливаем, а потом «не-не-не» и отрубаем связь насовсем.

— Пока они не изобретут себе мозговых слизней сами?

— Пока они не пригонят сюда другой корабль и не включат все обратно. Скорее всего, — прокомментировала Талия.

— Так что лет через десять-тридцать они все равно прилетят и постучатся. Может позже. Но не раньше.

— А почему?

— А как? Тут рядом ведь больше нет никого.

Грип задумался и забыл про еду.

— Если что, она не имела в виду, что мы тут разведем Робинзонаду на 28 лет, — уточнил Деревяшко. — Клонировем ящериц и убиваем себя.

— Но этого мало. Если мы не починим им размножение,

какой с этого прок?

— Очень себе такой, — возразила Талия. — Двадцать две головы лучше одиннадцати. Выше шанс, что они доживут до— так, нет, забудь, они уже станут бессмертными.

— Ага.

— Надо будет их где-то сохранить в надежном месте... Да, и... Не думаю, что Марии хватит духу их починить. А других людей мы привлекать не можем.

— Почему— Так, ладно, это понятно, но— Можем мы тогда распечатать тех, кто здесь был раньше?

— Мы не будем печатать людей без их согласия, — заявил Деревяшко тоном, не терпящим возражений.

— Да, — кивала Талия. — Я надеюсь, Мария не рассыпется под давлением. Мы и так от нее требуем, чтобы она в одного отсканировала и не убила Ньюта—

— Вдвоем, ты хотела сказать? В четыре руки, две головы?

— От этого ее крыша только быстрее поедет.

— Я знал, что ее тут не просто так забыли, — Дмитро Иванович кивнул Грипу так, будто у них был общий секрет.

— Кого, Лизу?

— Ага. «У нас здесь, в глубинном космосе, не бывает случайных людей», — процитировал классика Деревяшко.

Грип тут же начал тянуть руку, будто в классе. Но, после любопытствующего кивка Дмитро Ивановича, не назвал ни книгу, ни хотя бы фильм, а, вместо этого, молча ткнул себя пальцем в грудь, указывая на ближайшее исключение из правила. Дмитро Ивановича это слегка повеселило, но и

раскрывать тему он никак не стал. Что-то было жутковатое в том, как он витал в облаках, пока с ним не заговоришь.

— Что ящерицам-то сегодня скажем? — спросила Талия.

— Правду, — не понял вопроса Грип.

— Правду? — у нее округлились глаза, и она отложила телефон. — Ты тогда начинай готовиться, а то наша правда, она такая... В прошлый раз мы уже разболтали, что знаем их секрет, правда чего они делали из этого секрет, я не по—

— —тому, что не делали они из этого секрета, они просто и не думали, что мы не такие же, как они. Это не был секрет! Он когда мне в ухо лез, чтобы познакомиться, он как бы не ожидал—

— —что за правильность тогда Ньют сломал?

— Ну так, сделал нас меньше.

— Это потом уже, когда Второй на тебя попер. А первый раз он тогда что злился? Полез туда, где занято? — она хихикнула.

— Ну, тоже теория.

— Короче, и теперь мы улетаем. Но не улетаем—

— —улетаем, но не мы, так что—

— —себе мы, просто другие, и теперь это нам нужен ваш мозг, причем все.

— И зачем?

— Чтобы было. Но так, чтобы у нас его не было, а только было вас больше, а то вдруг вы все от чего-нибудь умрете? От чего? Да мало ли от чего! Вы не отвлекайтесь, а

давайте, все одиннадцать в рядок строим топайте в ту страшную машину, из-за которой вы с прошлой группой перестали разговаривать. Лично мы, кстати, считаем, что это дело плохое, не надо вам в эту машину. Мы с нашими из-за этого так разругались, что теперь вообще все улетаем, а часть остается, чтобы—

— Понял я, понял. Про это все лучше вообще промолчим. Мы хотим помочь, мы хотим копировать...

— Только что-то не копируем, — удовлетворенно откинулась обратно она и снова взялась за телефон.

— Слушай, я вот еще что хотел спросить, — не сразу обратился Грип к Талии. — Как работают ваши секреты? Что можно рассказывать, а что нет?...

— ... э, ровно как и ваши? — нахмурилась напарница.

— Потом дома решаем, что секретно, а что нет, после миссии.

Деревяшко поднял бровь, услышав «дома», но комментировать не стал.

— А до возвращения?

— Они все равно контролируют всю связь? — она вернулась к чтению.

— Хорошо быть за шпионов, да? — тут же спросил Деревяшко.

Грип несколько раз изменился в лице, прежде чем понял, что вопрос был не ему. Дмитро Иванович это заметил и уточнил:

— Будь вы двое дипломаты, вам двоим хвосты бы уже

пообкусали. С корнем.

— За что? Мы же сохранили отношения.

— Сохранили? Вы их собираетесь вообще порвать! — веселился он. — Тебе прям по пунктам рассказать, что вы сделали неправильно— пардон, недипломатично?

— Ага, особенно с учетом того, что официальных дипломатов отсюда уже поперли.

— Это были контактеры, это другое. У дипломатов все было бы по другому, начиная с целей. Нет порядков строже чем у дипломатской братии; ни чихнуть... однако, бедным без указки партии.

— Ну да, но я вот чего не могу понять... Вся наша человеческая тупость, которую мы на них обрушим, они же даже правил наших не знают.

— В смысле? А ты сам-то знаешь?

— Ой, да по-любому там одни тонкости да хороводы бестолковые, что, нет что ли? Типа, не знаю, у меня есть конфеты, дипломату хочется конфет, и вот он ноет и корчится, но никогда прямо не попросит?

— Я прям не могу решить, ничего ты не смыслишь в нашей дипломатии, или наоборот, прошаренный, — ухмылялся Дмитро Иванович.

— А тут ящерицы, может их детям конфет нельзя, а может они из них дома строят, это ж совсем беда. А главное что: наших ужимок и хлюпов ящерицам вообще никогда не понять! Как прикажете им эту нашу дипломатию объяснить?

- А, ну ты дал, конечно, объяснить. Тут-то тебя и отзовут. Дипломатия наша, она про извлечение выгоды.
- И как, классно же мы справляемся? Третий день, а ящерица уже сама в телепорт просится?
- О да, или на третий день бы тебя отозвали. Еще теплым трупиком.
- Шаг влево, шаг вправо, — пробормотала Талия.
- Нет, ясен пень, если мы будем конфеты силой отбирать—
- Нет, это ты не понял, — она уставилась ему в глаза. — У дипломатов там все так поставлено, что тебе и в голову не придет отклониться от протокола.
- Ну что ж, видимо, не выйдет из меня дипломата—
- Не то, чтоб тебя к ним кто-то звал, — пожал плечами Деревяшко. — Вот она могла бы, если захотела, она эту кухню знает изнутри.
- —да и шпион из меня тоже так себе, — закончил мысль Грип.
- Просто каждый хорош на своем месте. Кроме тех, кто на нем опасно хорош, — загадочно брякнул начальник.
- Так вот, дорогая моя коллега, как у вас работает пресса?...
- Ну, всякие там журналисты—
- Чего? Уж получше, чем у вас, — захихикала она. — Это точно.
- Ты чего там удумал? — спросил Деревяшко своим обычным любопытствующим тоном.
- Не, пока ничего, я просто спросить... Не доводилось никогда писать статей?

— Чего? Нет.

— Ладно, но уж читать-то доводилось?

— Я, э, я не—

— Ой да хорош. Доводилось, конечно, — перебил ее Деревяшко. — Давай, скажи, что не читала ни одной после—

— Скажем так, я... обращалась к людям через прессу.

— Что? — Грип засмотрелся, как часто меняется ее выражение лица.

— Ну-ка стоп, — остановилась она на недоверии. — Только не говори мне, что ты так и не читал мое дело.

— А где я его возьму, связи-то—

— до этого было три—

— Сталина-то не преминула бы поделиться копией, — вставил Деревяшко.

— Невероятно... Ну все, оформим это официально, — похлопала она напарника по плечу, — объявляю тебя валенком, на всю голову, отныне и во веки веков.

Она откинулась обратно, пялясь на Грипа, будто впервые его видела:

— Я-то думала, у тебя были причины мне не доверять, а ты...

— Так, я правда не читал твое дело, и не очень-то хочу. Расскажи мне так, что я там найду?

— Ну, она у нас активист, — Дмитро Иванович открыл ящик Пандоры.

— ... и как ты все успеваешь? — спросил Грип, чьи любопыт-

ные представления об активизме были продиктованы одноименным явлением в Федерации. — Погоди, ты же шпионка, как ты тогда—

— С тех пор, как он меня поймал, все знают, что я шпионка.

— Так, а ты у нас активист по какой линии?

Несколько тяжелых секунд потребовалось Талии, чтобы уместить дело всей жизни в один слоган.

— Власть — детям.

— Что?... А... после того, как все конфеты будут захвачены, потом что?

— В смысле, я, может, и буду слишком старой, но, может, смогу вырастить правильных детей...

— —дети, если ты не заметила— Правильных? Это как—

— Как я. Умных, заботящихся о будущем, долгосрочном. Которые защитили бы ящериц, даже если никто не просит— даже если им за это влетит.

— —заводы бы взрывали— — не смог не подлить масла в огонь Деревяшко.

— —понятно, но— Какие еще заводы?... Которые делают неправильных детей?

Шутка Грипа не зашла.

— Урано-обогащительный, если мне не изменяет память, — ответил Деревяшко, раз уж спросили. — Это, в общем-то, их дело. Пока это их заводы.

Грип прервался на глубокий вдох и выдох. Талия спряталась за телефоном, как-то странно водя пальцем по экрану.

— А что насчет твоего первого вопроса, я думаю, она

отлично совмещает. Жизнь открытого агента так-то довольно скучная, вот и—

— Скучная?! — взорвался Грип. — Я еще в пятницу на Розарио после школы в футбол гонял и в ус не—

— могли бы и тут сыграть, между прочим— — внимание Талии зацепилось за самую невинную деталь в монологе Грипа.

— скучная? Я-то еще ни одного завода не взорвал, а мне уже скоро одиннадцать.

— Ну, еще вся жизнь впереди, — подавил зевок Деревяшко.

— Так, ладно, один вопрос у меня все-таки есть. Как так вышло, что ты — шпион, когда твой папа — перебежчик?

— А какое— А как так вышло, что ты — шпион, когда твой папа — диссидент? — беззубо парировала она. — Какая вообще разница?

— Эй, его еще даже не осудили, — заметил Дмитро Иванович из глубин своей прострации.

Грип скрыл свое удивление и напрягся, считая про себя месяцы.

— Дайте-ка угадаю, и теперь уже и не осудят, — издевалась Талия. — Да здравствует самый лучший суд в мире.

— Разве что после вашего, — насмеялся Деревяшко. — Вот чего ты там копаешься? Как будто непонятно: захотят, так приговорят.

— Я? Я рисую вообще.

Она продемонстрировала ему экран, на котором красовался, э...

— Что это? Это... глаза? — щурился Грип.

— Правильно! — она была горда собой. — Я думаю, они будут на стебельках.

— ... Я— Я не понял.

— А если так?

Она дорисовала колесам спицы, и докинула еще три линии, уходящие аж за экран.

— Слушай, извини—

— Ну Ньют же! Настоящий—

— А-а-а! Ха-ха, окей, почему нет, только— только зачем колеса?

Экран слишком трясся от их смеха, чтобы выискивать там дополнительные подсказки.

— Ну ты сам же переживал, что он нас всех переубивает! Только представь, сколько ему придется проползти за одну ночь!

— А что они сделают со мной?

— С тобой? Думаю, ничего, — Ираклий Космович не разделял его переживаний, но и не отметал их. — Что они могут сделать ребенку? Это будет какое-то новое дно.

— Не может быть, чтобы это то, чего они от меня хотели. Не может быть, чтобы меня никак не хотели наказать.

— Ну, в каком-то смысле тебя накажут.

— Это в каком?

— Ну, скажем так... ты сейчас в отличном положении, чтобы

сдружиться с очень влиятельными людьми. Но только если дашь им то, чего они хотят. Или дашь что-то, и убедишь, что этого-то они и хотели.

— И что, что мне с того?

— И правда. Образование, в первую очередь, с учетом твоего возраста. Это самое полезное. Любой университет Федерации сочтет за честь принять тебя. Кто знает, может и к кулакам нашел бы дорожку.

— А если нет?

— Нет, не в смысле, что сразу в черный список, нет. Будешь выгребать сам. Как и все.

— Звучит не так уж и плохо.

— Ну, и да и нет, парень. И да, и нет.

— ... А вы будете? Ну, скучать? По этому месту?

— Скорей нет, положи руку на сердце. С моей работой вообще не так важно, где сидеть. Жены моей уже нет, у детей всех свои семьи, так что... Вот по чему я точно скучать не стану, так это по безумной гравитации.

Грип шел себе по коридору, когда тихо, но отчетливо слышал издалика Сталину:

— Вербовать идешь?

Он замер и прислушался, но ничего из ответа Талии не расслышал:

— ???ие??? ???а???

Он медленно развернулся, и испытал огромное облегчение,

увидев лишь пустой коридор, без единого свидетеля его пантомимы.

Талия со всей дури запнула мяч почти до самого купола и бежала теперь за ним. Грип опустился на песок, задыхаясь и утопая в поту. Побеждать Талию было удовольствием сомнительным. Может он и готовился всю жизнь к игре в такой гравитации, но точно не в таком климате. Костюмы не справлялись. Сама идея погонять мяч вдвоем, на песке, под палящим солнцем казалась все более и более дурацкой.

Талия вернулась, подрастеряв по дороге свой настрой. Она расстегнула капюшон и уставилась в ту же сторону.

— Че как?

— Это тоже кактус?

— А что еще? Это может быть.

— Он всегда там торчал?

— Э-э, да? Просто далеко— Ты, наверное, не был с этой стороны от—

— —скорее всего. Пойдем посмотрим?

— Эх. Ладно.

Вскоре после солнечных панелей Талия взяла мяч в руки. Кактус стал выглядеть лишь чуточку крупнее.

— Я должна тебе сказать одну важную вещь. Если твои

разногласия с Федерацией достигнут критического уровня, Кулак будет рад тебя видеть. В любом посольстве, в любое время.

Грип никогда в жизни не видел ни одного посольства. А, при некотором размышлении, так и вовсе был уверен, что на Розарио их просто не водилось.

— ... пойми меня правильно, с ящерицами тебе равных нет, но в остальном эта профессия, ну, не для тебя. Вот в нашем движении я была бы рада тебя видеть.

— Этот ваш активизм? ...

— Да, я думаю, ты бы вписался... — задумалась она. — Вот бы Лору сюда.

— Лору?

— Ты ее не знаешь; она, ну, обожает дилеммы и все такое. Она бы сразу знала что делать, а потом бы так... убежденно это отстаивала... А я скорее делать горазда, ну, ты знаешь.

— Да? А я думал, ты там лидер—

— Не-не-не, хе. Я не лидер, — она стала застегиваться. — Нас, вообще, не так уж и много.

— Ну наконец-то, — выдохнула она у самого кактуса.

Грип возился с капюшоном и все прослушал.

— Как думаешь, он был бы выше нашего, не будь он так жестоко обгло—

— Тихо!

Воюя с застезжкой, Грип криво повернул голову вбок и заметил в песке шевеление. Теперь он играл в гляделки с песком, и его обитатель проиграл, закопавшись еще поглубже.

— За нами следят. Уходим—

— как раз собирались уходить.

С преувеличенной плавностью они развернулись и пошли обратно, след в след.

— Переживаешь из-за суда?

— Су— Трибунала, в смысле? Меня будут судить отдельно.

— Ну да. Судебного процесса.

— Прав твой Деревяшко, — неохотно признала она. — Все в их руках. Но я не представляю, как... эх... А ты?

— Не особо, — пожал плечами Грип.

— Хорошо. Это хорошо.

— Есть минутка?

— Конечно, конечно.

Грип решил, что это очень важно, если Ираклий Космович вот так вот остановил его в коридоре.

— Я тут перечитал присягу, и там прямо сказано—

— Что?

— Ну как же, военную присягу. Твою клятву защищать Федерацию от— дай мне секунду.

Грип не стал рассказывать, что никому не присягал и не клялся.

— Вот, здесь, «торжественно клянусь, ляляля... и преданно защищать Федерацию от любых угроз, внешних и прочих». То есть, можно признаться, а потом гнуть, мол «а, эта штука, которая меня убила? Нет, извините, не захватил. Там осталась. Да и не мог же я позволить ей разгуливать по мозгам ни в чем не повинных жителей Федерации—»

— Ну да, ну да, — энергично кивал Грип. — Разумно.

— —жизнь положил, на своей шкуре узнал, как она опасна— ах да, мне потом сказали, что она для остальных так же смертельна, как—

— —и естественно я сделал все, что в моих силах, чтобы сберечь остальные планеты от такой напасти...

— Именно. И все «без злого умысла». Я ни разу не юрист, так, просто мыслишка.

— Интересно! Может пригодиться. Это я запомню. Что-то еще— Спасибо тогда, спасибо! Извините, мне сейчас в душ надо, просто позарез.

— *Я собрал вас всех здесь сегодня—* — громко начал Деревяшко.

— *—воу, воу, — Мария развалилась поудобнее. — Полегче, ты что там о себе возомнил?*

— *Слушай, у меня просто ни ставок в этой игре, ни занятий*

поинтереснее. Так, я надеюсь, вы все уже переварили события прошлой ночи, полностью остыли, и теперь наконец-то примете решение. Для начала я хочу, чтобы каждый высказал, что он по поводу этой ситуации думает. По одному. Лиза.

— Я, э, — Лиза была так же готова толкнуть речь, как и все другие присутствующие, — Смотрите, я... Я знаю, что последнее время совсем расклеилась, и в этом всем и правда не было никакого смысла, но, как бы это ни странно прозвучало, теперь, когда я встретила Диму... все как-то встало по местам. Я тут была не просто так, но теперь у меня есть предназначение— помочь Марии —так что закончить это... что мне еще делать? А другая я сможет вернуться, наконец, доучусь, может, настоящей жизнью заживу. И если мне, чтобы стать целой, надо раздвоиться...

Ее все несло и несло, а Грип искал утешения в том, что сейчас всей комнате приходилось нелегко. Тут он вспомнил, что это ему все так напоминало: тот раз, когда Митя так дернул Фариду за косички, что она разревелась, а Виолетта Петровна заставила его объясняться перед всем классом. Вот он тогда тоже мялся и плел что-то несуразное, а они все сидели и гадали: их-то за что, они-то все чем так провинились, чтобы это слушать?

— ... и я не вижу, почему бы это было менее важно, чем я, так что да. Я согласна, — закончила она свою речь, так и не объяснив, с чем там она согласна.

— Спасибо, — все, что смог выдать из себя «Дима».

Все сидели и переваривали услышанное, от чего ерзать и краснеть стала уже сама Лиза.

— Так, ладно, кто следующий? — нарушил молчание Ираклий Космович.

— Давайте, вперед, — очнулся и развернулся к нему Дмитро Иванович.

— Я буду краток... Грип прав. Но и ящериц так оставлять тоже нельзя. Вы делайте, что должны, но только я грех на душу брать не буду. Дайте мне уйти сначала. А потом вырастите такое поколение детей, чтобы я за них был горд еще сильнее, чем за этих двоих. Все.

— Посмотрим. Мария?

— Неправ ваш Грип, прям, фундаментально. Вы все просто не врубаетесь. Скан Ньюта — это не какая-то волшебная палочка, чтобы разумом управлять. Он может оказаться ключом к тому, что вы называете разумностью. Для науки это просто сокровищница всего и сразу, хорошего и плохого, если вы застряли на той стадии, где все в мире делится на хорошее и плохое. А в науке нет ни хорошего, ни плохого. Они живут в ящерицах, и ничего, вы их не осуждаете. Спорим, поселись они в людях, слонах или гроуликах, вы бы воем были, но ящерицы почему-то за чертой. Ваши шаткие моральные — Короче, не работает это так. Нельзя выбирать — нельзя запрещать само знание. Марш прогресса не остановить, и задерживать

его столь же бессмысленно. Криминализуйте управление людьми, если хотите, но руки прочь от, собственно, изучения. И даже если ваш безумный план срабатывает, все, чего вы достигнете, это саботаж. Зоологии, нейробиологии. Всего.

— И кто-то, — тихо влезла Лиза, — кто-то где-то умрет из-за того, что мы сегодня не узнали?

— Хорошо сказала. Спасибо. Я только подчеркну, что это не узкий шаг назад. Он бьет по всему человечеству.

— Ладно, я думаю, ты донесла мысль. Сталина?

— Грип неправ, — зашагала к ним обитательница дверных проемов. — Но не потому, что марш прогресса и неисповедимые пути науки — просто не ему решать, вот и все.

— А кому тогда решать? — взорвалась Талия. — ДиЭфЭй? ДиОуЭкс? КэГэБэ? Сводному комитету по этике?

— Пожалуйста, дождись своей очереди, — тихо настаивал Деревяшко.

— Отличный вопрос. Я не знаю, — невозмутимо заявила Сталина. — Знаю только, что не тебе. Не ему. И не мне. Поэтому все, что нам нужно сейчас сделать, это включить связь и дать разобраться с этим нужным людям. Если для этого нужен комитет по этике, пусть они сядут и решат. Слушай, я не буду вас останавливать. Я даже готова быть последней. Но вы должны знать, что вы совершаете гигантскую ошибку.

— Слышим отлично. Ты все? Талия.

— И вы знаете, что они нарешают!

- *Есть у меня подозрения, — ухмыльнулась Сталина.*
- *Вот ведь наглая — замотала головой Талия. — Так, вы мою позицию знаете. Грив прав. Сделаем это.*
- *Э, ладно. Грив.*
- *Кхм. Так, сначала вот что. Вы все, которые со мной соглашаетесь, которые не соглашаетесь. Вы бы не были для начала так любезны — артикулировать, есть такое слово в английском?*
- *Как же, есть, — кивнул Ираклий Космович. — Думаю, это все я виноват, перегнул я с краткостью. Я, соглашаясь с тобой, имел в виду, что сканам нельзя покидать планету.*
- *Я тоже, — влезла Талия.*
- *Во-вторых, это не мой план. Это не план даже, если в нем нет шагов. Шаги-то какие? О чем мы вообще?*
- *Не то, чтобы у нас много опций, — кивнула Лиза. — Отправляемся обратно, но оставляем копии — оригиналы... тут. Без связи, они сканируют Ньюта. Спасают ящериц. Что ты — Что ты нам позволишь сделать иначе?*
- *Вам не нравится часть с самоубийством. Можно это сделать без него?*
- *Как?*
- *Я не знаю, я просто — допустим, отправить нас назад, но старые сканы.*
- *И? — экипаж не врубился в его план.*
- *А здесь мы просто будем жить дальше, пока не умрем.*

Зато без самоубийства.

— *Застрелите меня кто-нибудь прямо сейчас, — выдохнула Мария.*

— *Если закрыть глаза на наше неминуемое помешательство, — покачал головой Ираклий Космович, — Я все еще под впечатлением от дьявольской идеи отправить назад сканы, которые у них и так были.*

— *Да, отменный был бы ход, — кивал Деревяшко. — Для психомистерии. «Кто убил Грива?» — «Чего??» — «Зачем вы закрыли планету?» — «Что мы сделали???». Я прям вижу заголовки: «Тайна покинутой планеты».*

— *Планеты ящеров, — поправила Талия.*

— *А ты? — спросила у Дмитро Мария. — Где речь?*

— *Я никто. Меня тут вообще нет, — делал он дурацкие пассы руками.*

— *Ты эти диссоциатские шутки брось. Тебе помощь нужна, — она поджала губы.*

— *Вы если не хотите план получше, мы можем по этому пойти, — откинулся на спинку дивана Грив, раздраженный и обиженный. — Я не против что-то менять. Только не сканируем, пока не закрыли планету.*

— *Я дико извиняюсь, а как можно закрыть планету? — сделала круговое движение руками Лиза.*

— *Они в русском их «открывают», так что он имел в виду «разобнаружить», — бойко объяснила Талия.*

— *Нельзя взять что-то и разобнаружить, — простонала*

Мария. — Они знают, где она. Лет через пятнадцать они будут здесь снова.

— Тогда у нас пятнадцать лет, чтобы разобраться, — настаивала Талия.

— Да. Все как она сказала, — кивнул Грип. — Мы не готовы.

— Закрывать планету, — хихикнул Ираклий Космович. — Фара тебя живьем сожрет.

— Наша Фара? — вылутился на него Дмитро Иванович. — Вы что, она что-нибудь—

— Нет, их Фара, — «объяснила» Талия. — Лингвист. Знаете, чего я не слышу?

— Ну давай я поведусь, — наклонился в ее сторону Дервяшко. — Чего ты не слышишь?

— Возражений! Тих-тих-тих— — подняла она по ладони в сторону Марии и в сторону Сталины. — Я вас слышала. Прогресс. Полномочия. Гигантская ошибка. Это я переживу. А потом вы говорите, что сделаете это! Это— это же все, о чем я прошу!

— А ты? — разыграла Мария то, что считала своим тузом в рукаве.

— Я? А что я? — заерзал Грип.

— Что, убьешь себя ради этого вашего плана?

— Да, — с готовностью ответил он, и тут же слегка нахмурился.

Что-то было не то с этим словом, столь легко сорвавшимся с его губ. Откуда-то из глубин подсознания неодобрительно

качал головой неизгладимый образ другой Марии — Марии Степановны.

— Да, убью, — сообразил он, что и краткая форма ответа тоже требует глагола.

— Почему вы здесь? — ворвались дети в комнату Марии. Она поставила на паузу какое-то старое шоу, которое смотрела с телефона, и устало воззрилась на них:

— Что вам от меня надо? Я беру выходной.

— Тебе не надо разве быть в лаборатории?

— Чтобы что? Вы что, дадите мне его сканировать?

— Нет—

— разве вам не надо готовиться—

— Как?

— Пойдемте с нами смотреть, как он выползает? — зашел Грип с козырей, и Мария на секунду заколебалась.

— Не.

— Серьезно?

— Что я там увижу без сканера? Какого цвета он снаружи?

— Ну а вдруг он прозрачный?

— Мне мозг его надо хорошо рассмотреть, а не это... Позвоните, когда перестанете ставить палки в колеса.

— Ладно. Тогда вот что. Можете напечатать мне фриз, но для той, другой ящерицы? — попросил Грип.

— Ладно? Для этого вставать не надо, — несколько быстрых нажатий спустя, она вернула на экран шоу.

- Вот спасибо! Еще несколько вопросов, пока печатается—
- Ладно, только коротких. Что ты хотел узнать?
- Главная проблема — как заморозить мозг—
- Главная проблема — как его обратно завести.
- Че— Можно как-нибудь просто объяснить?
- Конечно, — вздохнула она. — Это же так просто. Мы не знаем, как перезапускать мозг.
- Но, но... — бормотала Талия. — А как же мы? Мы—
- Мы знаем, что человеческий мозг запускается, и выглядит нормально. Только вы не подумайте, что мы знаем, как его правильно выключить, а потом там секретная последовательность запуска. На самом деле, мы уверены, что ее нет. И выключаем мы неправильно. Просто так везет, что почти каждый раз срабатывает, так что мы все равно это делаем.
- Почти.
- Ну да. Поэтому не стоит часто сохраняться или скакать. Это как если тебе ударить по всему мозгу разом, просто ты потом не помнишь—
- Не может быть... — отказывалась поверить Талия. — Мы постоянно скачем, и ничего...
- и даже, в общем, нормальными, но никаких гарантий, что работает для Ньюта.
- Я... понял, — Грип оттеснял Талию от разговора. — А все остальные животные, их мозги нормально стартуют?
- Скопированные как есть, они выказывают признаки тревоги— для людей мы знаем, как это все сгладить — в

остальном... сложно сказать. Когда все в порядке, они функционируют, и, как минимум, что-то помнят. Мы не знаем. Нельзя просто так спросить их, все ли они помнят. Да и людей, раз такое дело...

— Огромное спасибо. Было— Я теперь понимаю, что вы—

— Да, да. Можете теперь оставить меня в покое?

— Опять вы?

— Что будет, если ящерица хлопнется... вот с такой высоты?

— Сам-то как думаешь? Травмируется!

— Эх! — расстроился, но не потерял решительности Грип. — Ладно!...

— Крепче держи— эй! Будешь так делать, я в вену вообще никогда не попаду!

Грип вбежал в комнату и прижал к клетке руку с шокированной, еще шевелящейся ящерицей.

— Смотри!

Он и правда безраздельно завладел вниманием Ньюта. Затем Грип поднял руку и, с тихим шмяком, сбросил ящерицу на кровать. А как только она перестала шевелиться, ухватил ее снова и продемонстрировал ее выгнутое, неподвижное тело Ньюту и уставившейся на него Талии. Ньют инстинктивно пригнулся и отступил с поворотом.

— Видел? Вот что бывает, если упадешь!

Грип зачихал ящерицу обратно в банку.

— Чувак... — качала головой Талия.

— [идти] [вниз'] [опасный] [ты] [идти-ли?] [вниз'] — наскоро написал Грип на бумажке и прижал ее к стеклу.

— [я] [идти-не] [вниз']

| [существ-уй-не] [меньше] [я'] — мгновенно ответил Ньют.

— Да не собирался я тебя убивать! — сорвался Грип.

— А чего ты ждал? — стонала и хлюпала Талия. — Нельзя просто так вламываться и угрожать убить его— тело? Просто так—

— Я не это имел в виду! — махал руками Грип.

— Ууух... — громко выдохнула Талия. — Смотри, если бы были какие-то правила, как объяснять такие базовые вещи второй стороне, которую сначала изгнали, а потом ты ее вообще похитил, я бы с радостью помогла, — продолжала хихикать она. Как непрофессионально с ее стороны. — Но ты смотри на вещи оптимистично, окей? Да, возможно он тебя недопонял, но и прыгать с потолков он после твоей... крайне доступной демонстрации теперь точно не станет.

— Ну и ладно, — Грип снял крышку и полез в клетку извлекать бедного Ньюта.

— Че ты делаешь?

— Тур по базе, что! А то он же не отстанет от нас с этими предметами!

Так они и вышли из комнаты: Ньют на плече, справа шаг

в шаг Талия, левая рука поднята наизготовку, чтобы его ловить.

— И вот что еще.

— Да?

— Пока. Я так больше не могу. Я уйду, пока вы там.

— ... Ладно. Когда она назвала вас диссоциатом—

— Я всегда догадывался, что не гожусь для этого... Да. Теперь вот знаю наверняка, вот оно мне надо было?

— Вы сделали, что должны были. Раскрыли мое убийство.

— Ага. Если чем-то еще могу помочь, или просто соскучитесь, не смейте меня печатать, — выдавил Дмитро улыбку. — Разберитесь как-нибудь сами.

— Это уже перебор, — заявила Талия.

Теперь их в центре ждали две большие ящерицы. Стоило детям присесть, как затрещали все три. Талия прикрыла глаза, как будто так она что-то вычленяла из этой какофонии. С треском заклинило и сломалось в сонной голове Грипа то, что разбирало речь ящериц на знаки. Отделить щелчки Ньюта не составляло никакого труда — тот сидел прямо у него под ухом — но дальше этого дело никак не шло.

— [жд-и] — написал он прямо перед собой,

и одна из ящериц даже отреагировала. Она затихла, зашла прямо на знак, поизучала его так и сяк, и демонстративно

затерла хвостом.

Минуту спустя, треск прекратился столь же резко, как и поднялся.

— [вы] [мочь] [существовать'] [вдвоем] [новый']

| [вы] [хотеть-не-ли?] [существовать'] [вдвоем] [новый'] —
спросила одна из них после молчаливого переглядывания
с сидящим на плече Ньютом.

— [я] | [хотеть] — написал Грип сбоку, а по центру заровнял
большой кусок, чтобы затем покрыть его исчерпываю-
щим ответом. —

— [существовать] [в одного] [новый']

| [существовать] [вверх-в] [солнце']

| [существовать] [вниз-в] [солнце']

| [существовать] [вверх-в] [солнце']

| [существовать] [вниз-в] [солнце']

| [существовать] [вверх-в] [солнце']

| [существовать] [вниз-в] [солнце']

| [существовать] [вдвоем] [новый']

Одна ящерица тупо пялилась на него, пока вторая (Второй?)
отвечала:

— [существовать-не] [вдвоем] [новый'] [существ-уй] [вдвоем]
[новый']

| [вы] [ид-и-не] [сюда'] [вы] [ид-и] [сюда']

Два щелчка, и они обе убежали к своему шлюзу.

— Справедливо, — вздохнул Грип, еще раз напоследок
отсматривая их разговор.

— Как-то неловко выходит, — поджидала их на корабле Сталина.

— Они просто не хотят с нами разговаривать, пока мы не принесем второго Ньюта.

— Я не о том. Дмитро еще здесь. Лучше бы вам не пересечься.

— ... и? Вы мне что предлагаете, тут переждать? — Грип удержался от того, чтобы потереть глаза кулаком, в котором был Ньют. — Я в любом случае сразу спать.

— Вот так, — он попытался поместить Ньюта обратно в клетку.

Ньют с его рукой расставаться не собирался и выщелкивал занятный ритм. Распознавание щелчков у Грипа так и не оправилось, так что он попробовал другую стратегию.

— *Нет*, — сказал он в Ньюта, как в микрофон. — *Жди*.

После чего поставил его-таки на песок и написал Талии: «он опять чего-то хочет».

— [ты] [хотеть] [...]-ли? — написал и ткнул пальцем Грип.

— [показыва-й] | [предметы]

Грип разочарованно застонал.

— Так, чего он хочет теперь? — вбежала и свесилась почитать песок Талия.

— Он опять за свое. Слушай, извини, ну его, я спать пойду, — Грип закрыл крышку, что Ньют совсем не одобрил. — Я на

ногах уже—

— Серьезно? Решил его на меня скинуть? А мне что делать? Он не будет спать еще—

— Я не знаю, что еще он от меня хочет, окей? Просто забей на него... — Грип залез на кровать. — Мы ему уже все показали, даже душ. Даже шлюпки. Я без идей просто. Просто оставь его тут, мух сыпани, может, и иди спать, — предложил он и закрыл глаза.

Он потом еще раз проснулся, когда Талия и Сталина уносили клетку, но просто зажмурился и заснул опять.

Сначала он не понимал, что это вообще такое происходит. А когда понял, не удержался и рассмеялся. Клетка вернулась, вернулся и Ньют, а светился опертый на кучку песка телефон. Падающие цветные фигурки ящерка лопала носом. При звуках «ликования» Грипа Ньют решил сделать вид, что он ничего общего с телефоном не имеет, и, пока все новые и новые фигурки засыпали весь экран, улегся носом в другую сторону. Каковым маневром подкосил Грипу и без того хромающее самообладание.

«Где ты?» О, «*пожалуйста, перезвони*» от Дэна? Что ему могло понадобиться? Грип вообще подзабыл о существовании Дэна и Ли. Он свернул в пустующий отсек.

— *Привет, коллега!*

— А? Утро, коллега.

— Сразу тебе скажу, я буду скучать по этой планетке. Лучшее задание, что у меня когда-либо было, и это еще до вас двоих. Надеюсь, однажды где-нибудь еще пересечемся.

— А, окей, спасибо.

— Так, тут у вас бродит одна идея, «заккрыть планету», и хоть бы кто понимал, как это на самом деле работает. Кроме досветовых, есть пакетные передачи, а есть еще канал управления, чтобы ими дирижировать. Он тебе все равно понадобится, чтобы нас отсюда выслать. Там простой как палка сигнальный протокол, я что хотел сказать, он полностью ручной и максимум 160 символов— даже меньше, если использовать эти ваши буквы с широкими кодами символов—так что—

— Дэн—

— этот скан, за который вы так—

— Дэн.

— Что?

— Извини, я даже не понимаю, о чем ты.

— Я и собирался сказать, я дам тебе прямой доступ к—

— Зачем ты мне это говоришь? Я уйду.

— Мужик... Я тебе говорю, который остается! Я уйду сейчас—

— Можешь лучше дать этот... доступ Талии?

— Окей, вау.

На другой стороне линии Дэн помолчал пару секунд, а затем продолжил с восхищением в голосе.

- Как скажешь— в смысле, я слышал, что вы друг другу доверяете, но...
- Я ей доверяю. Просто дай его ей.
- Я только что выдал, вам обоим. Ну, пока тогда! Было здорово, коллега. Конец связи.
- Это ладно, только где она?
-

На пути в столовую он сначала обогнал Сталину и Ираклия, а потом пристроился к ним послушать:

- —я поняла. Вы нашли у них старые ненужные падежи?
- Извини, не падежи это. Я не просто так язык ломаю, говоря «системы склонений».
- И у них—
- было как минимум две, которые потом срослись— утро, Грип.
- Утро.
- И вы всю ночь с ним говорили о... падежных системах?
- Нет, всего пару часов. Мне, чай, тоже спать надо. Грип, ты же помнишь этот их коан, который «мудрый знает углы, мудрый знает, что делать».
- А то!
- Представляешь, «Мудрый» это—
- тоже имя?
- Согласись, заиграл новыми красками столбец про «хотят быть мудрым»?
- То есть Ньют выбирает молодых ящерок, а Мудрый —

головастых?

— А Первый, Второй и Третий тогда не столь разборчивы.

— Есть и Третий?

— Но нет Четвертого. Я не до конца уверен, что эти три — обычные имена.

— Извините, это очень интересно, но у меня одно важное дело.

Грип набросился на болтающих в столовой Лизу, Марию и Талию:

— *Почему вы здесь?*

— *А где мне быть?* — повернулась к нему Мария.

— *В лаборатории! Вчера у вас был выходной, но сегодня точно-точно надо—*

— *Я извиняюсь, ты уже ушел?*

— *Нет, но—*

— *я ушла,* — радостно подняла руку Лиза.

— *Ну так не зевай, организуй очередь, уходите, потом и поговорим,* — Мария одной рукой доставала телефон, а другой зазывно махала Сталине. — *А пока я буду отдыхать столько, сколько влезет. Это, когда я вчера говорила про «гусеничные байки», я вот это имела в виду. Байки, на танковых гусеницах,* — она показывала Сталине картинку. — *Да, они существуют.*

— *Окей, вау—*

— *Я знаю.*

— *... Это... мило, конечно, но так уже и до хOVERов рукой подать.*

— *Ховер тебе куда? Они—*

— *А ты где была? Чего не отвечаешь?* — Грип переключился на Талию.

Она расхохоталась, пресекая этим обсуждение ховеров.

— *Это— это, наверное, к лучшему, что тебе не отвечают— это было бы—*

— *Погоди,* — его лицо вытянулось. — *Твой телефон, с него можно писать кулакам. Напря— ...мую.*

До этого Грипу не доводилось видеть, как разбегается киборг.

(Не)воспитанны

Грип чувствовал себя просто великолепно. Он будто проспал целый день, и теперь был готов горы свернуть. Изнуряющая суета последних дней осталась далеко позади, уступив место приливу сил и уже слегка знакомой легкости. И костюм пропал.

Комната вокруг была незнакомой, уютной и жуткой, жилой и нежилой. Все стены были увешаны фотографиями так, что подушкой кинуть некуда, спасся от этой участи только угол над его кроватью. У массивной мебели, будто на спор, не было ни одной прямой линии. В ногах обнаружилась собранная мамой сумка с бельем, обувью и школьной формой. На столе напротив — графин с водой и стакан. Ни телефона, ни чего бы то ни было еще.

Грип просочился за плотную штору и выглянул в окно. Не было ни снега, ни высоток. Где-то этажа этак с третьего он

смотрел на серый трехэтажный соседний дом. Между ними было метров пятьдесят бестолкового газона и забор высотой чуть ли не в целый этаж. Дом был не напротив, а соседний, даром что далеко. Дорога виднелась слева, там что-то происходило: маячил человек в вырвиглазно-желтом наряде, ходили люди... Но толком рассмотреть ее, не открывая окна, не выходило.

Пока Грип обувался, он заметил на одной из фотографий покрупнее человека, к которому захотелось приглядеться. Как ни странно, Илья Ильич Свободин не был главным героем этой фотографии. Он протягивал куда-то руку, призывая толстую и неприятную на вид женщину посмотреть в обозначенную им сторону, а она вместо этого смотрела в камеру. Свободин был вовсе не портретный: живой, задерганный пожилой мужчина, но узнаваемый.

Он быстро пробежался еще по дюжине фотографий. Выставка вся была посвящена этой женщине. Вот она на какой-то стройке, вот на крыльце, вот принимает у кого-то из рук награду. На каждом из кадров только она неизменно смотрела в камеру, остальные — как повезет. Что ж, хотя бы она в курсе, что ее так настойчиво фотографируют. Вот она с карапузом лет трех от роду, вот с младенцем, вот с большой свитой — да, и машущим Свободиныным, это уже было.

Грип тихо вышел в коридор. Налево шли такие же комнаты... лестница направо и вниз выглядела куда более многообещающим выходом. Она поворачивала влево в какой-то...

зал, по-видимому, с невероятной высоты потолка; зал, где горел желтый свет и говорили люди. Вычурный декор заставил Грипа бросить взгляд на потолок до небес: не капнет ли на него свержу свечной воск. Нет, самый обычный светящийся потолок, значит электричество в этом замке есть.

Перед самым поворотом лестницы Грип замер, как учили, прислушиваясь к разговору:

— уже точно в руках Строича. Если пронесет, то спустит, не пронесет — разгонит. Ну, кто первый добежит, — непонятно нудел незнакомый голос.

— А у них? — спрашивал Деревяшко.

— А сам как думаешь? ДиОуЭкс, предсказуемо, рвет и мечет. Дипломаты от радости канкан пляшут, не каждый год им такой подарок.

— Нет, я в смысле—

— Пока нет, а чего, куда теперь торопиться? ... Днем позже, днем раньше. Мог какую-нибудь другую планету закрыть, а? — без особого упрека сетовал голос, который Грип тоже понемногу стал узнавать. — Мало их что ли, без разумной жизни... Теперь ты у нас на этом поприще преуспел больше, чем весь минпоиска за всю экспансию. По модулю.

Оба умолкли, прислушались к третьему. Кажется, это был Ираклий Космович, но Грип ничего не расслышал.

— Ну так и мы, знаете... Эх ладно, — не сразу продолжил другой голос. Грип вспомнил, кто это был. Он их еще

- проводил. — Ну что, не идешь к Вороновым, значит?
- Фиона меня одним взглядом испепелит. А что?
- Так и быть, куда ты там меня зазывал—
- что, неужели—
- вид на гавань, говоришь? Сейчас, Грипа—
- бургеры, говорю. Виды это хорошо, а вот бургеры...
- Да гадость это все.
- Это ты просто не пробовал.
- Да ладно, я согласился уже. Выходи, Грип, это же ты там подслушиваешь?

Грип вышел на середину зала, недоумевая, как его могли заметить. Аксат Джонатанович и Дмитро Иванович сидели за маленьким столиком, Ираклий Космович в кресле поодаль читал бумажную книжку, а на диване лежала пластом Сталина Филантьевна.

- Здравствуйте. Доброго утра или дня.
- Доброе утро, — отозвался Ираклий Космович.
- Привет, — кивнул Аксат Джонатанович.
- Доброго дня, — поздоровался Деревяшко.
- Это мы у Талии, получается, в гостях? Где дракон, которого принцесса заточила в башне?
- Нет, все— — начал Аксат Джонатанович.
- Опоздали? — деланно огорчился Грип. — Ну вот. А кто такая Фиона?
- Талькина мама. А почему дракон? — любопытствовал, как всегда, Деревяшко.

- А чего мы в каком-то замке? — кивнул Грип сначала на потолок, потом на стул.
- А, не обращай внимания. Дипломаты, они странные. На всякий случай: я — настоящий.
- Ну давай тогда, — кивнул Аксат Джонатанович. — инструктируй, раз настоящий.
- А что тут инструктировать? — растерялся Деревяшко.
- Ну здрасте-приехали, — сам повернулся к Грипу Аксат Джонатанович. — Хотя по закону твою распечатку можно откладывать на семьдесят два часа вообще без объяснения причин, уведомить тебя о задержке все равно обязательно.
- И сколько я пылился на полке?
- Семьдесят. Ты мне вот что скажи, каким местом ты думал? Деревяшко неодобрительно смотрел на выпад Аксата Джонатановича. Грип помолчал, потом буркнул:
- У вас если какие конкретные вопросы есть, то задавайте.
- Конкретные тебя сегодня на дознании спросят. Ты мне по-человечески скажи, ты зачем решил всех без разбору спасать, кого надо и не надо?
- А что вы меня туда отправили? Хотели, чтобы я решал, вот я и решил, как правильно.
- Ну что, готовься теперь объясняться, почему так и есть правильно, — смягчился под косыми взглядами Дмитро Ивановича Аксат Джонатанович.
- На дознании?
- На дознании и, в принципе, своим фанатам.

— Кому?

Вместо ответа Аксат Джонатанович поманил Грипа к окну и отдернул плотную штору. Грип подпрыгнул и повис, упершись руками в подоконник. Первым делом он стал читать светящиеся надписи на плакатах демонстрантов. Доминировали следующие направления мысли: здесь и там виднелось *«КОММИ-ДИССОЦИАТЫ ЗАКРЫЛИ НАШУ ПЛАНЕТУ!»*, прилично было вариаций на тему *«ОТПРАВЬТЕ КОРАБЛИ! СЕЙЧАС ЖЕ!»*, но больше всего было плакатов *«СВОБОДУ ДЕТЯМ!»*.

— А почему на английском?

— Добро пожаловать на Новый Амстердам, Грип Авдотьевич. Прибыли на дознание по поводу ваших недавних достижений—

— А дознавать будут—

— Совместно.

— А-а.

— Миссия была совместная—

— А-а.

— — вот и дознание теперь совместное. Начали у нас, заканчиваем у них. Вообще не так, как планировали.

Начитавшись плакатов, Грип стал разглядывать пестрые наряды и яркие волосы. Толпа никуда не шла, как принято в Федерации, и вообще не выглядела организованной. Люди стояли, разговаривали, сновали туда-сюда. Было много детей; кто-то был с коляской, где-то дети бегали так, у

нескольких сидели на шеях, один карапуз стоял со своим плакатиком. Но тут кто-то в толпе заметил Грипа в окне. По рядам знаков прошла волна, люди качнулись ближе к зданию, что-то кричали, но Грип не слышал и даже не смотрел. Его внимание полностью захватил мужичок где-то позади толпы, а точнее ребенок, который кувыркнулся с его плеча назад, когда мужичок дернулся поближе. У Грипа все внутри съежилось, но ребенок не только не разбился, но и радостно бросился от незадачливого папаши наутек, так что тот теперь гнался за ним по той стороне улицы, размахивая на бегу плакатом «СВОБОДУ ДЕТЯМ!».

— Слезай, не волнуй зазря народные массы.

— Они что, хотят, чтобы я в ту сторону слез? — опустил на пол Грип.

— Как будто они знают, чего хотят.

— Да, там по плакатам видно, что они не очень-то знают, чего хотят, — отошел от окна Грип.

Ираклий Космович грустно улыбался.

— Не переживай, — хихикал Деревяшко. — подавляющее большинство не хочет тебя распять—

— В основном хотят расшесть?

— —и короновать—

— —да почему?—

— Да потому что, — не выдержал Аксат Джонатанович. — Можно, оказывается, с кровати встать, штаны надеть, знак не забыть, а голову включить — забыть!

— А какая часть из них хочет, чтобы я убирался отсюда,

обратно в школу?

— Это, наверное, почти все, — задумался Деревяшко.

— И фанаты, и фанаты по модулю. Знаешь, что такое модуль?... Умничка.

— Так, а чего хочет наша такая толпа? — озадачился Грип.
Деревяшко тихо фыркнул.

— С нашей стороны нет никакой толпы, — пояснил он. — Там вообще не так много о тебе знают. А когда узнают, мы проконтролируем, что.

— Ну и прекрасно, — воспрял духом Грип. — А что за «дознание», суд?

— Вроде того, — кивнул Деревяшко. — Там не все так просто. Перед тем, как обвинять, вас зовут поговорить, чтобы понять, в чем именно. И надо ли.

— *Свободу детям, пожалуйста.* О, это же включая Талию?

— Да, у нее похожая ситуация. Не переживай, у нее своя группа поддержки.

— Я тоже хочу, дайте мне плакатик, — закатил глаза Грип.
— «люди, отстаньте от репейника».

— Что ж ты так коллегу? — улыбался Ираклий Космович.

— Ой, с ее профессией, это такой комплимент, — отмахнулся Грип. — Эта будет стоять с плакатиком до посинения.

— Я вот одного в толк не возьму, — продолжил Ираклий Космович. — Почему они решили, что это их планета?

— Ну как, это же они ее открыли, — не понял претензии Аксат Джонатанович.

- Ау, а ящерицы? — напомнил Грип.
- А это неважно, — ответил Аксат Джонатанович. — Есть у людей такой косяк: если что-то считают своим, то потом и за два таких же не отдадут.
- Ну вот пусть пересчитают, — ответил Грип.
- Зато хлебом не корми, дай позащищать что-нибудь миленькое. Любых поющих улиток.
- А что, и такие есть? — уточнил Деревяшко.
- Пусть и защищают всяких птичек, — вздохнул Ираклий Космович.
- От кого? — спросил непонятно о ком Дмитро Иванович.
- От ветра, — отрезал Грип.
- Ты только выйди с плакатиком «защитим улиток от ветра», они и пойдут, — ворчал Аксат Джонатанович. — Я же говорю, они мозг вообще никак—
- Я думал, вы о птичках, — задумчиво говорил Деревяшко. — Кто их знает, о чем они там с улитками щебечут, вдруг тоже разумные. Давайте им Землю отдадим, на всякий случай.
- Отставить, защищать не надо, — прояснил Аксат Джонатанович. — Все знают, что нет никаких птичек, а есть только дроны охраны. А раз охраны, то разумными они быть не могут.
- За стеной кто-то хихикнул.
- Марек, тресни ему чем-нибудь, — впервые подала голос Сталина Филантьевна.

В комнату зашел низкий, хоть и выше Грипа, а в остальном

обычный мужчина. Серый костюм делал его еще скучней. Вместо расправы он деловито направился к окну, задернул штору и пошел обратно к двери.

— Я бы вас попросил так не делать, — мягко обратился он как бы в воздух.

Грип неожиданно для себя понял, что с ним не так: походка, она была слишком обычной. Марек ходил так, будто на него низкая гравитация не распространялась.

Дмитро Иванович смотрел на свои старинные часы.

— А вы минуты?... тоже каждый раз?... — начал собирать вопрос Грип.

— ... А! Ну, да. Все равно их каждый раз выставлять, время-то новое.

— А, да, — задумчиво кивнул Грип.

— А мы пойдем, наверное, — засуетился Деревяшко. — Чтоб потом не суетиться.

— Я с вами, — ожил Грип, присел и подпрыгнул почти во весь свой рост. — Только мне бы какой утяжелитель, как у вас, — посмотрел он на Марека. — А то вы отпустите, а я и улечу. Как улитка на ветру.

Начальство замялось.

— Грип, ты не обижайся только... — начал Аксат Джонатанович.

— А что, нельзя? Свободу детям!

— Да нет, почему, можно. Иди куда хочешь—

— В первый раз на Новом Амстердаме, и пойти в бургерную, — качал головой Деревяшко. — Это как-то

- бестолково. Ты сходи сначала по туристическим местам сколько успеешь: парки, Хайрайз, вдоль берега— Ворота! — добавил Аксат Джонатанович.
- За Ворота только не ходи.
- не, покрупней Максимки будет... — говорил непонятно кому Марек.
- А не боитесь, что я убегу? — спросил Грип.
- Нет— — улыбнулся Дмитро Иванович.
- Куда ты денешься на Новом Амстердаме? — нахмурился Аксат Джонатанович. — Тут повсюду камеры. А вот на дознание попрошу не опаздывать.
- А как же я выйду? — от осознания собственной свободы Грип несколько стушевался. — Там же эти, — он невнятно помахал рукой.
- А ты так и выйди, — нашел идею забавной Аксат Джонатанович. — Чтобы эти борцы за твою свободу тебя же и не выпустили? Заодно скажи им—
- Не стоит, — мягко возразил Марек.
- А, кстати, да, — обратился к нему Деревяшко. — Можете какую-нибудь машину дать, или сами нас вывезти?
- Можно просто в метро, — пожал плечами Марек. — Пойдем—
- О, даже так? Ничего себе.

Но сначала они пропустили в комнату женщину, тоже низкую ростом, тоже лишенную уважения к местным гравитационным традициям.

— Давай, залезай, — расправила она перед Грипом мрачного вида черный плащ.

Плащ весил почти как он сам, и движения стеснял невероятно.

— Ну! Входит, — удовлетворенно кивала женщина.

— И куда мне в этом идти?

Грип попрыгал еще, попытался пройтись.

— А пойдем в молл, — предложила женщина. — Как раз на весь день.

Слово это Грип знал, но переводили его как «торговый центр», что никакого восторга у него не вызывало. Тем более перспектива застрять там на весь день. Плащ отлично отучал пожимать плечами.

— Да ну. Не хочу.

— Ну, не хочешь — как хочешь, — ответила она и куда-то убежала.

Грип походил по комнате еще, присел. Его взгляд зацепился за стильную обложку:

— Ираклий Космович, это у вас учебник?

Он приподнял книгу, чтобы лучше было видно. Во весь зад красовалось «[дум-ай]», а во весь перед — «[знаки']». Только, тогда, повернутые неправильно. По-школьному.

— Свеженький.

— А вам не поздно?

— Учиться никогда не поздно, — он что-то помечал прямо в книге. — Они тут без дела не сидят, учат детей думать на ящерином. Думал когда-нибудь на ящерином?

— Отдельными словами, — задумался Грип. — Как же иначе, если про них думаешь. Я иногда думаю на английском, пока хватает слов, но у ящериц-то слов совсем мало.

— А отдельными словами, это стрекотом или переводами?

— Переводами.

— А они хотят учить без переводов, прямо стрекотом. Не знаю, смогут ли.

— Мы звуки вообще не проходили, я только так... А вы как, думаете? На ящерином.

— Я тоже стрекотом не думаю, мне достаточно знать, что есть однозначное соответствие... У меня в голове основы английские, но все штрихи и связки я проговариваю отдельно, и в порядке написания, а не как сейчас стали. Вот так вот, возьми тебя, Талию и меня, мы все трое озвучиваем по-разному.

— Интересно... А писать в столбцы слитно они не учат? И чтобы от себя. Вот это нам понадобилось прямо сразу.

— Ты знаешь, почему-то нет...

— А вы не хотите погулять?

— Честно сказать, нет. Я тут уже бывал; не думаю, что что-то сильно поменялось.

Без компании, телефона и даже часов идти невесть куда Грип не решался. Так он и сидел в этом тяжеленном плаще.

— А ты чего сидишь, как бедный родственник? — вернулся Марек. — Не хочешь в молл, сходи, вон, к Вороновым.

Подружка, как-никак.

— К Вороновым? А нам можно? В смысле, нас не положено разделить и допрашивать по одному?

— Что? Нет, ничего такого. Все равно там встретитесь.

— А я успею?

— Да хоть пешком, это недалеко.

— А меня Талькина мама взглядом не подожжет?

— Страсти-то какие, — развеселился Марек. — Фиона — дама исключительных манер, она совершенно неспособна никого поджечь. Она только давит. А ты и с Фионой знаком?

— Нет, я только с Мартином—

— О-о, а чего тогда стесняешься? Это ж Мартин Александрович! Рубаха-парень и вообще пирожочек. Тем более, что вы знакомы.

Грип крепко задумался. Он был занят поочередной примеркой на сдержанного, представительного мужчину, не проронившего при нем ни слова, ярлыков «рубаха-парень» и «пирожочек».

— А мы точно про одного Мартина Александровича? — тихо усомнился он.

— Хватит и одного, — не понял Марек. — А ты где с ним виделся, в Федерации может?

— Ага, — кивнул Грип. — На Аркадии.

— Не, ну тогда понятно, — заключил Марек. — Там ему, ясное дело, не рады. Вот он и ходил с кислой рожей.

«Кислая рожа» к сложившемуся в голове Грипа образу папы

Талии подходила не лучше, чем «рубаха-парень» и «пирожок».

— Ну ладно, — решил Грип. — А вы мне дорогу покажете, а то я без—

— Да мы тебя и проводим, пока дел негусто... Спокойней будет. Лора, проводишь парня к Вороновым?

Все та же женщина зашла в комнату, будто выжидала приглашения, но только чтобы критически оглядеть Грипа.

— Кепка тебе все-таки нужна. Я пойду пока, поищу чего.

И снова скрылась.

— Зачем мне кепка? — не понял Грип.

— Чтобы не узнавали? — предположил Марек. — Лишней не будет.

Лора нагнала их вниз, в коридорах совсем уже совсем нежилого вида, и выдала Грипу круглую, черную, блестящую кепку под стать плащу.

— Пойду-ка я тоже с вами, — сказал Марек, изучающе глядя на Лору.

Коридоры закончились дверью, за которой большая компания ела арбуз.

— *Привет!*

— *Здравствуйте!*

— *Это он?*

Марек молча кивал им, не замедляясь, пока не пересек кабинет и они не оказались в другом, коротком коридоре. А за следующей дверью уже тек широкой рекой пассажиропо-

ТОК.

В вагоне Грип стоял над целым рядом телефонов, и вдруг в одном из них увидел Талию, а потом и их обоих, они вместе произносили речь. Потом были какие-то бестолковые виды пустыни, ящерица, какая-то девочка прыгает на скакалке, что-то куда-то едет... Вот такие пять секунд славы. Грип, на всякий случай, повернулся к владелице того телефона спиной.

Вышли они почти сразу. Грип глазел по сторонам и чем больше видел рекламы, тем меньше ее понимал. Броская, яркая, запоминающаяся, она при этом ни о чем не информировала и ни к чему не призывала. «Хорошо поспал», или даже просто зеленое «эта сторона» оставляли положительное впечатление от просмотра, но было решительно непонятно что, собственно, под этим впечатлением делать.

И вот они снаружи. Заборы стали пониже, эти уже были такими, чтобы не глазели, а не чтобы через них не прыгали. Приземистые дома еще и стояли на огромном расстоянии друг от друга. А где при такой застройке жили люди? В машинах, разве что. До смешного низкие, они то подолгу стояли, то плелись так медленно, что Грип просто не мог воспринимать их как нечто опасное. Машины были частью ландшафта, как широкая река, машины и были Новым Амстердамом.

Пешеходам же доставались узкие тротуары; узкие настолько,

что на очередном светофоре они так и стояли друг за другом: Марек, за ним Грип и Лора. И Марек, глядя прямо перед собой, едва слышно сказал:

— Ты че удумала?

— Я че, я ниче, — ответ Лоры Грипу был слышен куда лучше.

— Ой, давай не надо. Сколько мы знакомы, десять лет?

— С перерывами.

Загорелся зеленый свет, и они перешли улицу. Но вскоре Марек остановился.

— Ты думаешь, я от тебя отстану? Что там под курткой? Показывай.

Лора неохотно протянула ему какой-то яркий журнал. Марек резким движением выхватил его и начал листать, а Лора старательно смотрела по сторонам.

Последним Грип узнал на обложке себя. И вообще, не так стар был Ираклий Космович, не так плечиста Сталина Филантьевна, не так похожи друг на друга Лиза с Марией, и уж точно не так страшна Талия. Худая как смерть, куда более бледная и беззубая, чем во плоти, она точно была главным злодеем этого комикса.

— Мама, я в телевизоре. Помогите, — в совершенном замешательстве тер переносицу Грип. — А можно мне экземплярчик?

— Как же, чтобы тебе не нашелся экземплярчик... — долистал комикс Марек.

— А то что это мы в гости без подарка?

- Ты где его достала так быстро? У Максимки?
- У Максимки взяла... — подтвердила Лора.
- Лаура Рэмсовна! — отчеканил Марек. — Отобрала комикс у ребенка. Ходишь теперь за другим с целью наживы—
- Какой наживы? Я гол как сокол.
- —Признайся, хотела, чтобы он подписал.
- Грип закрыл лицо обеими руками и беззвучно кричал.
- Значит так, эту улику мы у тебя реквизируем, — Марек подождал, пока Грип снова не взглянет на него, и заговорщически продолжил, — Только при сопровождении мне нельзя ничего нести в руках, так что нести ее будет Грип. Нигде не забудет, никак не испортит, и уже сегодня же вечером сдаст мне на хранение. Договорились?
- Будет сделано!
- А с тобой мы еще поговорим.
- Теперь Грип зачарованно листал комикс:
- А можно у Максимки узнать, откуда такие берутся?
- Тут ты такого не купишь.
- А где? Где такой купишь—
- Так это наш же, — Марек зашагал дальше. — Пока этот подержи, а там потом у начальника своего спроси.
- Какой ужас, — Грип догонял его, не отрывая взгляда от обложки. — Я напишу, я такого напишу, и в партком напишу, и в планком напишу, я вам всем напишу...

Всего пару домов спустя Марек свернул направо, открыв без приглашения калитку. Они пересекли лужайку и поднялись

на крыльцо. Мартин Александрович открыл дверь практически сразу, в фартуке с цветочками, одна рука в муке нелепо отставлена в сторону:

— Перцев! А ты— а, здравствуй, — обратился он уже к Грипу. Грип помахал вместо приветствия журналом:

— Воссоединение звездного дуэта. Заказывали?

— Талька! — повернулся Мартин Александрович, — К тебе гости! Проходите, проходите—

— Не-не, нам чего, мы только Грипа привели... — стал отнекиваться Марек.

— Ах так? Бросаете? — воззрился на него Грип. — В стане врага? Такого ценного кадра?

— На растерзание перебежчику и террористке, — вторил ему Мартин Александрович. — Талька!

— Передайте там этим, что *дети* уже свободны, — напутствовал Грип, заходя внутрь.

— Вот сюда повесь, — показал ему Мартин Александрович, закрывая дверь.

— А выдержит? — с сомнением уточнил Грип.

— *Фиона, у нас гость!* — предупреждал уже откуда-то из глубины дома Мартин Александрович.

Плечи ныли, ходить без плаща было неудобно. Грип кое-как поставил плащ в угол и зашагал догонять хозяина очередного замка. Бегать в помещении он пока просто боялся.

Мартин Александрович поджидал его в еще одном двухэтажном зале:

— *Позволь мне представить тебя Фионе, моей супруге и*

матери Талии.

Он протянул руку в сторону изящной, тонкой фигуры, украшавшей своим присутствием уголок, где она с болезненно-претенциозной элегантностью потягивала кофе из малюсенькой кружечки. Но выпал в осадок Грип не от ее нечеловечески прямой спины и не от ее помпезной прически, а от белого платья в пол. Сомнений быть не могло, кулаки или федералы, тут культурный код был един. Эта женщина сегодня выходит замуж.

— *Фиона, это Грип, последний Талькин поделник.*

— *Рад знакомству,* — вдолбленная годами учебы фраза скатилась с языка, а за ней — пустота. Сознание Грипа дошло до слова «поделник» и взяло вынужденную паузу.

— *Приятно познакомиться, юноша.*

Она опустила чашечку и смерила его осуждающим до глубины души взглядом, ожидая... чего там дальше предписывал этикет? Да побоку, чего бы он там не предписывал. Вынеси сейчас Мартин Александрович из кухни рыбу, она и то бы лучше поддержала разговор.

Несколькими секундами позже из тупика ситуацию вывели приближающиеся легкие шаги, предоставившие Грипу повод перевести взгляд на— у них тут что, винтовая? лестница?? прямо посреди комнаты??? —еще одну фигурку в белом платье, но поменьше, плавно скользившую вниз по лестнице, перебирая ногами так ловко, что на планетах с гравитацией побольше это было бы просто невысказано.

— *Талия, дорогуша, у тебя гость. Поприветствуй его, как истинная леди.*

Невеста помоложе, уже ступившая было на финишную прямую, церемониально поклонилась Грипу:

— *Рада встрече,* — мелодично пролепетала она.

— *Я не буду жениться на вашей дочери,* — брякнул Грип. Будь здесь та рыба, она бы молча отдала ему последнее место в категории «дипломатия», но Грип на достигнутом не остановился. — *Моргни два раза, если тебя пытали.*

— *Простите?!* — Фиона наливалась краской от потрясения столь глубокого, что чашечка в ее руке накренилась.

Но Грип глядел не на нее, а на почти настигшую его Талию; то ли чтобы его спасти, то ли чтобы прибить на месте. Там по лицу не очень было понятно, окей?

— *Он шутит, маменька,* — Талия так резко дернула Грипа за руку, что он полетел на нее. — *Пойдем, пойдем,* — ворковала она все тем же нежным голосом, пока Грип пытался не волочиться, но добровольно идти за ней к лестнице.

В коридоре наверху Талия остановилась и волком глядела на Грипа. Он ожидал привычного шипения, но вместо она заговорила быстро, тихо и четко:

— *Никогда, слышишь— никогда не обсуждай при моей маме за кого мне выходить замуж! И не выходить! Понял?*

— *Понял-понял,* — растерянно кивал Грип.

— *А это еще что?* — перевела она взгляд на комикс в его руке.

— Ну не-ет.

— Ну да, — расцвел Грип, протягивая ей комикс.

— Ну не-ет, — эхом отозвалась она, но комикс забрала и зашагала в комнату, разглядывая обложку.

Грип поневоле притормозил, изучая комнату. Огромная кровать по центру, будто поперек спать. Все белое, только черный рюкзачок под окном. Кроме него вообще ничего не лежит на виду, наверное все в шкафу, занимавшем всю стену, и вообще обстановку можно было бы назвать спартански-аскетичной, если бы не статуи. Четыре белые статуи в человеческий рост на одну комнату, по одной в каждом углу — это перебор.

— А... это...

— Не обращай внимания, — Талия плюхнулась на кровать с комиксом в руках. — Маменькино чувство вкуса— статуса —застряло веке так в двадцать втором.

Грипа долго уговаривать не надо было, он уже пристраивался читать комикс в четыре руки.

— Жестоко они тебя...

Рядом с оригиналом карикатура выглядела еще менее похожей.

— Да ладно. Это уже этот... сложившийся образ.

На первой странице некто в форме забирал его прямо с урока ящериного, на глазах у удивленной Марии Степановны, забавно прорисованной—

— Так и было? — уточнила Талия.

— Да почти так, по сути, — отмахнулся Грип.

Ко второй странице они уже вместе на Аркадии, толкают речь, а на третьей он с протянутой рукой вылезал из сияющего телепорта, раздавая всем указания направо и налево.

— Э?!

— А что, надо было тебя без сознания рисовать? — веселилась Талия. — Или телепорт слишком красивый?

— Нет, чего я у них раскомандовался?

— Ну подумаешь, забежали чуть-чуть вперед, — издевалась она.

— И с какого перепуга я в форме?

— Ох.

— Ты-то хотя бы в шортах!

От одной мысли ходить по базе в школьной форме бросало в пот, а это они еще не дошли до того, как Грип натянул на нее скафандр и поперся в этом всем великолепии разговаривать с ящерицами на песке посреди пустыни. Собственно, разговорам на песке комикс внимания почти не уделял. Добравшись до той единственной, хоть и большой панели, где он одной рукой писал, а другой оттеснял Талию, чтобы она не лезла в разговор, Грип уже не артикулировал конкретные претензии, а просто негодуя стонал.

Кто бы ни рисовал комикс, отлично знал все, что происходило на базе, и осознанно решил рисовать вместо этого что-то свое. Но при этом он вряд ли имел хоть малейшее понятие о том, что происходило в куполе — из комикса

вообще никак не следовало, что был какой-то купол. После своего триумфального возвращения («второму контакту — быть!»), Грип не дал Талии сразу перелистнуть обратно, и жадно читал выходные данные.

Автор: А. Я. Сергиюк. Иллюстратор: И. Я. Сергиюк.

Кто это? Сестры они, что ли?

Они пролистали комикс еще раз, всматриваясь в каждый уголок.

— Ну и дурь.

— Мда.

— Слушай, а ты уже? Все свои законы прочитала?

— Я что, на дурочку похожа?—

— —Эээ, как бы тебе—

— Не испытывай меня, бессмертный. Это я там без связи читала, а тут пусть адвокаты читают.

— Разумно. И как они?

— Да так же. Захотят — обвинят. У нас тут так, у кого—

— История складней? — кивнул Грип на комикс.

— Адвокаты дороже. Ну и общественное мнение—

— О, я тут видел толпу, которая меня то ли посадить, то ли освободить хочет—

— Ну да! Сначала же надо посадить, чтобы освободить, — смеялась она.

— Там они что-то еще не определились, — хихикал и Грип.

— С одной стороны они недовольны, что они планету

- старались, открывали, а я закрыл—
- Эй, а я? — хохотала Талия. — А как же я?
- А ты свободна, дорогая.
- Ну посмотрим, посмотрим. В четвертом выпуске. Кто планету закрыл. Комсомолец-пионер? Или шпионка-кулачка? — тыкала она пальцем сквозь смех. — Ты там передай им, чтобы не останавливались, рисовали дальше—
- А то что? — прыснул Грип. — Ты и до них доберешься? Через оконную щель пролезешь?
- Это не ко мне, это к Митьке вашему.
- К кому?
- Проникно...венцу? — придумала новое слово Талия. — Тоже открытый агент.
- Не знаю такого. Одного знаю проникновенца, но он на Эпсилон Тау 3 остался.
- Да не бери в голову.
- Не буду, буду как толпа ваша, с пустой ходить.
- Да они и не знают толком ничего. Еще ничего официально не объявляли, но вся планета уже в курсе, что мы закрыли планету, чтобы не подсаживать ящериц в головы людям.
- А-а-а, как они это себе представляют?
- Плохо.
- Я вижу, что плохо! Мой памятник с ящерицей на плече превращается в... — махал руками Грип.
- А тебя давно напечатали?
- Только что. Семьдесят часов ждали. Спасибо, что вообще

распечатали.

— Не, так низко они еще не пали. Так что ты не переживай. Домой вернешься. Что бы ты не делал. Как там твоя мама?

— Не знаю.

— Тебе что, телефон не дали? — перестала смеяться она.

— Нет.

— А ты просил?

— Нет. А что я ей напишу? Мам, у меня через три часа трибунал, о—

— Трибунал у меня—

— —не думаю, что моя мама разбирается. И зачем мне телефон? Я тут только тебя знаю.

— Я теперь тоже хочу—, — ткнула она пальцем в комикс.

— Мою подпись? — смеялся Грип.

— Что? Комикс. Ты же мне этот не отдашь?

— Это же улика — довольно протянул Грип.

— Какая еще улика?

— Ребята, которые меня сюда привели...

— Охранники?

— Наверное?

— Низкие, походка тяжелая—

— Да-да-да. Где-то у сына? Своего это нашли. И это улика теперь, одного против второго.

— Чего?

— Я про подпись что? Просто так шутил? Какой-то Максимка, у него был этот—

— Какой Максимка, Терещенко?

- Откуда мне знать? У какого-то Максимки барышня взяла этот комикс и хотела мою подпись.
- И что?
- Я не знаю, хитрый план какой-то. Но от второго прятала, не знаю, кто он ей: муж, брат—
- А! Вы ж федераты. Я поняла.
- Ну расскажи, раз поняла.
- Максимка Терещенко — это посольский сыночек—
- А эти ребята — его охранники?
- Нет, просто охранники, — потерялась Талия. — Хотели подписать и выгодно продать.
- А почему они тогда низкие?
- В смысле, почему низкие? — веселилась она. — А вдруг Свободин приедет? А тут они выше него. И Терещенко тоже невеликого роста.
- У вас тут третью руку нельзя нигде приделать? — спрашивал Грип, закрывая лицо уже обеими руками. — Не хватает. Пусть в комиксе мне третью руку нарисуют... Они специально их уменьшают? Чтобы—
- Фу! Нет! Не думаю. Мало что ли низких людей захочет такую работу?
- Хм.
- Не надо тебе третью руку, спорим, они там и без третьей руки не знают, что с тобой делать, — злорадно продолжила Талия.
- Убьешь меня, съешь и кровь выпьешь, — смеялся Грип.
- Только на платье белое не капни. Это ты почему такая

- худая была? Это без мяска пионерского—
- Ты чего, это совсем не героически. Такой герой-красавец может умереть только за великую идею, — пыталась не смеяться Талия.
- Мой герой-красавец так и так помрет в третьем акте! Вообще без идей! Ну, ладно, может за идею. Но чисто по глупости. А так даже героичней, как-никак. Пасть от руки заклятого врага—
- Я те щас дам, заклятого врага, — то ли обиделась, то ли придуривалась Талия. — Рукой, прям—
- Э, а истинным леди так можно? — с хохотом уворачивался Грип. — Это вообще законно?
- Истинным леди кушать пора, — улыбался заглядывающий в комнату Мартин.
- А джентльменов у вас подкармливают?
- Обижаешь. Давай, ты даже не представляешь, как мало эти двое клюют.
- А если платья ослабить?
- В этом доме платьев не ослабляют, — пошутил он перед тем, как скрыться.
- Я оставлю комикс здесь?
- О да, — поправляла наряд Талия. — Не нервируй зря маменьку.

За столом Грип поначалу сидел тихо, следил за Талией и Фионой, а потом решился. Чего бы не поиграть в званый ужин? Спину прямо, минимум внимания к столу, лицо кирпичом, улыбку натянуть, тяжелый взгляд коллеги

проигнорировать, вспоминаем все высокопарные слова, которые когда-либо слышал...

Из кухни выплыл Мартин Александрович с большим подносом, стал обходить с ним стол и расставлять блюда. Грип не без удовлетворения смотрел, как хозяин дома при этом делал ровно то же самое, чем его гость был занят последние полминуты: бросал быстрые взгляды на прямые спины и задранные подбородки, вслушивался в звенящую тишину и, в целом, силился угадать, в какую игру играем сегодня. С одним лишь отличием, что в конце он идею поиграть отбросил и просто сел обедать.

— *Приятного аппетита,* — объявила Фиона, и система пришла в движение.

Грип молчал, раз промолчала Талия, копировал хват вилки и, в целом, развлекался. Мартин Александрович еще раз окинул их недоуменным взглядом и сосредоточился на еде.

— *Звонил доктор Беринг,* — завела беседу Фиона. — *Сказал, что ты в этом году пропустила вообще все контрольные визиты.*

— *Маменька!* — зашипела Талия столь привычным Грипу образом, ничуть не меняя при этом благообразной позы.

— *Где твои манеры? Просто отправь ему скан, в твоём распоряжении как раз есть свежий.*

— *Дорогуша, не в одном лишь скане дело! Я все еще не оставляю надежды, что он вразумит тебя в отношении всего того непотребства, которое ты употребляешь во время*

этих своих миссий—

— *То есть теперь это — приемлемая тема для разговора за обедом?*

— *Ну, как фрикасе?* — тут же обратился к гостю Мартин Александрович.

— *Просто восхитительно, — сдержанно, но искренне отвечивал Грип. — Я твердой пищи не ел уже неделю.*

— *Там есть еще, только еще рыба будет,* — улыбнулся Мартин Александрович.

— *Не имею ни малейшего сомнения, что она будет столь же изысканной,* — завернул Грип и мысленно покивал своей велеречивости.

Дамы притихли.

— *Как тебе Новый Амстердам?*

— *Не имел, к сожалению, возможности полноценно с ним ознакомиться. Я только сегодня прибыл, и до сего момента я все еще не уверен в своей способности перемещаться по нему в безопасности.*

К концу фразы, большая часть его мозга была занята — отмечала успех.

— *Какая досада,* — заявила Фиона. — *Надеюсь, вы разрешите это нелепое недоразумение. У нас тут есть что посмотреть.*

С вилки Мартина Александровича упал на стол небольшой кубик еды, и он тут же невозмутимо наколол его обратно.

— *Кажется,* — продолжил Грип. — *некоторые люди слишком близко к сердцу приняли закрытие планеты—*

— *Давайте за столом без работы. И без политики,* — пролепетала Фиона.

Неконтролируемый взлет бровей портил Грипу всю невозмутимость. Он глядел на Талию; Талия глядела мимо него, мимо всех, строго перед собой. Бок кресла, который она так тщательно сверлила взглядом, еще не дымился.

— *Талия, милая, составишь гостю компанию?*

— *Я сейчас,* — пошел за рыбой Мартин Александрович.

— *С превеликим удовольствием,* — щебетала Талия.

— *Надеюсь, у вас найдется время на все, что вы запланировали.*

— *Ох, время. У меня его ровно столько же, что и у вас.*

— *Ваша правда,* — она скользнула по нему тяжелым взглядом. — *В таком случае, полагаю, вы можете отложить ознакомление с планетой на после доз—* — осеклась она.

— *Вкусно, да?* — кивнул Грип.

— *Как и всегда,* — выдавила она и все ненадолго сосредоточились на еде.

— *И чем планируете заняться?* — полюбопытствовала Фиона.

Грип покачал головой.

— *Фионочка, милая,* — не выдержал возвращающийся Мартин Александрович. — *Наш гость, школьник и открытый агент, прибыл для того, чтобы предстать перед судом. Как ты предлагаешь ответить на свой вопрос, не упоминая ни работу, ни политику?*

— *Мороженое! Определенно планирую где-нибудь раздо-*

быть мороженое—

— А у нас есть! Я принесу, — кивнул Мартин Александрович.

— —помимо... вышеозначенных тем.

Дамы временно прекратили попытки завести разговор. На этот раз Мартин Александрович вернулся с целой вазой разноцветных шариков мороженого, и тремя креманками. Фионе креманки не досталось.

— Вы не любите мороженое? — полюбопытствовал Грип.

— Берегу фигуру, так что позволяю себе немного и только по праздникам. О чем Мартин прекрасно осведомлен, — благосклонно отвечала она.

Грип задумчиво кивнул. Он размышлял, чего он хочет больше: как-нибудь перевести и спросить «не поведаете ли нам удивительную историю вашего знакомства», или жить.

— Что, совсем дезориентирован? — спросил, как только присел, Мартин Александрович.

— Вам честно? Или—

— Да говори как есть, я, скорее всего, понимаю.

— Скажем так, я озадачен.

— Ты же это про планету, правда? — Мартин Александрович не скрывал веселья.

— Да-да, определенно про планету.

— Оно только поначалу кажется, что вообще все другое, а на поверку очень на Аркадию похоже, просто выглядит иначе.

— Что ж, тогда мне, боюсь, недостает подходящей точки

сравнения, — Грип отряхивал и пускал в дело все новые и новые обороты с пыльных полок сознания.

— Да? — нахмурился папа Талии. — А почему я думал, что ты с Аркадии?

— Это легко объяснимо, — качнул головой Грип. — Мы имели удовольствие там впервые видеться, но это было просто... проездом.

— Вот как? А сам ты...

— С Розарио. Это горнодобыча, уран, — добавил он.

— Не, ну тогда беру свои слова обратно, — развел руками не стесненный этикетом Мартин. — Тогда я понятия не имею, каково тебе.

— Думаю это... более точное суждение, — закрома оборотов все не пустели.

— Но люди — они все равно везде люди. Только надо пообвыкнуться.

— Я, право слово, еще не решил, пообвыкнуться надо или ноги уносить.

— В любом случае, ты обращайся, если что—

— Дорожку знаете?

Грип ухом почувствовал резкий тяжелый взгляд Фионы, а поворачиваясь к ней с удивлением отметил, как он пятном скользит по лицу.

— Вы не могли бы отложить такие разговоры на послеобедно? — щебетала она. — Я, так и быть, даже удалюсь.

— Конечно-конечно, — склонил он голову в кивке. — Примите мои извинения, с моей точки зрения, буквально

несколько часов назад я был по уши в работе, и все еще не до конца перестроился.

— *Извинения приняты,* — смягчилась она.

— *Мадам, а вам не говорили, что у вас тяжелый взгляд?*

— *Да-да, мне говорили,* — совершенно одинаково улыбалась она почти во всех ситуациях.

Бледное лицо Талии было полно решимости уехать при первой возможности спастись от ветра любых улиток, поющих и нет.

— Слушай, друг, — наверху Грип снова засмотрелся на статуи. Вспомнил фигурки в отсеке Талии. — У меня вопрос. А вот эти двое, они, ну, как вообще пересеклись? Мне просто интересно, как человек с Аркадии мог пересечься с человеком, у которого в спальне стоят другие люди? Из камня?

— Совсем жутко, да? — грустно спросила Талия с прямо-таки Ньютовской точностью: то ли про статуи, то ли про обед, то ли про маму, то ли еще про что.

— Ну, это, странно, — обтекаемо ответил Грип.

— Папа мой — перебежчик, — начала она.

— Угу, это как раз я знаю.

— А дед — начальник начальника твоего начальника.

— Отец отца — начальник начальника-ааа...

— Ты и сейчас ничего не читал?

— Говорю, телефона у меня нет! Я где должен был это

читать? В комиксе про это ничего не было.

— Ну ты даешь... Свободина хотя бы знаешь?

— Хвала небесам, не лично.

— Ты смотри, еще что-нибудь выкинешь и допрыгаешься—

— Подожди-подожди, на тебя тут статуи смотрят, а я сегодня с утра проснулся, а на меня со стены Свободин пялится. Жуть!

— У вас его портреты в каждом кабинете—

— —не в спальне же—

— —а тут фотографии, и в спальне, — подтрунивала Талия.

— Понятно. Непривычно.

— Дед— —напомнил Грип.

— Свободину подчиняется министр обороны, Ренат Строич Киренко, ему — глава внешней разведки, начальник Аксата Джонатановича—

— —твой дед—

— вот и сын тоже в разведку пошел. И тут ему понравилось больше. И он как-то так перебежал, что деду за это ничего не было. Высоко сидишь, кстати.

— Веселее падать будет. И здесь гражданин Воронов встретил леди Воронов?

— Она *Стрейндж. Как Стрейндж Лоджистикс.*

— Ну, ладно, как они пересеклись-то?

— На каком-то званом ужине. Папа был только из Федерации, такой экзотичный, вот он—

— Экзотичный?! — фыркнул Грип. — Он тут самый нормальный вообще!

- Ну ты-то не ведись... — провела ладонью по лицу Талия.
- Что, думаешь теперь, как я такая получилась?
- Нет, как они уживаются.
- Маменька его очень любит, вот и терпит.
- Великого терпения женщина.
- Она?! Не я?! — умудрилась сказать Талия одним лишь выражением лица.
- Ты с такой маменькой визиты к доктору не пропускай.
- Очень смешно, — надула она губы. — Да, мой психотерапевт — очень богатый человек.
- Твой... психотерапевт?... А личного садовника у тебя нет?
- Сначала придется завести личный сад, — рассеянно сказала она, и, с хмурым лицом, потянулась за телефоном.
- Что-то случилось, идти пора?
- Да, скоро пойдем. Подожди.
- Через минуту она качнула телефоном и улыбнулась.
- Твоего отца позавчера выпустили.
- Это хорошо, — сдержанно ответил Грип. И на этот раз разговорился. — Лишь бы сейчас обратно не посадили. Так вот, расскажешь сказку, кому не надо— Я теперь своим детям только Колобка читать буду, как бы не вышло чего. Ты это, верни мне обратно коллегу, а то в таком виде с тобой только в ЗАГС ходить.
- Ага, чтоб я в таком виде на улицу вышла... — ушла в шкаф Талия, оставив Грипа гадать, чья это все-таки спальня.
- *Пошел, пошел. Начать маневры уклонения.* — выскочила

из шкафа Талия-злодейка, схватила комикс и побежала,
— *Мам, пап! Нам пора, мы пошли!*
— *Что, уже?!* — донеслось снизу и Талия резко изменила курс с учетом новой информации.

— ... твоей маме нужна сверхспособность давить и поджигать взглядом, Ираклию Космовичу — доставать бумагу из воздуха, мне — плащик вот как этот—

— А мне?

— Кушать тебе надо, кушать и еще раз кушать.

— А этот— угадаешь, что продает?

Грип подошел посмотреть на желтые круги, взгляделся в темную комнату...

— Да это ж сыр, — вернулся он на тротуар. — Эка невидаль, магазин сыра.

— И правда, — иронизировала Талия. — Нашла, чем удивить. Как будто у вас там нет целых магазинов с одной лишь колбасой.

Они замолчали: впереди показался перекрытый кусок улицы перед посольством. Фигура в ярко-желтом костюме следила за ними, присев на крышу автомобиля с надписью *ПОЛИЦИЯ*. Грип поправил плащ, надвинул на глаза кепку, Талия просто ускорила. Протестующих невест за что стало поменьше. Пока они отвлеклись на вышедшего Марека, дети просто шли спокойно вдоль улицы. А потом их узнали. Один молча повернулся снимать их, второй,

третий... Толпа зашумела и расступилась пошире, чтобы удобнее было снимать; некоторые приблизились, но не решались как-то лезть к детям.

— *Свободу детям!* — прикрикнул Грип.

Один пятилетка выбежал так, что встал прямо у Грипа на пути, схватил его за рукав и открыл в изумлении рот. Грип сам ухватил его за руку и энергично пожал ее, огибая мальчишку, и теперь первоклашка пялился себе на ладонь.

— Давайте, сюда! — открыл калитку Марек, и все засуетились, но поздно.

Грип и Талия перешли на бег, пару людей Марек бесцеремонно растолкал, закрыл калитку, они взбежали на крыльцо и скрылись за дверью.

— Дай!

В коридоре на Грипа снизу вверх смотрел какой-то пухлый вздорный мальчишка лет восьми с требовательно протянутой рукой. Грип свернул комикс трубочкой и легко стукнул его по голове. Мальчик от такого демарша застыл, а потом выхватил комикс и молча убежал.

— Ты чего? — упрекнул Грипа Марек.

— А кто это был, что он хотел?

— Максимка, посольский сыночек, — восторженно произнесла Талия.

— *Ой...* — поджал губы Грип.

— Сыночек, не сыночек, а вышло не очень красиво, — заключил Марек. — Ты как-нибудь извинись, при следующей встрече.

— Неудобно вышло, — согласился Грип, пристраивая Максимкин плащ, а Талия уже шагала напрямиком в холл.

— Ты чего ее привел?

— А куда—

— Вы что тут устроили? — начала она разнос с порога.

— О!

— Мы ждали, — показал Ираклий Космович с телефона заголовок «*Воронов работает на коммунистов*».

— И тебе привет, — поздоровался Аксат Джонатанович.

— Какой Воронов? — ухмылялся Грип. — Нельзя ли конкретнее—

— Вы ему про отца вообще не планировали говорить?

— Мы собирались. Сразу после дознания.

— А телефон ему чего не выдали, чего-то еще скрываете?

— Так это не мы, это законы ваши дурацкие, — с заметным облегчением парировал Аксат Джонатанович.

— Какие такие законы?

— По которым детям нельзя телефоны.

— Да правда? А это что? — помахала перед ним телефоном Талия.

— А это твоей мамы, папы, или вообще компании, — ответил он.

Но тема уже ушла: Талия заметила Сталину Филантьевну.

— А это что за издевательство? — возопила она. — За что вы ее так?

— Это мы ей что ли *права* не одобряли, пока поздно не стало?

— —ниспослали мне небеса защитницу, — простонала

- Сталина Филантьевна. — Отвали, найди себе улиток и их защищай.
- Каких улиток?
- От ветра, — вдвойне не попад ответил Аксат Джонатанович.
- А если вы тут, где Дмитро Иванович? — сменил тему Грип.
- Моется. Встретил его *Новый Амстердам* дополнительным томатным соусом.
- Бр-р. А про нас комикс нарисовали!
- о да—
- От нее, правда одни косички—
-

- А куда нас? — перешла в сидячее положение Сталина Филантьевна.
- Не говорят, — отвлекся от книжки Ираклий Космович.
- До конца не хотят, чтобы журналисты знали, — кивнул Аксат Джонатанович.
- ... куда не надо было бежать? — вставил Грип.
- И какое это тогда открытое слушание? — хмурилась Сталина Филантьевна.
- Если они в конце запись выложат, это тоже открытое, — пожал плечами Ираклий Космович.
- Куда бы нас не повезли, теперь уже недалеко.
- Талия отвлеклась от кроссворда и достала телефон. Деревяшко посмотрел на часы.

— Да-да, собирайтесь, готовьтесь, — бросил пробежавший мимо Марек. — Уже скоро.

Сталина Филантьевна двигалась неуверенно, будто ее беспрестанно било током. К посольству подогнали два низких, длинных лимузина. Они стояли по диагонали во всю улицу, вокруг них суетились десятки желтых полицейских.

— Как вырывать будем, начальник? — крикнул Деревяшко.

— Сюда, сюда, — деловито вел их между двух лимузинов Марек. — За мной.

Окинув подопечных взглядом, он устремился открывать калитку забора напротив. Расступившиеся было, не понимающие, куда мчаться дальше, журналисты снова сгрудились к машинам.

Табличка на здании напротив гласила: «Институт гибридного правоприменения». Двери открывались в огромный коридор, где их горячо приветствовал седой дедушка. Но Грип его речи пропустил, устремившись к высокой фигуре поодаль.

— *Коллега!*

— *Дэн!*

Вблизи фигура оказалась Дэном, вид снизу, только сильно темнее, и головы на три выше, чем Грип себе представлял.

— *Вот и свиделись!* — Дэн наклонился пожать ему руку.

— *Приятно видеть! Пиксели живыми! Что, может тогда и*

Ли здесь?

— *Нет, — замотал головой Дэн. — Хватило совести хоть Ли сюда не тащить.*

— *Хорошо.*

— *Уж Ли-то ничего неправильного не делал!*

— *Это точно.*

— *Привет-привет, — помахала Грипу Лиза.*

— *Не разбредаемся, следуем за мной, — командовал дедушка. — Или вверх по лестнице и первая комната налево, кому нейметя.*

Помещение было устроено шиворот-навыворот. Круто вздымавшиеся перед ними дюжины рядов сидений пустовали, а рассаживались они почему-то за стол снизу, согласно именным табличкам. Стол, в свою очередь, имел бы куда больше смысла, будь он выгнут в другую сторону. Ну или стой стулья с другой стороны, но тогда вместе пустых сидений они смотрели бы в стену. А так Грипу, с его центрального вроде бы места, из-за изгиба стола никого не было толком видно, только Марию слева и Сталину Филантьевну справа. Кроме таблички перед каждым стояло по стакану воды, лежали какие-то блокноты-карандаши...

Последними в зал вошли двое молоденьких «близняшек-мультишек», гротескная парочка, которую Грип видел мельком по пути. Одинаковый разрез глаз, одинаково показные движения— проще перечислить отличия: прически, слегка, и одежда, очень сильно. Синий деловой костюм

одной из них Грипа заинтересовал лишь голубым кулаком на лацкане. Зато наряд красненькой, особенно теперь, когда он разгадал замысел автора— Проблема была в том, что Грип знал, как выглядит настоящая рабочая одежда. Ох, привезти бы маме такую «спецовку», просто посмотреть на ее лицо. Или пусть на работу наденет, весь семнадцатый отряд животики надорвет. Воспринимать дознавателей серьезно это не помогало.

Только синенькая начала говорить что-то на английском, как ее перебил громкий стук. Грип откинулся назад и весь извернулся, чтобы увидеть, что это Деревяшко выронил на стол наушник.

— *Простите, извините...*

Грип набросился на кучку перед собой и тоже выудил себе наушник. В нем был синхронный перевод.

— *... в связи с наличием в действиях Лизы Фрай и Марии Стиннер квалификационных признаков следующих преступлений: склонение к групповому самоубийству, ассистирование самоубийству и преступный саботаж.*

— Мы проводим дознание, — начала красненькая, — по результатам действий Грипа Авдотьевича Ставропольского, Сталины Филантьевны Ивановой и Ираклия Космовича Шпрейгла, подозреваемых в организации массового самоубийства, доведении до самоубийства, ненадлежащему исполнению должностных инструкций, повлекшему за собой тяжелые последствия для жизни и здоровья, и превышении полномочий.

— *Отвечать можете на любом языке на ваш выбор. Как и всегда, все, что вы скажете, может быть использовано против вас.*

— Грип Авдотьевич Ставропольский, разрешите обращаться к вам на ты?

— Пожалуйста.

— Расскажи нам коротко, в важных для дела моментах, о своем пребывании на Эпсилон Инди 3 в целом.

— Ох. Я был направлен для установления дипломатических контактов с... будем называть их ящерицами. Они проявили интерес к нашей природе, животным. Им были предоставлены образцы для ознакомления. Мне кажется, нам удалось их убедить в нашей для них безопасности, после чего один из представителей... я буду называть его Ньют, захотел... осмотреть наше жилище, мы предоставили ему такую возможность, после чего произошел достаточно печальный инцидент— я думаю, я могу спокойно о нем говорить, не задевая ничьих чувств, потому что он произошел непосредственно со мной —и... при попытке познакомиться со мной лучше, так вышло, что я погиб. Вот...

— Боюсь, что уже в этой части нам потребуется очень много уточнений.

— Ну, вы просили коротко.

(Не)подотчетны

Если красненькая дотошно и занудно шла, в основном, по фактической стороне дела, то от синенькой ему пошли вопросы как на подбор дурацкие:

— *Грип Ставропольский, будь так называемый Ньют человеком, как бы ты описал его характер?*

— Я не буду этого делать, — насупился он. — И никому не советую. Ньют — не человек. Для него все это наше просто неприменимо.

— *Справедливости ради, ты и правда на удивление последователен в этой своей позиции,* — кивнула синенькая.

— *Но несколько эпитетов ты все-таки себе позволил — я процитирую —*

— Не надо, — нервно перебил ее Грип. — Если позволил, значит был неправ. Ньют не человек.

— *Зато ты — человек. Когда ты узнал, кто тебя убил, ты чувствовал обиду? Предательство?*

- Нет. Я не обижаюсь, и это — не предательство... Я понял что— он же просто хотел познакомиться с паразитом в моей голове, понимаете? Он просто не знал, что бывает иначе, что разум может быть целым с животным.
- *Что ты почувствовал, когда понял, что это он тебя убил?*
- Какая разница? Смятение. Облегчение. Достаточно?
- *Облегчение?*
- Я точно знал, что он не хотел.
- *Кстати, а когда ты понял, что это он?*
- Точно? Когда увидел следы... на клетке с ящерицей.
- *А когда впервые начал подозревать?*
- Да почти сразу. Как понял, что мы его принесли. Просто, а кто? Он — единственное, что изменилось.
- *Можно ли назвать ваши отношения на тот момент основанными на взаимном уважении?*
- В который раз вам говорю: мое отношение к Ньюту после инцидента не изменилось. А уважение — человеческая эмоция—
- *Дружескими?*
- —хватит лепить их к ящерицам.
- *Основанными на взаимном доверии?*
- ... сложно. Но, наверное, можно, — неожиданно для синенькой согласился Грип.
- *А тут ты почему не споришь?*
- Он доверял нам настолько, что пошел ночевать к нам в жилище. Мы пополняли язык, мы не понимали друг

друга, но мы пытались, и... Я не могу сказать, что он доверял нам во всем, но он доверял нам в чем-то. Не понимаю, как эти концепции применить на наши с ним отношения... Я... несколько раз наблюдал, как Ньют жертвует собственной безопасностью, чтобы понять нас получше. Мне кажется, это можно назвать доверием?

— *Тебе виднее. А в динамике, доверял ли он вам больше с каждым днем?*

— Мне бы хотелось в это верить. В этом была моя задача. Я старался.

— *А ты ему стал доверять больше?*

— Сложно. Я понимал, что ничего не понимаю, — Грип надолго задумался. — Он стал мне чуть понятнее. Я не знаю, как к этому применить слово «доверие».

— *Еще бы как-нибудь понять, какие слова ты приемлешь, а какие — нет. Попробуй еще описать ваши отношения, может, яснее станет. Кто вы были друг другу?*

— ... Мы были как дети и вожатый. Только постоянно менялись местами. Постоянно учились друг у друга. Но никогда до конца друг друга не понимали. Я думаю, это всегда будет так, со всеми ящерицами, мы слишком разные.

— *Так. А с другими ящерицами?*

— А с другими ящерицами мы говорили мало. И, в основном, о Ньюте.

— *А сравнивать Ньюта с другими ящерицами можно?*

— Да, я могу попробовать. Ньют любопытнее. Меньше по

- размеру. Смелее. Больше доверял нам, опять же.
- *И как к этому относились другие ящерицы?*
- Не знаю, не одобряли?... Вот вы опять лезете в ящеринные эмоции. Даже этого я сказать не могу. У ученых каких-нибудь спросите, есть ли у ящериц эмоции.
- *Хельга Воронов. Подозревала ли ты так называемого Ньюта в причастности к убийству Грипа?*
- *Да.*
- *С какого момента?*
- *Сразу.*
- *А когда поняла наверняка?*
- *Когда и Грип.*
- *До этого ты делилась своими подозрениями с Грипом?*
- *Нет.*

Синенькая отступила назад, к нижнему ряду сидений, и быстро проверила телефон.

- Хельга Воронов, — зашагав вдоль стола, тут же сменила ее красненькая. — Почему ты скрывала свои подозрения от своего напарника?
- *Обвинение в убийстве — серьезное обвинение,* — очень медленно отвечала Талия. — *А я бы никогда не стала ставить миссию под угрозу, разбрасываясь бездоказательными обвинениями в адрес посла.*

А, нет, дурацкими вопросами заразилась и красненькая.

— Грип Ставропольский. Опиши свои отношения с Хельгой

Воронов.

— ... вас что именно интересует?

— Так, ну хоть про нее ты можешь сказать, что вы дружите?
— развеселилась красненькая.

— Да, вроде, про нее могу, — улыбался в ответ Грип.

— Отлично. Когда вы общались с ящерицами, можно ли сказать, что она направляла разговор? Задавала темы? Руководила?

— Мне приятно думать, что у нас было равноправие, — замотал головой Грип. — Всякое бывало, спорили иногда, я, вроде как, язык лучше знаю, она про дипломатию... Может, льщу себе, но вроде так, поровну. И я, и она. Но точно не руководила. Я даже и не знаю, какая у нее там должность, но она мне не начальник.

— Дмитро Деревяшко, — выбрала новую цель красненькая.
— Как непосредственный начальник Грипа, проясните: является ли пронос Грипом пришельца на базу нарушением должностных инструкций?

— Нет, насколько я могу судить, не является, — скучным тоном ответил Дмитро Иванович.

Грип поднял руку.

— *У нас здесь так не принято,* — замотала головой синенькая, и Грип руку убрал.

— Сталина Иванова. Перед смертью Грипа дважды за сутки срабатывал РПБ, но оба раза вы просто запустили перекалибровку. Почему?

- Как вам прекрасно известно из имеющихся в вашем распоряжении журналов жизненки, я ожидала появления на базе нового животного.
- Но вы указали одну и ту же причину дважды.
- Как вам прекрасно известно все из того же журнала, первая калибровка не успела завершиться до отбытия со станции первой ящерицы.
- Да, но разве на следующий день вам не показалось странным, что—
- А вот на такие вопросы я отвечать не стану — невозможно отозвалась она. — Тем более, в разрезе спекуляций о моих домыслах.
- Сталина Иванова, — холодно повторила обращение красненькая. — Сработал ли РПБ повторно еще через сутки с небольшим?
- Извините, но я не обязана отвечать на ваши вопросы.
- Дэниел Вашингтон, — красненькая не отрывала от нее взгляда. — Предпринимала ли Сталина Иванова меры, чтобы скрыть от команды или центра показания систем мониторинга жизнедеятельности?
- *Решительно не представляю, какие такие меры это могли бы быть. Кроме нас с Ли, она незамедлительно доложила о срабатывании и своих подозрениях Дмитро, то есть, всем свободным от подозрений.*
- И он потребовал временно отключить связь?
- *В перспективе назревавшего межвидового скандала, да, это было разумным решением.*

— Напомню вам всем, что это было первое, временное отключение, — отступила от Сталины красненькая. — Дэниел Вашингтон. Какие именно меры скрываются за неоднократно прозвучавшим сегодня выражением «закрыть планету»?

— Рад, что вы спросили, — восторженно воскликнул при ее приближении Дэн. — Все гораздо проще, чем многие себе навоображали. Почти вся передача, пакетная и непакетная, все очереди, обычно и так требует одобрения офицера связи. Если ничего не одобрять, а некоторую автоматику отключить, то вот оно и выйдет.

— Оно — это радиомолчание?

— Это некорректный термин, радиосвязью мы и так пользовались лишь в пределах планеты. Но да, все это громкое «закрытие планеты» — это всего лишь нехитрое молчание. И получится односторонняя мембрана, чтобы предотвратить распространение чувствительной информации.

— А именно?

— Сканы ящериц. Этой штуки внутри ящериц.

— Почему для этого нужно одностороннее радиомолчание, если можно просто договориться не передавать ее?

— ... Это было не моим решением, — осторожно начал Дэн. — У меня сложилось ощущение, что у них там внизу сложилось некоторое недоверие по вопросу разглашения... внутреннего устройства... настоящих обитателей.

Синенькая полезла было вперед, но красненькая успела первой:

— Мария Стиннер. Не могли бы вы прояснить природу такого недоверия—

Грип закатил глаза.

—и способ, которым сканы могли бы покинуть планету, минуя ваше участие.

— *После того, как я выяснила бы способ подготовки их к сканированию, — Мария очень тщательно подбирала слова, — кто угодно с доступом к телепортам мог бы отправить их остальному человечеству.*

— Как мы только что выяснили, для этого нужно согласование офицера связи. Вашего офицера связи. Зачем тогда такие меры?

— *... Я — не лучший человек для ответа на этот вопрос... По крайней мере, я находилась под впечатлением, что данные можно замаскировать под что-то другое и эксфильтрировать так... введя его в заблуждение.*

— Дэниел Вашингтон—

— *Все гораздо проще, ребята. Я и так никогда не вижу, что именно уходит в Федерацию.*

— Мария Стиннер. Вы оставили без ответа вопрос о природе возникшего недоверия.

— *Я... — очень осторожно начала Мария. — Я— хотя я никогда этого не утверждала, —я могла оставить у Грипа ощущение, что... подселение обитателей Эпсилон Инди 3 к людям может лишать людей свободы воли.*

— А оно может?

— *Я не могу знать наверняка. У нас был только один случай, я не могла его полноценно наблюдать, и все равно я не имею оснований считать, что Грип терял свободу воли.*

— *Вот как. Грип Ставропольский, — отогнала синенькая красненькую. — Оставила ли Мария у вас описанное ощущение?*

— Поучаствовала, — фыркнул Грип. — В процессе создания.

— *И кто еще в нем участвовал?*

— Собственно, ящерица? С которой я разговаривал? Которая шевелила хвостом, писала им разумные мысли, и не имела свободы воли? — довольно выдал Грип.

Оттесненная красненькая неловко скрыла смехок кулаком. Синенькая явно ожидала не такого ответа.

— То есть, — вбросила красненькая, — ты хочешь сказать, что Мария и ящерицы оставили у тебя впечатление, что эту технологию небезопасно передавать в руки кулаков?

— Нет, — улыбался Грип. Мария и ящерицы... оставили у меня впечатление... что эту технологию небезопасно передавать в руки людей. Потому что люди могут воспользоваться ей, чтобы навредить другим людям.

— *То есть ты и Федерации не доверяешь?* — между делом спросила синенькая.

— Я людям не доверяю, — ответил Грип. — В целом. Если у нас есть тюрьмы, значит люди могут друг другу навредить. И есть милиция. И у кулаков есть полиция, значит и у

них есть люди, которые могут друг другу навредить. А еще, с точки зрения мяса, для ящериц, мы с кулаками вообще одинаковые.

— *Полиция защищает людей именно что от преступлений других людей. Не от войн. Не от нового биологического оружия. Чтобы защититься от государства, нужно другое государство. Ты не доверяешь собственному государству, Грип?*

— Я не знаю, что это такое, — улыбнулся Грип. — Мы в школе еще не проходили, что такое государство. Расскажите мне, что такое государство без людей, и я попробую ответить, доверяю я ему или нет.

— *Здесь так не принято,* — оправлялась от его отповеди синенькая. — *Но, из уважения к твоему нежному возрасту, я попробую пояснить. Человек может, например, вспылить, сделать что-то не то, а потом пожалеть. Государство — такая сбалансированная система, что оно в целом куда более взвешенно, чем человек. Потому и доверия к нему больше, чем к отдельным составляющим его людям.*

— Но система все равно состоит из людей, — пожал плечами Грип. — Вы— как скажете, но я не могу ответить на ваш вопрос.

— Грип Ставропольский, — сменила тему красенькая. — Я правильно понимаю, что ты решил, что ящериц могут использовать как оружие?

— Да.

— Почему?

— Раз я от них умер, значит точно могут.

— Прости, но человечество располагает куда более эффективными ядами, бомбами, пулями—

— И знает, что с этим всем делать. А с ящерицами — нет, и никому не будет хуже, если мы все сначала над этим обстоятельно поразмыслим.

— Дмитро Деревяшко, — начала опять красненькая. — Как непосредственный начальник Грипа, прокомментируйте: является ли отказ Грипа передать технологии Федерации нарушением должностных инструкций.

Дмитро Иванович прочистил горло:

— Я вам сейчас сэкономлю время и процитирую вообще обе выданные ему инструкции. Первая, главная: установление и поддержание дипломатических отношений людей с ящерицами, также сформулированная мной для краткости как «подружиться с ними». Вторая, второстепенная, звучала так: когда уговорите ящерицу слетать в гости, постараться, чтобы ящерицы выбрали Федерацию. До этого дело не дошло.

— И как по-вашему, закрытие планеты нарушает его инструкции?

— Здесь как минимум есть пространство для интерпретации, — демонстративно задумался он. — Отношения он установил, новых встреч стабильно добивался. Как я понимаю, заслужил их доверие и спасает теперь их от демографической катастрофы, быть может, прямо

сейчас. А что у нас ограничена связь с планетой, так это же, как я понял, не навсегда.

— Может еще будете утверждать, что это не является превышением его полномочий?

— А к этому любопытному вопросу я бы вернулся, если вдруг в процессе следствия установят, что это сделал Грип, — показную расслабленность в голосе Деревяшки испортили нотки издевки. — А пока я только отмечу, что когда Дэниел рассказывал, как он, Сталина и моя копия временно отключали связь с планетой, к полномочиям ни одного из них таких вопросов почему-то не возникало.

— *Грип Ставропольский*, — перехватила инициативу синенькая. — *Там, на Эпсилон Инди 3, ты был в курсе, что склонение к самоубийству, доведение до самоубийства или ассистирование самоубийству являются тяжкими преступлениями по законам как Федерации, так и Кулака?*

— Нет, — Грип поднял ладонь, а другой рукой вытащил из уха наушник. — *Вы не могли бы повторить последнее предложение, слово в слово?*

— *Там, на Эпсилон Инди 3, ты был в курсе, что склонение к самоубийству, доведение до самоубийства или ассистирование самоубийству являются тяжкими преступлениями по законам как Федерации, так и Кулака?* — замедлилась синенькая.

— Нет, — вернул наушник обратно Грип. — Точно нет.

— *Теперь, когда ты это знаешь, можешь предположить,*

почему?

— Видимо, потому что предполагается что мы... не спросили мнения тех, кто там остался? А что, нету разницы, если это будет копия и она сама так решила?

— *Никакой. Законодательство в этом плане довольно консервативно,* — покачала головой синенькая. — *И каково твое к этому отношение?*

— Это выбор. Я бы согласился, — осторожно отвечал Грип.
— А можно ли так поступать с другими людьми, надо спросить у других людей.

Оба дознавателя впервые за заседание смотрели друг на друга, и, кажется, не слушали, что говорит им Грип. Несколько секунд они раздумывали над следующим шагом.

— *Грип Ставропольский,* — продолжила синенькая, — *утверждаешь ли ты, что человечество представляет угрозу укладу жизни ящериц.*

— Да, — с готовностью ответил Грип.

— *Как именно?*

— В процессе расследования инцидента выяснилось, что— Грип запнулся. Загадочный отблеск со стола привлек его внимание— перед ним, на выключенном планшете, за карандашом, сидел маленький серенький паучок. Паучку внимание не понравилось и он начал медленно отступать.

— Что это?! — Грип вытянул руку в его сторону.

С грохотом дернулась за паучком Сталина Филантьевна — и промахнулась. Мария соскочила со стула и стояла теперь

сбоку. Грип вытянулся через весь стол и предпринял последнюю, отчаянную попытку поймать паучка. И тоже промахнулся.

— Извините, — Грип сполз обратно, подняв обе руки.

— *Я что-то видела,* — присаживалась обратно Мария.

— *Какую именно ты видел угрозу укладу жизни ящериц?* — как ни в чем не бывало, переспросила синенькая.

— Мы узнали, что их всего одиннадцать, — продолжил Грип.

— Когда вас всего одиннадцать, а нас шестьдесят миллиардов, это очень большая разница.

— *И ты хочешь сделать их больше?*

— Все так. Мы остались для того, чтобы сделать их больше, и я действительно считаю, что если мы поможем им с этим, после этого все они начнут нам доверять, и им станет безопаснее, и у них будет желание этот контакт продолжать, потому что мы им помогли.

— *И зачем ради этого было закрывать планету на десятилетия?*

— Я не знаю, сколько это займет. Пока мы разберемся, как это сделать безопасно, пока мы сделаем их больше...

— *Так чтобы это сделать безопасно, нужно было наоборот, пригласить туда как можно больше экспертов.*

— Мария — квалифицированный специалист. У семи нянек дитя без глазу—

Мария вертелась и что-то хотела сказать, но ее не спрашивали.

— —А еще это бы все затянулось, а еще они боятся наших

механизмов— они очень просто живут, и их напрягают наши сложные штуки —а еще пока они привыкнут к новым людям, лучше пусть это будем мы с Талией и Мария, начнем с Ньюта, а там посмотрим.

— Посмотрим, — покачала головой красненькая и вытянула перед собой руку, ткнув пальцем в сторону Дэна. — Ваше отношение к инциденту, закрытию планеты, обвинениям и другим обсужденным здесь темам. Дэниел Вашингтон.

— Я? — удивился Дэн. — *Я чего, я никаких решений не принимал, а насчет отношения, так я, пожалуй, промолчу.*

Красненькую это не устраивало, но Дэн молчал.

— Ираклий Шпрейгл, — перевела она руку.

— Все заседание ничего не спрашивали, а тут на тебе, — закрихтел он. — А вот я не смолчу. Я человек бывалый, всякое видывал, так что ни людям теперь не доверяю, ни государствам. Я нахожу саму идею «подселать» разумных существ в голову другим разумным существам отвратительной. Как по мне, так все правильно сделали.

— Лиза Фрай.

— *А я тоже не имею... четкого мнения. Меня устраивает как вышло.*

— Мария Стиннер.

— *Я не считаю, что мы были вправе принимать такие решения... И выводы, к которым... некоторые из нас пришли, были скоропалительными, глубоко эмоциональными и невзвешенными. Я против закрытия.*

Грип скептически рассматривал ее в упор, сидя на стуле боком, и теперь быстро разворачивался.

— Грип Ставропольский.

— Инцидент считаю взаимным непониманием, закрытие планеты считаю... лучшим вариантом из возможных, — волновался Грип. — Я согласен с Марией, что мы были не идеальными людьми, чтобы принимать такие решения. Мы были скорее учеными. Но виновным себя не считаю.

— Сталина Иванова.

— Попытки обвинить нас в организации и доведении до суицида считаю абсурдными. Превышение полномочий — не мне решать. К инциденту отношусь именно что как к инциденту. К закрытию планеты всегда относилась отрицательно.

— Поясните?

— Назовем это интуицией, — ухмыльнулась она.

— Дмитро Деревяшко.

— Действия своего подчиненного считаю обоснованными, с поправкой на его возраст. В упор не вижу в них нарушения инструкций, да и насчет превышения полномочий я уже высказался. Любые выдвинутые обвинения буду считать излишними.

— Хельга Воронов.

— *Я воздержусь от комментариев.*

Синенькая снова не выдержала и вылезла вперед:

— *Грип Ставропольский. Я вот одного никак не пойму, и для дела, если таковое будет возбуждено, это большой роли*

не играет. А вот для общественного мнения это важно, и я даже готова ради ответа закрыть сейчас заседание. Заседание объявляется закрытым.

За плечом у нее красненькая смотрела ей в затылок так, будто у них двоих намечался тяжелый разговор.

— *Кого ты все-таки спасал, Грип? Нас или их?*

Тут уже и Сталина, и Мария мотали головой, подсказывая Грипу «не отвечай», но Грип этого не видел. И не только из-за дурацкого стола — он как раз тянулся вперед, чтобы вернуть на место наушник:

— *Нас от них, а их от нас.*

— *Что ж, как-то так я и поняла. Всем спасибо—*

Без наушника окончание фразы потонуло в грохоте массивных стульев.

— Что это было? Которое убежало? — наклонилась к нему Сталина.

— Не знаю. Значок-паучок какой-то. Я думал, это часть ручки, а оно бежит.

— Как ты его заметил?

— Оно светило, прямо в глаз! Надо Талию спросить.

Грип заозирался. Выпускали их через другую дверь, и Талия уже умчалась вперед всех. Дэн убрал телефон, поймал его взгляд и, с заговорщическим видом, заявил:

— *Я, кажется, знаю, почему нас так легко отпустили. Пойдем—*

Грип кивнул и пошел за Сталиной, но сразу же за дверью был

сцапан и оттащен в сторону Талией:

— Грип, Лора. Лора — дура! — пенилась Талия.

— *Эй!* — обиделась Лора, высокая старшеклассница. — *Это слово я знаю.*

— *—а я — валенок—*

— *Рада знаком—*

— *Лора считает, что мы должны были расселить их себе по головам!—*

— *Чего?* — сощурился Грип.

— *—это не совсем то, что я—*

— *объясни ей!*

— *Зачем?* — прямо спросил Лору Грип.

— *Во-первых, вы даже не пробовали—*

— *В смысле «не пробовали», попробовали. Ты сказку до конца дочитала? Получилось не очень.*

— *Да-да, ты умер. Но у вас же было средство от этого, и вы даже не попробовали!*

— *Запихать их себе в голову?*

— *А если это и есть ключ к пониманию? Если так и должны сосуществовать люди и ящерицы? Как единое целое? Если вообще не надо было учить никакой язык?*

Талия в отчаянии махала в сторону Лоры руками, мол, видишь, какой тяжелый случай?

— *Зачем? Чтобы что?* — настаивал Грип. — *Ты хочешь чтобы с тобой всегда было другое разумное существо?*

— *А может и хочу. Просто теперь, благодаря кое-кому, я и не узнаю—*

— Выйди замуж.

— Что?

— Найди себе парня и выйди замуж.

Талия оперлась Грипу на плечо, чтобы просмеяться.

— Это вообще не то, — миролюбиво отвечала Лора. —
Парень — отдельное существо—

— Так и они тоже!

— Да! — вторила ему Талия.

— а тут мы вместе будем в одной голове—

— Запрешь ты его там что ли? Да с чего ты вообще взяла,
что там останешься ты?

— Да!— Стоп, что? — повернула голову Талия.

— Почему мы думаем, что ящерицы после этого
выживают?

— Это как это? Не выживают? — хлопала глазами Талия.

— Может и не выживают, — только пожала плечами Лора.
— А может и выживают. Кто знает? Правильно, никто,
а надо было взять и проверить.

— А может и проверим, просто— — заявил Грип, отвлек-
шись на столпотворение в центре коридора. — Погоди.

Над толпой высился Дэн, остальные крутились вокруг,
Сталина Филантьевна уже отходила,

— —Что это значит?—

— —оттуда!—

— —чего они экономят?—

— —двадцать два?—

— Супер-разведчик! Добудь информацию! — приказал Грип Талии, картинно вскинув руку.

В три прыжка она достигла столпотворения, пролетела сквозь толпу, и, ко всеобщему недовольству, повисла у Дэна на руке. Сообщение разослали всем, и толпа распалась на группы. Грип присоединился к Талии, но так, чтобы поближе к Деревяшко.

+22, они все спорят. Т. Не могу починить воспроизводство одна без путешествия. Могу читать и изменять память. М. Правильное решение. Мы не готовы. 20 лет. Г. Привет. Н1.

— Что, что все это — гадал Грип.

— Плюс двадцать два, значит все получилось! Э-хей!

— А «Тэ» — это ты!

— А «Эм» тогда — Мария! «Гэ» —

— А «Эн один» — Ньют! Первый.

— О-о-о.

— А в смысле, не могу починить воспроизводство? Какого путе —

— Скопировать, и все? Надо спросить Марию. И про память, — озиралась Талия. — О, Ираклий Космович, у них же нет «привет»?

— Нет, — подтвердил лингвист. — Научил кто-то нашему. Кто бы это был, ты как думаешь?

— Грип, тебе ничего не кажется странным? — спросил Дмитро Иванович.

- «Не могу починить?» «Одна без путешествия?»
- Да нет. Нет такого, что чего-то не хватает?
- ... Чего? Тут все лишнее.
- Я бы попрощался.
- А я бы нет. Я бы вообще ничего не писал.
- Так это, — рассмеялся Ираклий Космович. — Так я бы тоже не прощался.
- Почему? — не понял Деревяшко.
- Пусть теперь попробуют—
- обвинить нас в суициде, верно! — радостно закончил Грип. — А!
- Ну! — подтвердил довольный Ираклий Космович.
- Так зачем тогда? — повернулся Грип к Дмитро Ивановичу.
- Чтобы точно знать, что их больше нет.
- Какая разница? Он что, вернется? И мы перепутаемся?
- Нет, — слабо улыбнулся Деревяшко. — Исключено.
- Будет претендовать на мою жизнь? Наследство?
- Нет, так тоже—
- Ну и все.

Грип помахал рукой Мартину Александровичу, наблюдавшему все из глубины коридора вместе со Сталиной и Лизой. А это что за мужчина? Его Грип вообще никогда не видел. Талия нашлась рядом с Марией:

- *— все еще там? Ты как думаешь?* — спрашивала Мария.
- *Я думаю, что нет,* — отвечала Талия.
- *Я думаю, что да.*

— А ты, Грип?

— А я думаю, что это неважно.

— Эй, так не интересно! — возмутилась Талия. — Ты должен был быть третьим—

— Я это, что спросить-то хотел. Насчет прессы. Что это за штука от нас убежала? Вот такого размера, как паучок такой, серый, мы его увидели, а он бежать—

— Ну, ты сам спросил, сам ответил, — озадаченно смотрела на него Талия. — Хотели кадры, не как у всех. Это из-за него вы шумели—

— Ага. Упустили. Будут у них теперь веселые кадры...

— Не, им не это надо, а как ты речи толкаешь. Особенно, то, что перевернуть можно. Ну, это, увидишь видео из-под подбородка, значит это было оно.

Договаривала Талия уже пристально рассматривая подошедшего к ним седого дедушку, что приветствовал их внизу. Подойдя, он вынул руки из карманов, ткнул их с Талией кулаками в плечи и раскрыл ладони. В каждой обнаружилось по значку с изображением кучерявой, бородатой головы.

— Рад встретить вас двоих! Имею честь назначить вас почетными членами Академии Новейшей Этики.

— Спасибо, — пискнула Талия, схватила значок и тут же убежала.

— Новой эстетики? — переспросил Грип.

— Новейшей этики, — перешел на сносный русский дедушка.

Грип поднял невесомый, печатанный значок, мысленно примеряя его к воображаемым статуям. К увиденным сегодня такая голова подходила не очень.

— Хотелось бы знать, что это? — спросил дедушка.

— Угу, — кивнул Грип.

— Поступайте к нам, и узнаете. Может, и для вас еще проблем останется.

— Каких проблем?

— Которые вы перед нами поставили. Про ящериц. Про память. Про контроль разума. Вы говорите так: «если бы, да кабы, да во рту росли грибы», не правда ли?

— Говорим, — радовался его чудному произношению Грип.

— Вот мы веками, веками рассуждали разные гипотетические ситуации, думали, что все понимаем. И теперь вы пришли со своими ящерицами: смотрите, вот же они, грибы. Контроль разума. Памяти. Ящериц. Нашей. Что у вас на это было, философы? Напомните? А мы просто...

— Мы их не выращивали, мы только нашли, — радостно кивал Грип. — Но я понял.

— Да. Теперь мы будем снова думать, кажется, что все заново.

— А вот это вот, *почетный член*, это...?

— Вы имеете право посещать наши собрания... но, я боюсь, что ты живешь так далеко, что это будет просто формальность.

— Жалко.

— Жалко. Но большое спасибо! А это тебе, чтобы помнил...

Он отступил на несколько шагов и покосился на Талию, которая уже почти кричала на Лору:

— *— твою идею, она даже складная! А ненавижу я тебя! Как ты можешь так—*

— *Дорогие гости!* — прервал он их односторонний скандал.

— *Боюсь, что отпустить вас мы пока не можем, зато можем предложить прохладительные напитки. Пройдите за мной по—*

— Слушай, вот нас теперь будут судить, и как— — обратился Грип к Талии.

— Тебя, считай, отпустили, — оборвала его она, а сама сверлила взглядом Лору, которую отвлекала Лиза.

— Точно? Сто процентов?

— Не сто. Но хватит думать про суд и начинай думать про прессу.

В этой микростоловой ни раздачи толком не было, ни еды на ней. Пицца лежала на одном из столиков двумя стопками коробок, и зашедшие первыми Деревяшко и Мартин Александрович, не сбавляя шага, тут же вытащили по одной и ушли за столик в дальний угол. Консилиум из Талии, Лоры и седого дедушки слишком бурно и быстро обсуждал что-то, Грипу после тяжелого дня уже недоступное. Мария и Лиза следили за их дискуссией, а вот Дэн интересовался Грипом:

— *Как оно, говорить с ящерицами?*

— *Совсем не так, как с людьми. Их не перевести. У нас нет*

слов для них, у них — для нас.

— У них мало, но какие-то же есть. «Иди», «стой», «смотри», «да», «нет»—

— Нет. «Стой» уже нет, а, главное, нет «хорошо» и «плохо». Точнее есть, но это что-то другое. Мы столько над ним думали...

— И как, поняли?

— Поняли. Что нет у нас таких слов. А когда есть, всегда можно понять так, а можно иначе.

— А эмоции—

— Я не шутил. Я не знаю. Вот, боится ли Ньют или это... как это слово, когда решаешь, делать или нет...

— Сомнение?

— Наверное.

— А для эмоций у них есть слова? Если есть слово для сомнения, наверное, есть и эмоция.

— Нет. Есть «ликовать», но это... — махал руками Грип. — Это для действия слово. Не для эмоции.

— А ты правда на него не обижаешься?

— Да ладно! — потрясал руками Грип. — Сколько раз мне еще нужно повторить? Почему никто меня не слушает?

— Не знаю! — еще ниже склонился Дэн. — Я правда думал, что ты просто его прощаешь, весь такой благородный. Как можно просто не обижаться?

— Ну вот так. Почему я должен обижаться? Меня там вообще не было, может поэтому я меньше переживаю? Я когда маленький был, мне мама эти, — изобразил Грип

небольшую пантомиму.

— Пузыри пускала? — предположил Дэн.

— Да, а я их лопал все. Я теперь грозный убийца пузырей? Мне просто было интересно, и ему просто было интересно.

— Что, он не хотел захватить самого из нас главного, а потом и весь мир? — деланно расстроился Дэн.

— Ой, ему бы без этого самому не разбиться. Я сейчас.

Грип отлучился всего ненадолго, а Талия и Лора уже торжественно примирительно обнимались. Хотя согласием между ними и не пахло: под влиянием бабушки Лора признала, что они все правильно сделали, но совершенно случайно, потому что еще не знали про память. Так что с идеей совместного проживания в одной голове она все равно не расставалась.

Теперь Лора рассказывала Талии какие-то их новости, а Лиза, кажется, поставила себе цель заглянуть в каждую коробку. Грип собрался пойти в русскоговорящий угол, но сначала тоже решил взять себе кусок пиццы.

— Вот эту попробуй, и вот эту еще. Слушай, а раз это такой прорыв, почему про память еще не в каждой новости? — спросила Лиза у Марии.

— Потому что разумные понимают, что это не про людей, а все поехавшие и без того считают, что мы уже умеем читать и внедрять мысли? — махала куском пиццы Мария.

— А мы точно не умеем?

Мария замолчала и уставилась на Лизу, пока та не отвлеклась и не заглянула ей в глаза.

— *А что из окружающей реальности навело тебя на мысль, что мы так уже умеем?*

— *Я бы не ходил тогда в школу!* — вставил Грип.

— *Именно.*

— *—просто по пути домой бы все выучил и бум! Никаких школ!*

— *Никаких судов,* — кивала Мария.

— *Никаких тюрем?* — предположил Грип.

— *И никаких отчетов.*

— *О да,* — откликнулась Лиза.

— *А это точно плохо?* — пошутил Грип.

— *Просто замечательно. Жалоб тоже не будет,* — ответил Дэн. — *Мария, а ты чего такая кислая? Вас же, вроде, отпустили. Что-то—*

— *Конечно я злюсь,* — поджала губы она.

— *На кого?*

— *На себя!*

— *Из-за того, что себе написала?*

— *Что не написала. Про мысли мне может очень пригодиться. Про размножение эта коза ничего, ни-че-го мне не подсказала.*

— *Что ж вы так о себе,* — огорчился Грип. — *Себя надо любить. Она вас любит, значит о вас заботится—*

Марию его мысль не проняла.

— *—значит вам не надо знать.*

— Значит знает, как я на нее сейчас зла! А могла бы... Теперь я никогда не узнаю... семена они или что там у них—

За столиком, до которого Грип так пока и не дошел, Мартин Александрович громко присвистнул.

— Да не обращай внимания, — заглянул к нему в телефон Деревяшко. — Придурки какие-то.

— Что там? — спросила через всю комнату Сталина.

— Вооруженное ограбление—

— Ограбление?

— Что происходит?

— На заливе какие-то—

С тяжелым топотом в министоловую вбежал Марек, из-за него торчал извиняющийся дедушка.

— Пойдем, пойдем, сейчас! Федераты вперед, кулаки, держитесь позади!

Грип задержался, чтобы поставить стаканчик и чтобы внимательнее посмотреть, как опытные (контр?)разведчики выбирают пиццу: хватают, не глядя, коробки почти с самого низу. Мартин одну, а Деревяшко так и вовсе две. Логично, теперь внизу должны были быть самые полные коробки.

Ираклий Космович, оказывается, очень неплохо бегал при местной гравитации. Когда они выбегали на крыльцо, разведчики прикрылись от дождя пиццей, а Марек вытянул в руке телефон, который вещал:

— давно не случалось, Энди, ты припоминаешь еще один такой дерзкий налет?

— Нет, тут надо звонить моей бабушке. Налет, слово-то какое, налет, это точно что-то из ее эпохи. Полиция уже—

Звук из телефона, впрочем, быстро уступил радостным воплям толпы, которая поджидала их, несмотря на дождь. Уже стемнело, и самих людей было почти не видно, только желтых полицейских вдоль их пути. Вокруг черных лимузинов качалось море из светящихся знаков, и что на них написано, было совсем-совсем неважно... Грип был бы не против лимузинов подлиннее и повыше.

— Tha-li-a! Tha-li-a! — начала скандировать толпа.

— Пап, пап, зачем на Амстере кого-то грабить? — сама Талия чувствовала себя в этом хаосе как рыба в воде.

— Хороший вопрос, — ответил Мартин Александрович, слегка запыхавшись, — а ты сама как думаешь?

— А в чем проблема? — спросил пытающийся угнаться за ними Грип.

— Пока, коллеги! — закричал сзади Дэн.

Грип обернулся: Дэн складывался в три погибели, чтобы войти в лимузин, Лиза запрыгивала в другой...

— Ну вот отобрала я у тебя—, — перестроилась к Грипу поближе Талия.

— Ну, ну? — веселился молодой, не обремененный материальными благами федерал, ускоряясь перед калиткой.

— Ты — плохой пример! У тебя одни штаны, да— — возмутилась Талия и припустила за отцом вверх через три ступеньки, — Я придумала! Они не просто какой-то

секрет свистнули! Они еще хотели унизить!

— Умничка! Вполне себе вариант, — расцвел Мартин Александрович, пробегая вслед за Марексом подальше вглубь коридора, и там ловя дочь свободной от пиццы рукой. — И шпионаж, и репутационный ущерб. У меня тут, судя по запаху, кистинская, — опустил он коробку, но Талия пиццей не заинтересовалась.

— А у меня — Деревяшко приоткрыл одну из своих коробок.

— А не нас ли там полиция ищет? Не то ли это ограбление — ткнул Грип пальцем в его коробки.

— О да, мы ребята такие, — подыгрывал Мартин Александрович. — Нам дорогу просто так перейти нельзя, обязательно надо кого-то ограбить —

— Мартин, а ты —

— Да? — повернулся он на голос.

— Чего тут забыл? — спросил его с издевкой Аксат Джона-танович.

— Где?

— В посольстве!

— Не знаю... Все побежали, и я побежал, — с невинной физиономией ответил Мартин Александрович. — Я пойду тогда? Проход в метро все еще на месте?

— Пойдем, блин, — позвал его Марек, не отнимая руки от лица.

Не успели они рассестись в холле, как все пространство слева от двери превратилось в один большой экран.

— Товарищи офицеры! — громынуло на всю комнату гигантское, как профили Свободина, хмурое лицо.

Нет, не хмурое, скорее— нет—

— Здравия желаем, товарищ генерал! — вытянулись в стойку Аксат и Дмитро.

Грип не сориентировался и стоял как есть. А лицо— седое, угловатое лицо генерала не было живым, оно перетекало их одной эмоции в другую, ни одной из них до конца не принимая.

— Вольно, вольно вам было планеты закрывать. Мне уже—

— Привет, деда!

— —доложили, так что слушайте сюда. Киренко— Это кто у вас там?! — выкатились неестественные глаза. — Гоните ее взащей!

Талия обиделась и медленно вышла в коридор. Лицо нелепо косило глаза в сторону двери в той же стене, на которой было нарисовано. Грип подумал, не отойти ли в угол к Ираклию Космовичу, но решил остаться.

— Спецсвязь, твою дивизию... Значит так, — продолжил генерал. — Киренко успел первым, теперь по гроб ему должен будешь. Деревяшко, ты остаешься. Но план «тень».

— Есть план «тень»! — перекошилось от неприятных известий лицо Деревяшко.

— Вот. А то распоясались вы там.

— Не до жиру, быть бы живу, — сказал Аксат успокаивающе.

— Сам кашу заварил, сам и расхлебывай, — продолжал тем

временем Талькин дед. — Завтра, восьмого, в шесть — на ковер, там пропесочу вас по-настоящему, а потом будем думать, что с вашим детсадом делать.

— Есть восьмого в шесть!

— ... Свободны.

— Честь имею! — в голос ответили ему подчиненные.

— ... а совесть мы вам новую распечатаем.

Лицо пропало, а Аксат Джонатанович и Дмитро Иванович стояли, глядя друг на друга.

— А что такое «план тень»? — спросил Грип.

— Это, Грип, к каждому ребенку приставят по взрослому, — очнулся и повернулся к нему Аксат Джонатанович.

— Ой.

А Дмитро Иванович не очнулся; так и пошел с пиццей к столику, не приходя в сознание.

— Это сильно плохо? — спросил Грип, разглядывая Деревяшко.

— Это все меняет, — уклончиво ответил Аксат Джонатанович. — Хотел бы я посмотреть, откуда у нас бюджеты на это все. Кстати, пойдем, раз мы все тут, разговор есть серьезный.

Они сели за столик. Дмитро думал о чем-то сложном, и становился все больше и больше похож на свою копию-диссоциата с Эпсилон Инди 3. Аксат Джонатанович поглядел на него укоризненно, но Дмитро намек проигнорировал, и говорить пришлось самому.

— Хорошо, могу я, — ворчал он. — Что-то мне подсказывает, Грип, что работать у нас ты теперь не очень хочешь.
— Я домой хочу, — кивнул Грип.
— Это само собой. Я имею в виду, потом—

В комнату заглянул Марек, и Аксат Джонатанович отвлекся на него:

— Нам двоим срочно.
— Да-да, я понял, — кивнул он. — Вы двое первыми, Сталина-Ираклий за вами, Грип через два дня—
— А чего это я через два дня? — удивился Грип.
— По медицинским показаниям.
— И что я тут буду делать?
— Если хочешь спорить, спорь с доктором Кролевски, — отмахивался Марек. — а меня как-нибудь избавь.
— А можно мне тогда хотя бы телефон? — настаивал Грип.
— А с этим, наверное, донимай товарища посла—
— Хочешь маме написать? — очнулся Деревяшко. — Я могу отправить.
— Хочу тут не заблудиться? Хотя бы? Вот пойду завтра гулять и пропаду? Вы что делать будете?
— В полицию заявлю, — пригрозил Марек. — И к послезавтра они тебя по камерам найдут. Все?
— Если нельзя телефон, можно хотя бы чаю?
— Я тебе что, дворецкий? Один день в Новом Амстердаме и все, дворецкого ему подавай, — ворча, ушел Марек.
— Так вот, — вернулся к разговору Аксат Джонатанович.

Деревяшко так и решал у себя в голове какую-то сложнейшую задачу.

— Специализация у тебя, конечно, экзотическая— а теперь, твоими усилиями, еще и не очень актуальная—

— А ничего, что я все испортил? Пронес пришельца, умер и закрыл планету?

— Не, если так формулировать, то беда, конечно, — улыбнулся Аксат Джонатанович. — Учись, как надо: завоевал доверие кулаков и инопланетян и, проявив недюжинную инициативу, самостоятельность— нет, автономность—

— Рискую жизнью! — докинул из своего угла Ираклий Космович.

— взял на себя ответственность и принял тяжелое решение... а то, что я от результатов не в восторге, это уже другой вопрос. Но ведь интересно было?

— Еще как. А мне придется переехать?

— Да, на Аркадию. А что, с есть проблема?

— У мамы работа... да и папа—

— А кто у нас мама?

— Разведчик—

— Георазведка, — на секунду вернулся в реальность Деревяшко. — Уран. Экспедиции на вездеходах, вот это все.

— Ага. Может я к вам после школы учиться перееду?

— Да, — вздохнул Аксат Джонатанович. — Мама — это серьезно. Я понял, тут надо подумать.

- Можно моим начальником останется он? — показал Грип на Дмитро Ивановича.
- Теперь — нет, — вздохнул Аксат Джонатанович. — Теперь только через одного. Ладно, я понял, езжай сначала домой, отдохни, тут надо все обдумать.
- Может просто распечатаете их десять штук да и все? Будет сам собой—
- Ни за что, — замотал головой Деревяшко. — Больше никогда.

Вернулся Марек с чайником, открыли коробки с пиццей, начал оживать Дмитро Иванович.

- Да не грузись ты так, — сказал ему Марек. — Жизнь продолжается, и отдел ты сохранил, и должность, чего еще?
- А я бы вас всех разогнала, — заявила Сталина, про которую все забыли.
- И зачем мы ему так срочно? — проигнорировал ее Деревяшко.
- Да низачем, — ответил Аксат Джонатанович. — Это все, чтобы ты тут не кусал локти два дня. Давай, выдохни, соберись и домой.

Грип принес кусок пиццы скучающему в кресле Ираклию Космовичу.

- Ешь, ешь, — замотал он головой. — Мне зачем, мне прыгать скоро. А тебе еще невесть что тут делать.
- А можно спросить, как вы везде находите бумагу? —

кивнул Грип на лежащий с креслом учебник.

— Ничего интересного. У меня тут подруга живет, вот и принесла.

— А вы оставите мне книжку почитать?

— Может быть, — лукаво улыбался Ираклий Космович. — А ты ее за меня отнесешь потом автору?

— Я— автору? — тут же бросился разглядывать книгу Грип.
— А— которому из?

— Фаре. Чуть-чуть вы двое разминулись, второй раз подряд. Но я предупреждаю, вопрос был с подвохом. Теперь, без ящериц, Фара тебя самого сдаст на опыты— нет, чего это я, сдаст она, как же. Будет допрашивать лично, день и ночь... Так что я бы на твоём месте подумал ещё, стоит ли...

— Шутите? Звучит... как минимум, интересно. Отнесу, конечно, вы чего...

— Ну, как знаешь, я тебя предупредил...

Ираклий Космович достал телефон, что-то нажал и теперь глупо смотрел на него.

— А ты же у нас без связи.

— Да.

— Так я ни ей тогда не могу, ни тебе... Да. А давай... Ох. Давай тогда по-старинке, как деды наши на Земле делали, — он потянулся за недорешанным Талией кроссвордом. — я когда у нее узнаю адрес, я на этом листе напишу и здесь оставлю, а ты потом туда съездишь и отнесешь.

— Договорились. А это вы где взяли?

— А, это из газеты, — он перевернул лист с кроссвордом

так, чтобы показать передовицу. — У посольства еще с позапрошлого века подписка, правда здорово?

Ираклий Космович еще долго рассказывал, как гордится Грипом и Талией, и как они все теперь должны воспитывать детей, что Грипа только смущало. Деревяшко просто сказал: «еще свяжемся», Аксат Джонатанович не прощался. А Сталина Филантьевна выдавила такое неискреннее «рада была поработать вместе», что лучше бы тоже молчала.

(Не)признанны

Грипа разбудил стук тяжелых сапог в коридоре. Он подскокил, в обнимку с массивным одеялом, и стук прекратился. Та же комната, Новый Амстердам, предрассветный час за окном, портреты по стенам, жуть.

Грип тихо оделся. За неимением зеркала, заглянул в фотографию со Свободиным, пригладил волосы рукой. Бесшумно открыл дверь, выглянул налево, заглянул направо, прямо в дуло автомата...

— Стой, кто идет, — запоздало обратился к нему хриплый голос.

Мужчина в черной форме смотрел на Грипа из полумрака в полном замешательстве.

— Стою.

— Ты кто такой вообще? — мужчина убрал палец с курка и плавно опускал оружие.

— Я — Грип, а вы кто? — осмелел Грип. Кровь стучала в

висках.

— Который остался что ли? Ты чего тут делаешь?

— Сплю. Хотелось бы остаться, да, — нервно хихикал Грип.
— Как-нибудь не навечно.

— Фу-ты ну-ты, извини, пацан, — выдохнул он. — Напугал ты меня.

— Я? Напугал вас?

— Я че-то думал, ты повыше будешь.

— Повыше?... То есть, будь я повыше, вы бы меня сразу пристрелили?... А так несподручно было?

Владелец автомата шутить расположен не был.

— Слушай, ты там шел куда-то. Иди-ка ты, наверное, куда шел.

Грип спорить не стал и заторопился в уборную пуще прежнего.

— Доброе утро, — отвесил он, не глядя, старику в холле за столиком.

Старик оторвался от тетради и непонимающе проводил Грипа взглядом. А уж на обратном пути заинтересовался им еще больше:

— Ты чего там делаешь? — с порога спросил он его.

— Умывался, — не понял Грип.

— Нет, ты чего посреди ночи в гостевом крыле шастаешь?

— Спал?

— Ну-ка иди сюда.

Нет, все-таки стариком Свободин еще не был. Пожилой мужчина. Заметно старше портретов. Немногим старше

фотографии. И уж точно не старше Ираклия Космовича.

— Ты не Максимка, — заметил он.

— Ммм, нет, — согласился Грип. — Я — Грип—

— Ты чьих такой будешь? — непонятно выразился генеральный секретарь. — Воронова? — вдруг с энтузиазмом предположил он.

— Да нет, Ставропольский я—

— Это-то понятно. Вороновский, значит?

— Какой я Вороновский? У Воронова дочка.

— Какая дочка, какая еще дочка, всегда ж у него сыновья были? — склонил голову Свободин и Грип сделал шаг назад. — Ты меня не путай, я всех помню. Нет, не Фридрих и Энгельс... Карл и Мартин, точно! — он снова выпрямился. — Ить, спорит еще... Слышь, Ставропольский, а ты не тот ли ты наглец, который кулакам планету закрыл?

— Тот—

— Ну! А говоришь не Вороновский. Ать, молоток! Как ты этих кулаков...

— А... как я этих кулаков?

— А вот так, — он щелкнул Грипа по носу, и тот от неожиданности рассмеялся. — Захотел — да и закрыл, целую планету, прям вместе с ящерицами. Наш человек. А сколько есть еще героев, и не упомянуть всех имен, — временами было непонятно, с кем генеральный секретарь разговаривает.

— А вы здесь из-за нас?

— Нет, нет. Дипломатическая суета, работа. Иди сюда, посмотри, какая песья работа. Сейчас стираем Соколовского.

Он снова раскрыл тетрадку и занес над ней ластик. Грип сперва пошарил взглядом по столу: карандаша видно не было. В углу тетрадки виднелось «П. 156», а внутри — бледный текст такой прописью, что ничего было не разобрать. Грип наклонился ближе и оперся на столик.

— А на что мы, собственно, смотрим?

— Это же Книга Судеб, ты что!

Старик повозил ластиком по слову, которое действительно походило на «Соколовский», по крайней мере, «С» и «й» там точно были. Слово осталось примерно столь же читаемым, но Илью Ильича результат явно устраивал, и он уже искал следующее упоминание.

— Был Соколовский, нет Соколовского.

— Сурово, — сказал Грип.

— Но справедливо, — эхом отозвался Свободин. — Ладно, чего я о своем—

И тут Грипа подвел столик, который, громыхая, поехал под его весом на генерального секретаря. Инстинктивно Грип умудрился сделать единственно правильный выбор в его ситуации: упасть еще немного в ту сторону, поймать момент, когда столик снова получит сцепление с землей, плавно оттолкнуться от него и выпрямиться до того, как несущийся на него сбоку убийца порешит его прямо здесь, не отходя от кассы. Лысый, с серой, как стены комнаты перед рассветом,

кожей подросток, остановился вплотную к Грипу, выдохнул ему в макушку и с грохотом потянул столик обратно.

— Стасик, ты чего такой нервный, — распекал генеральный секретарь охранника, не обращавшего на это никакого внимания. — Мы просто разговаривали.

— Живи пока, — обратился Стасик к Грипу практически в упор. — Свободин сказал «свободен».

— Хорошего вам дня, — ретировался к лестнице Грип.

Он взбежал по ступенькам и спрятался за своего старого знакомого с автоматом.

— Что там у вас такое?

— Мне нужен Марек, — тяжело дышал Грип.

— Перцев? Марек Истматович? Так это проще некуда. Ты разве не знаешь? Он же всех слышит.

— И что?

— Не знаю, попробуй позвать его три раза, — вполухотку предложил он. — Вдруг появится.

— Марек Истматович. Марек Истматович. Марек Истматович, — проговорил Грип и открыл глаза.

Не помогло. Грип прошелся вглубь гостевого крыла, вернулся.

— Может спит еще, — добродушно пожал плечами мужик в форме. — Ты подожди.

— Эх, книжку не достал, — пробормотал Грип и направился в свою комнату. — Я пока тут посижу, ладно?

— Сиди, че.

Марек все не шел. Самому идти вниз тоже не хотелось. Где-то через полчаса Грип услышал, как удаляются тяжелые шаги. Он выждал еще немного и выглянул в коридор. Никого.

— Марек Истматович. Марек Истматович. Марек Истматович, — повторил Грип. — Я иду искать.

Перед тем, как снова зайти в холл, Грип опять спрятался за поворотом. Затем медленно высунулся и долго рассматривал серые стены. Никого. Он вышел на середину, подошел к окну, приоткрыл штору, оглянулся еще раз, выглянул наружу. Толпа испарилась, по улице снова ездили машины, напротив все так же стоял Институт гибридного правоприменения. Грип пригляделся, и заметил, что справа от ворот отирались двое неприятной наружности, с которыми ему не хотелось бы затевать никаких разговоров.

— Марек Истматович. Марек Истматович—

Шаги. В комнату быстрым шагом зашла Лора-Лаура с телефоном в вытянутой руке:

— Марек занят, и у него к тебе деловое предложение.

— Э?

— Ты берешь этот телефон и до завтра здесь не отвечаешь.

— Телефон, книжку и два комикса, — тут же начал торг Грип.

— Какую книжку?

— Мне должен был оставить Ираклий Космович, — обернулся и увидел ее Грип.

— Вон ту что ли? Нет, этого я ему говорить не буду, —

внезапно сменила тему Лора.

— Что именно?

— Не положено тебе еще знать. Книжка, телефон и чтобы до ночи ноги твоей здесь не было. Быстро.

Грип выхватил телефон, метнулся за книжкой и побежал, довольный, прямой наводкой к парадному входу. От двоих справа от ворот он просто убежал, втопив, что было сил, влево и еще раз влево, пока ему не подвернулся какой-то микроскопический парк. Там он перепрыгнул за кусты, сел на лавочку, и выдохнул: «Свободу детям!»

В учебнике нашелся кроссворд, на кроссворде — адрес: «*Фарнбороу 114/216, Институт прикладной лингвистики, Фара Стронг.*» Грип уткнулся в телефон, да так и залип в незнакомом интерфейсе почти на полчаса. Вроде все было понятно, но все не как у людей. Что у него на счету целых пять грамм ровно, он узнал в первую же секунду. Чтобы отметить на карте посольство и адрес Фары ушло пара минут. Чтобы понять, что он в Хайбороу, какого огромного размера этот ваш Хайбороу, и что Фарнбороу, как удачно вышло, с ним граничит — минут десять. Талия, должно быть, тоже где-то в Хайбороу. А вот чтобы узнать, что сегодня он — Антон Новосельцев, пришлось перерыть вообще все настройки.

Тем временем уже рассвело. Мимо прошла мама с коляской, за ней протопал ребенок. Вдали пробежал одинокий бегун. Зато машины, позади уже всюю стояли машины. Грипу

понравилось убегать от всех проблем, поэтому в метро спускаться он не хотел; в конце концов, до этого Фарнбороу можно было попробовать сходить и пешком. Но сперва надо было поесть. Почему нельзя просто прыгать каждый день? Прыжок на Аркадию был так себе, а в остальном прыгать Грипу очень понравилось.

Еда на карте располагалась невероятно кучно. Еще минут десять спустя, отфильтровав заведения, отмеченные ggggg и gggg, Грип пришел к выводу, что столовые на Новом Амстердаме отсутствуют как класс. Самое похожее на столовую было довольно-таки в стороне, поэтому он был вдвойне огорчен, когда он уже почти дошел, а тротуар просто кончился. Ни входа, ни способа до него добраться он не разглядел, так что направился к следующему месту, слегка переживая, что в телефоне оно выглядело как два стула и стол, занимающие пол-тротуара. Зато там точно был тротуар!

Так оно и было. Два стула, столик, меню и маленькое, слишком высокое для него окошко. Грип нашел в меню знакомые со вчера слова.

— *Здравствуйте?* — постучался Грип, и окошко открылось.

— *Я бы хотел бургер и бутылку Фриззингс, пожалуйста.*

— *А ты не местный, не так ли?* — прогремело у него над головой.

— *Да.*

— *Фед?*

— Ага.

— Осторожно, эта штука сладкая.

— Я знаю, спасибо. Где у вас тут платят?

— Можешь отдать телефон мне и я за тебя все сделаю.

— Я бы лучше не стал, — Грип вцепился в телефон покрепче.

— Умный малый. Приложи к меню, прочитай тщательно и два раза подтверди.

Обеднев аж на целых двести миллиграмм, Грип присел за хлипкий столик и вгрызся в бургер. Должно быть, вообще не чета тем, которые воспевал его начальник. Мимо прошла пожилая дама, бормоча себе под нос:

— *—красавчик, да еще при форме, весь такой самодостаточный, сидит такой, ест в одиночестве—*

На секунду захотелось догнать ее и кратко пересказать список своих достижений за недельку— или уже месяц? —но вежливость и языковой барьер остановили его.

— *Самодостаточный, точно. Сам купил еду, сам ест, сам сидит. Просто красавчик. Опунеть не встать,* — бормотал он от укуса к укусу.

Границу между Хайбороу и Фарнбороу было не пропустить, и даже не из-за развязки: Фарнбороу был сплошняком застроен высотками. А над всем этим великолепием ветер гнал с залива жирную тучу. До поры до времени она Грипа не беспокоила, но стоило мелким, предупреждающим каплям напомнить ему, как работает дождь, Грип вдруг резко осознал, каким же промокаемым он был в своей

школьной форме с Розарио, да еще и с бумажной книжкой в руках. Он нашел какую-то никак не помеченную прозрачную будочку и встал под ней. Но редкие прохожие, дожда ничуть не боявшиеся, пилились на него с таким непониманием, что Грип засомневался в своем выборе. Он дождался на светофоре зеленого и засверкал пятками в сторону деревьев метрах в двухстах впереди. Ладно, всего одного, зато какого дерева. Такое считается за целый парк. Высокая девушка на скамейке под ним отложила телефон, радуясь и болея за почти сухое прибытие Грипа.

— *Вуу-хуу! Проскочил!* — объявила она на весь окрест.

— *Что я сделал?* — Грип врезался в другой конец скамейки.

— *Добрался сухим!*

— *А, ха-ха, ага. Здравствуйте!*

— *Я — Лиза!*

— *Я — Грип!*

— *Что ты делаешь под моим деревом, Грип?* — исказила она его имя до неузнаваемости.

— *Это ваше дерево?* — он обернулся полюбоваться на него.
— *Оно прекрасно.*

— *Нет,* — прыснула она. — *Это не мое дерево. Но я так часто сюда прихожу, что начала прикидываться, будто я — его дух.*

— *Как круто!* — Грипу идея понравилась. Должность духа дерева Лизе очень шла. — *Миленькое дерево, дух! Миленький дух, дерево!*

— *Спасибо,* — отсмеялась она. — *Но, по-моему, все это*

- звучит так, будто мне нужно настоящее хобби.
- Давайте найдем вам хобби. Что вам нравится делать? Кроме как приходить сюда и быть духом?
- Я не знаю...
- Я думаю, что ходить — это хобби. Уже.
- Да, теперь все только водят... Я слышала, что на Земле мы были охотниками, и ходили за нашей добычей, до смерти. Такая жесть. Но я не думаю, что ходить — это хобби.
- Почему нет? Если очень стараться, то это станет спортом, так? Почему тогда не хобби?
- Без понятия... Но смотри, если я не считаю это хобби, значит, оно не может быть — в смысле, по крайней мере, для меня...
- Ладно, а что бы вы хотели делать прямо сейчас?
- Сразу после ночной смены? Лечь и перестать думать.
- Если это означает, что вы устали, то надо что-то поделаться мозгом.
- Типа чего? — фыркнула она. — Типа, образование?
- Можно просто напевать что-нибудь. Пока идете сюда. Или обратно.
- Звучит очень странно.
- Или учить стихи.
- Звучит еще страннее.
- Это только если вслух! А если в голове, то нет.
- Ну...

Полил дождь, и им пришлось повесить голос.

— А что ты здесь делаешь? Где твои родители?
— На другой планете! Я путешествую без них.
— Что, правда? — она удивилась и насторожилась. — То есть, ты — путешественник. Ты уже видел Ворота?
— Еще нет. А что это?
— А ты точно турист?
— Я не турист, я — исследователь, — Грип покрепче обнял книжку.
— Исследователь, да? Звучит так старомодно. И как тебе Амстер?
— Мокро.
Лиза расхохоталась.

— Какое... как тонко подмечено. Где еще ты побывал?
— Я был на четырех планетах — подсчитал Грип.
— Ничего себе!
Грип проглотил вертевшееся на кончике языка «— за этот месяц».
— Надо было и мне путешествовать, пока я была маленькой! — воскликнула Лиза. — ... Да, это впечатляет, молодой исследователь. А это — твои путевые заметки?
Грип открыл книгу на середине и развернул к ней.
— Ой! Ты что, правда можешь это читать!
— Да, могу!
— И писать?
— Еще как! — сиял Грип, как начищенный сапог.
— Убери это от меня, — замотала она головой.

— Вы же хотели хобби? Можете попробовать ящериный. Он простой, на самом деле. Там не очень много слов, и соединяются они—

— Не-не-не, даже не думай. Пощады. Когда в мой череп пытались впихнуть русский, там что-то сломалось и все выпало, а это, это что-то вообще другое. Ты это видел вообще, как прикажешь такое читать!

— В этом и соль! — Грип отложил книгу и поднял вверх палец. — Вчера— Я узнал, что каждый читает их по-своему! Как выясняется— в общем, есть как минимум три неправильных способа, и только один из моих друзей делает это правильно! Теперь я тоже хочу научиться правильно.

В голове у Лизы начали складываться два и два.

— погоди минутку, — взглянула она на Грипа так, будто заново увидела. — Ты — исследователь.

— Так, — подтвердил Грип упавшим голосом.

— И ты учишь их язык. Чтобы отправиться к ним—

Увидев целый парад эмоций, промаршировавший по лицу Грипа, Лиза сообразила, что ляпнула что-то не то:

— О нет! Мне так жаль! Я забыла, что они закрыли их— я— Мне жаль, я не хотела— Я уверена, ты найдешь, как там побывать!

